

72.3 Ккз
В15

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ
И
СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник материалов Всесоюзной
научной конференции, посвященной
150-летию со дня рождения
Ч. Ч. Валиханова

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА-1988

72.3 к23

В15

Чокан Валиханов и современность: (Сборник материалов Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова).— Алма-Ата: Наука, 1988.— 320 с.

Публикуются материалы Всесоюзной научной конференции, в которых освещены основные этапы жизни и деятельности выдающегося казахского ученого-просветителя Ч. Ч. Валиханова. Содержится всесторонний анализ мировоззрения ученого, его научного наследия, показан значительный вклад в разработку многих вопросов истории и культуры казахского народа.

Для специалистов-историков, а также широкого круга читателей.

Редакционная коллегия:

академик *С. Л. Тихвинский*, академики АН Казахской ССР *Ж. М. Абдильдин* (ответ. редактор), *З. А. Ахметов*, *Т. А. Ашимбаев*, *М. Т. Баймаханов*, член-корр. АН Казахской ССР *Р. Б. Сулейменов*, докт. ист. наук *Т. Б. Балакаев*

Ответственные за выпуск

кандидаты ист. наук *И. В. Ерофеева*, *Н. Э. Масанов*,
кандидат юрид. наук *Е. К. Нурпеисов*

0202000000—029
Ч 407(05)—88—12.88

ISBN 5—628—00011—6

© Издательство
«Наука»
Казахской ССР
1988

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. Мукенкова
г. Петропавловск

440576

В истории каждого народа есть имена деятелей науки и культуры, внесших значительный вклад в развитие научной и общественной мысли. Их деятельность оказала существенное влияние на судьбы народов и оставила глубокий след в истории. Жизненный путь передовых представителей своего времени, полный неустанного поиска, подвижнического труда, порой и лишений, сродни высокому подвигу не только во имя своего народа, но и прогресса всего человечества. К числу таких людей относится выдающийся казахский ученый-просветитель Чокан Чингисович Валиханов.

В 1985 г. научной общественностью страны широко отмечен 150-летний юбилей со дня рождения ученого. В торжественной обстановке прошли заседания, научные конференции, лекции, концерты, посвященные этой дате.

В Доме дружбы столицы Казахстана 20 сентября за круглым столом собрались ученые разных стран, чтобы отдать дань уважения памяти Ч. Ч. Валиханова. Эта встреча была организована по решению оргкомитета проходившей в Алма-Ате Международной конференции в рамках ЮНЕСКО на тему: «Культурно-исторические процессы в Центральной Азии в средние века».

Юбилею казахского ученого была посвящена и состоявшаяся 16 сентября в Москве в Отделении истории Академии наук СССР научная конференция, на которой дана высокая оценка деятельности Ч. Ч. Валиханова. В частности, академик-секретарь Отделения истории С. Л. Тихвинский охарактеризовал его как выдающегося ученого-мыслителя, широко образованного человека, просветителя, путешественника. В докладах подчеркнуто, что Ч. Ч. Валиханов является выдающимся ученым, оставившим глубокий след в изучении истории, этнографии, географии Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Казахстана.

В Алма-Ате 18—19 сентября работала также Всесоюзная научно-теоретическая конференция, организованная Академией наук СССР и рассмотревшая аспекты научной деятельности Ч. Ч. Валиханова, связанной с развитием науки и культуры. Обмен мнениями объединил философов, экономистов, географов, филологов, вос-

токоведов, археологов и этнографов из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Баку, Ташкента, Фрунзе, Душанбе, представителей ведущих научных центров нашей страны в единодушном признании заслуг ученого.

Для того чтобы обсуждение было плодотворным и творческим, заседания проходили по трем секциям в соответствии с основными направлениями научной деятельности ученого. В частности, в работе первой секции было глубоко проанализировано мировоззрение Ч. Ч. Валиханова, становление его как мыслителя, философа, а также различные стороны научного наследия ученого. Отмечено стремление Ч. Валиханова к познанию движущих сил общественного развития, исторического прогресса. Выявлены его теоретические положения, просветительские идеи, исследовано формирование его как просветителя под воздействием передовой общественной мысли России.

Представители широких кругов научной общественности Казахстана приняли участие в работе второй секции «Ч. Ч. Валиханов как историк, востоковед, географ». Было заслушано 17 научных докладов и сообщений о различных сторонах творческого дарования казахского ученого, о его вкладе в изучение истории народов Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Казахстана.

Третья секция, занимавшаяся проблемами языка, литературы и искусства в научном наследии Ч. Ч. Валиханова, обсудила 14 докладов и сообщений, большая часть которых касалась проблем литературоведения, и охарактеризовала его многогранное наследие, в том числе труды, связанные с актуальными вопросами тюркологии как особой отрасли научного знания. Признано, что большее внимание изучению научного наследия выдающегося казахского ученого уделяется литературоведами, нежели лингвистами и искусствоведами. Подчеркнуто, что в работах ученого рассматривались разнообразные вопросы фольклора и поэзии не только казахского, но и киргизского, уйгурского, каракалпакского и других народов среднеазиатского региона. Отмечено также, что им изучались и многие вопросы культуры прошлого, имеющие и поныне актуальное звучание, что свидетельствует о необходимости направить творческий поиск современной науки в этом направлении.

Всего на Всесоюзной научно-теоретической конфе-

ренции заслушано 50 научных докладов и сообщений, осветивших различные стороны жизни и деятельности выдающегося казахского ученого, позволившие сделать важные в научном плане выводы, наметить наиболее актуальные перспективы исследования его творчества.

Торжественное заседание общественности Казахской ССР, посвященное 150-летию юбилею со дня рождения Ч. Ч. Валиханова, состоялось 22 ноября. На нем присутствовали представители партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций, ученые и деятели искусства.

В этой книге приведены статьи ученых, принимавших участие во Всесоюзной научно-теоретической конференции, научной конференции, состоявшейся в Отделении истории АН СССР, и в Торжественном заседании общественности республики. Думается, что издание привлечет внимание широких кругов научной общественности к актуальным проблемам истории и культуры народов Евразии, которые нашли отражение в трудах Ч. Ч. Валиханова и которые имеют большое значение для развития таких наук, как история, языкознание, этнография и др.

ВВЕДЕНИЕ

В 1985 г. исполнилось 150 лет со дня рождения первого казахского историка, этнографа и просветителя Чокана Чингисовича Валиханова. Его короткая, но яркая жизнь была настоящим подвигом во имя науки и прогресса. Своей научной и просветительской деятельностью он положил начало распространению в Казахской степи передовых идей о пользе знания, о необходимости образования для народа. Эти идеи стали близкими первому казахскому педагогу, писателю Ибраю Алтынсарину, основоположнику казахской письменной литературы Абаю Кунанбаеву. Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, А. Кунанбаев — эти три имени олицетворяют собой дореволюционное казахское просветительство, которое сыграло свою прогрессивную роль в развитии общественно-политического сознания народа.

Великий Октябрь, принесший освобождение народам России от царизма и феодального гнета, сделал реальными мечты просветителя Чокана Валиханова о приобщении родного народа к полноценной и яркой жизни, всестороннему раскрытию всех его потенциальных возможностей и талантов.

Жизнь и деятельность Чокана Валиханова приходится на период сравнительно небольшой, но исторически значимый, ибо это были годы больших перемен в жизни казахского народа: завершился процесс добровольного присоединения Казахстана к России, начали разрушаться старые патриархально-феодалыные устои, степная окраина стала вовлекаться в орбиту общероссийского, а значит, и мирового развития. И хотя политика царизма была проникнута реакционным духом, все это не

могло помешать созидательному общению двух народов — русского и казахского. А в условиях, когда Сибирь и Казахстан превращались в места ссылки революционных деятелей России, царизм тем самым невольно способствовал распространению вширь передовых демократических, революционных идей, ускорял процесс духовного развития окраин.

В центре России в это время революционное движение стало более мощным и глубоким. На смену первому, дворянскому этапу, как писал в статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин, пришел разночинный — революционного движения, когда А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов серьезно ставили вопрос о крестьянской революции, о возможности перехода России к социализму, минуя капитализм. Весьма радикально были настроены и члены кружка М. В. Бутаевича-Петрашевского, в который входили тогда еще начинающий писатель Ф. М. Достоевский, С. Ф. Дуров и многие другие деятели русской культуры. Тюрьмы и рavelины мрачной николаевской эпохи уже не вмещали узников, которые были врагами самодержавия. Но репрессии не могли остановить революционного движения. «Кризис верхов» катастрофически нарастал. Отголоски революционной борьбы, крестьянских бунтов и других антиправительственных выступлений в центральной России различными путями доходили и до далеких окраин.

Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс глубоко и всесторонне изучавшие прошлое и современное им положение России, пришли к выводу о том, что сюда постепенно перемещается центр мирового революционного движения. Именно это в первую очередь позволило Ф. Энгельсу говорить о том, что Россия по отношению к странам Востока играет прогрессивную, цивилизаторскую роль¹. Надо отметить, что история вхождения Казахстана, Средней Азии, Грузии, Армении и других районов Кавказа в Российскую империю убедительно подтвердила этот вывод.

Таким образом, деятельность Чокана Валиханова проходила тогда, когда сама история выдвинула Россию как страну, которая призвана была сыграть важную роль в судьбе казахского народа, его социальном про-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 241.

грессе. И историческая заслуга Чокана Валиханова, как и других выдающихся казахских просветителей, заключается прежде всего в том, что он дал правильную оценку роли русского народа в деле расширения культурного горизонта казахов, увидел сквозь все социальные противоречия и трудности общественной жизни того времени прогрессивные начала и тенденции, которые рождались и постепенно укреплялись вместе с экономическим и культурным сближением двух народов.

Как и русские просветители, Чокан Валиханов любил свой народ любовью разумной, действенной, он жаждал видеть его не забитым и отсталым, а свободным, равным, вносящим весомый вклад в развитие мировой цивилизации и культуры. Поэтому он смело бичевал пороки и недостатки казахского народа, связанные с вековой отсталостью и застоём. Поскольку надежды на его лучшее будущее Чокан Валиханов связывал с Россией, то он настоятельно подчеркивал жизненную необходимость дружбы и межнациональных связей русских, казахов, киргизов, узбеков и людей других национальностей.

Новые прогрессивные тенденции в общественной жизни Казахстана, о которых идет речь, были характерны и для общественного развития всех народов, входивших в состав России. Передовые деятели различных народов — Тарас Шевченко, Хачатур Абовян, Мирза Фатали Ахундов, Мухамед Муками, Габдулла Тукай и многие другие — так же, как и Чокан Валиханов, выражали чаяния самой передовой части общества, стремившейся к единению с великим русским народом. В научных трудах Ч. Ч. Валиханова это преломлялось в творческом осмыслении научных принципов и достижений отечественной востоковедческой науки.

Годы учебы в Омском кадетском корпусе и начало служебной деятельности Ч. Ч. Валиханова были годами интенсивного общения. Ему приходилось сталкиваться с теми, кто действительно нуждался в его помощи, поддержке, сочувствии. Он сблизился, например, с петрашевцем С. Ф. Дуровым, которому после долгой неволи было разрешено поселиться недалеко от Кокчетова. В это же время в Омске произошла первая встреча Чокана Валиханова с Ф. М. Достоевским, прочная дружба с которым завязалась несколько лет спустя.

Ч. Ч. Валиханов с гордостью писал в своих работах

о русском востоковедении, выдвинувшемся на передовые идейные позиции в мире. И это не случайно. Россия, раскинувшаяся не только на европейском, но и на азиатском континентах, граничила со многими странами Востока, поддерживая с ними оживленные торговые связи, развивая политические отношения, осуществляя обмен посольствами и миссиями. Труды таких российских востоковедов, получивших широкую известность и мировую славу, как Н. Я. Бичурин, В. П. Васильев, И. Н. Березин, Х. Д. Френ, В. В. Вельяминов-Зернов, М. А. Казем-Бек, О. И. Сенковский, О. М. Ковалевский, В. В. Григорьев, Т. Гомбоев, Д. Банзаров и многие другие, привлекали Ч. Ч. Валиханова своей демократической направленностью, интернационализмом, глубоким уважением к истории, традициям, культуре народов Востока.

Импонировала научным поискам казахского ученого и борьба русских ориенталистов с пренебрежительным отношением западных ученых к письменным свидетельствам восточных исследователей. И хотя достижения отечественных ориенталистов того времени в области истории и культуры народов Казахстана, Средней и Центральной Азии были довольно скромными (по существу, научное изучение этого региона только начиналось), все же их позиция обнадеживала. Со временем, по справедливому мнению Ч. Ч. Валиханова нетронутые пласты — сказания и легенды казахов, киргизов и других кочевых народов — будут изучены и позволят значительно углубить существующие знания о культуре казахского и киргизского народов, а это даст возможность с большей достоверностью реконструировать богатое прошлое народов Средней Азии. Ученый считал, что создание труда, раскрывающего духовные богатства кочевых народов, имеющих древние традиции устной литературы, способствовало бы опровержению бытующего в Европе ложного представления о кочевниках как об отсталых слоях общества, ведущих примитивную и дикую жизнь, лишенную каких-либо ценностных идеалов и культурных традиций. Чокан Валиханов писал: «Если поэтические сказания Гомера и предания, собранные по слухам Геродотом, имеют сколько-нибудь достоинство историческое, если всякое искаженное, баснословное предание имеет в основании своем происшествие и истину, то нет сомнения, что положительные и

последовательные сказания киргиз, их образ жизни, обычаи и нравы современные, отражающие быт их предков и при сличении во всем согласные с историческими указаниями, могут иметь значение историческое. Как ... произведения чисто народного ума, обуславливающие чувствования, жизнь и прогресс всей массы общества, наконец, как ... произведения, вылившиеся из уст всего народа как от лица одного существа, они не лишены как исторического, филологического, так и психологического интереса»².

Представление Чокана Валиханова о значении устно-поэтического творчества кочевых народов для научного изучения прошлого подтвердила его плодотворная поездка на оз. Иссык-Куль, в частности открытие им киргизского эпоса «Манас». Он дал высокую оценку поэме: это энциклопедическое собрание всех сказок, повестей, преданий, географических, религиозных, умственных познаний и нравственных понятий народа, сведенное в одно целое, приуроченное к одному времени и сгруппированное около одного лица, богатыря Манаса. «Манас» — народный эпос, нечто вроде степной Илиады³. Чокан Валиханов перевел на русский язык отрывок из эпоса «Манас» — «Смерть Кукотай-хана и его поминки».

Поездка на Иссык-Куль, открытие «Манаса» позволили ученому пролить свет на многие неясные вопросы истории киргизского и казахского народов, их взаимоотношений, социального строя. Проводя исследования в широком комплексном плане, он собирал этнографический материал, сведения о географии, природе, растительном и животном мире Киргизии, изучал язык и отдельные наречия, рисовал портреты (создал их целую галерею) людей самых различных социальных слоев. Дневник поездки испещрен заметками по экономике, торговле, ремеслам, добыче руды и т. д. Но наиболее важным Ч. Валиханов считал свое заключение о значении изучения памятников народной словесности. В них, по его словам, «лучше всего выражается характер народного быта и нравов... Главным источником для истории народов кочевых и вообще племен, не имеющих письмен, — писал он, — были и будут полубаснословные

² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 302.

³ Там же. Т. 2. С. 70.

их легенды и отрывки известий из летописей цивилизованных народов, с которыми они имели столкновения. Особенно это справедливо в отношении наших кочевников Средней Азии. История нам говорит о них очень мало, о других совершенно ничего»⁴.

Путешествие по Семиречью и Киргизии позволило исследователю увидеть тяжелое положение трудящихся масс: сочувствием к ним проникнуты многие страницы его дневников, писем, которые он направлял в официальные и печатные органы.

Уже одно то, что Ч. Ч. Валиханов стремился сам и призывал других изучать прошлое и настоящее Азии в их взаимосвязи, являлось вызовом реакционной историографии, ее европоцентристской концепции. На основе собранных материалов ученый впоследствии опубликовал несколько работ, вошедших в золотой фонд отечественного востоковедения. В «Дневнике поездки на Иссык-Куль», «Записках о киргизах», «Очерках Джунгарии» им впервые в русской историко-этнографической литературе было дано всестороннее изучение материальной и духовной культуры, нравов, обычаев и верований киргизов, их этнической истории, хозяйственных занятий, социально-экономического положения и политической ситуации в регионе, произведена топографическая съемка местности. Его географический очерк о Тянь-Шане и бассейне оз. Иссык-Куль отличается исключительной глубиной теоретического анализа. В «Записках о киргизах» Чокан Валиханов впервые рассмотрел систему материального производства киргизов, дал социальную структуру общества. Наибольший интерес представляет подробное описание родоплеменного состава киргизов и пересказ их генеалогических преданий, проливающих дополнительное знание на их этногенетическую историю. Обширные знания Ч. Ч. Валиханова позволили ему практически первым в науке поставить на повестку дня проблему этногенеза киргизов. На основе глубокого и всестороннего теоретического анализа огромного фактического материала ученый пришел к очень важному в научном отношении выводу об автохтонном происхождении киргизского народа.

Исследования по географии, истории, этнографии Казахстана и Киргизии получили высокую научную

⁴ Там же. С. 49.

оценку передовых русских ученых. Совершавший поездку по Сибири и Казахстану молодой русский ученый П. П. Семенов-Тянь-Шанский встречался с Чоканом Валихановым и вел с ним долгие беседы. Известного путешественника заинтересовали материалы, собранные Чоканом Валихановым за два месяца пребывания на Иссык-Куле, и по приезде в Петербург он рекомендовал юношу-ориенталиста из Омска в действительные члены Русского географического общества, которым он и был избран 27 февраля 1857 г.

Развивая демократическое направление в науке и культуре, Ч. Ч. Валиханов стремился преодолеть апологетический характер научного исследования общественной жизни, утвердившийся в официальной науке. Его волновала судьба своего народа, и он уделял основное внимание раскрытию внутренних пружин действия исторических событий, хотя иногда увлекался внешними факторами в этногенетическом и других процессах. В своих исследованиях Ч. Ч. Валиханов поднялся до понимания классовой противоположности интересов эксплуататоров и эксплуатируемого большинства.

Труды Ч. Ч. Валиханова пронизаны большой заботой о будущем казахского и других народов, о его нравственном здоровье, культурном развитии. Его известные работы («Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «Киргизское родословие», «Записка о судебной реформе», «О мусульманстве в степи», «О кочевках киргиз», «Заметки по истории южно-сибирских племен», «Очерки Джунгарии», и др.) — это глубокие исследования самых различных сторон истории и культуры казахского народа. Позже во многих исторических трудах отмечалось, что мысли и суждения Чокана Валиханова, его выводы и положения об этнографии казахов не имели аналогов в мировой науке того времени. По многим вопросам духовной и материальной культуры казахов, их истории и этнографии труды Ч. Ч. Валиханова сохраняют свое приоритетное значение и в наши дни.

В 1858—1859 гг. Ч. Ч. Валиханов совершил сопряженное с большим риском путешествие в Восточный Туркестан, принесшее ему мировую известность. Результаты научных изысканий были опубликованы в его капитальном исследовании «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг.» В ней речь

шла о Восточном Туркестане, являвшемся одним из наиболее знаменитых участков Великого шелкового пути, который издавна привлекал к себе внимание просвещенного мира. Именно здесь проходили дороги известного путешественника древности Сюань-Цзая, открывшего для Китая Индию и западные страны, и Марко Поло, приоткрывшего для Западной Европы завесу тайн Востока. В последующие века Восточный Туркестан, раздираемый нашествиями кочевых орд и жесточайшими междоусобицами, а в середине XVIII в. аннексированный Китаем, ушел во мрак неизвестности и стал недоступным для научных кругов. Попытка немецкого путешественника Адольфа Шлагинтвейта проникнуть в Восточный Туркестан в 1857 г., как известно, закончилась его гибелью.

Ч. Ч. Валиханову принадлежит заслуга открытия легендарной Сериндии уже в новое время. В период своего путешествия в Кашгарию ученый собрал колоссальный материал об оазисной цивилизации Восточного Туркестана, детально описал быт, хозяйство, культуру тюркского и китайского населения этого региона. Исключительно глубокие по степени проникновения в предмет исследования суждения и выводы Чокана Валиханова об образе жизни уйгурского населения, воздействии на них китайской культуры и усвоении ими культурных инноваций из Средней Азии и Индии до сих пор являются непревзойденным образцом научного поиска. Эрудиция Валиханова позволила ему не только всесторонне изучить и описать Восточный Туркестан, но и выдвинуть ряд фундаментальных положений, имеющих первостепенное значение для современной востоковедческой науки. Ч. Ч. Валиханов дал обстоятельное историко-этнографическое, естественно-географическое, социально-экономическое и культурное описание края, впервые указал на особый характер цивилизации Восточного Туркестана, базирующейся на поливном земледелии в расположенных в предгорной полосе оазисах.

В том же труде исследователь поставил ряд новых проблем, но главная заслуга его заключалась не столько в том, что он впервые в мировой науке описал города-оазисы Восточного Туркестана, сколько в попытке изучить этническую и культурную историю народов, населявших его, и прежде всего — в постановке проблемы происхождения уйгуров, своеобразного синкретизма раз-

личных культур, порожденной спецификой конкретно-исторического процесса в регионе.

Дневники путешествия, труды Чокана Валиханова, посвященные малоисследованному Восточному Туркестану, были высоко оценены как в официальных кругах, так и научной общественностью России и Европы. Ученый мир узнал, что «путь к исследованию... Тянь-Шаня проложен». В отчете Русского географического общества за 1865 г. сказано: «Поездка эта представляет собой замечательный географический подвиг...». Вскоре ряд трудов Валиханова, в том числе «Очерки Джунгарии», «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии), в 1858—1859 годах», были опубликованы на русском языке в «Записках Русского географического общества» (1861), затем переведены на иностранные языки и издаются в ряде европейских стран. Работы Ч. Ч. Валиханова вызвали интерес западноевропейских ученых, особенно английских, немецких, французских востоковедов, географов и историков новейшего времени.

После возвращения на родину Чокан Валиханов серьезно задумывается над своим будущим как ученого, исследователя. Он пишет Ф. М. Достоевскому, спрашивает совета у своего старшего друга. Писатель выразил в письме к Чокану Валиханову глубокую веру в то, что усилия молодого казахского ученого и просветителя будут «необыкновенно полезны своей Родине». Далее Ф. М. Достоевский писал: «Например, не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который растолковал в России, что такое есть степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей Родине просвещенным ходатаем за нее у русских. Вспомните, что вы первый киргиз — образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам душу и сердце»⁵. Позже М. О. Ауэзов даст высокую оценку взаимоотношений Достоевского и Валиханова: «В этих высказываниях Достоевского нельзя не ощутить общей идеи заступничества за все угнетенные, поработанные народы России, нельзя не услышать отзвука тех идеалов, которыми руководствовались в своих трудах лучшие сыны русского народа. В этих

⁵ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 5. С. 178—179.

заботливых думах Достоевского о степи, о долге первого просвещенного сына этой степи сказала светлая, благородная роль передовой русской интеллигенции в судьбе народов России»⁶.

О своем долге «первого просвещенного сына народа» Чокан Валиханов никогда не забывал. Как ученого его прежде всего волновал вопрос, почему казахский народ отстал в своем общественном развитии и как можно ему помочь, что нужно сделать для этого, чтобы изменить положение. Ему удалось установить зависимость социально-культурной отсталости казахов от кочевого образа жизни. Отсюда настойчивые призывы к скорейшему переходу к оседлости, земледельческому труду. Историческими экскурсами он стремился показать шаткость и непрочность существования кочевых племен и народов, роковую зависимость от различных стихий, агрессий чужеземцев. Ч. Ч. Валиханов писал, что достаточно одного страшного набега, чтобы обессилить навсегда кочевой народ, лишить его скота, т. е. силы, обезоружить. Поездки по Семиречью и Киргизии дали ему хороший материал для яркой и убедительной демонстрации превосходства оседлого, земледельческого труда.

Казахского просветителя серьезно тревожило и быстрое распространение ислама в Казахстане. Это не только могло помешать развитию образования и культуры, но и грозило духовной деградацией казахскому народу. Чокан Валиханов восстал против насаждения религиозного дурмана и невежества, призывая к проведению реформ, ликвидации религиозных школ.

Вглядываясь в жизнь казахского аула, Чокан Валиханов видел все более увеличивающуюся прослойку «степного пролетариата» — разорившихся бедняков, работавших за ничтожное вознаграждение в хозяйстве своих богатых сородичей, которые эксплуатировали их, прикрываясь родовыми пережитками. С горечью писал ученый о том, что многие разорившиеся бедняки-шаруа продавали своих детей за куль муки, чтобы спасти такой страшной ценой свои семьи от голодной смерти. Чокан Валиханов глубоко сочувствовал угнетаемому классу, гневно выступал в защиту его интересов.

Демократические убеждения Чокана Валиханова, его горячее стремление помочь своему народу быстрее

⁶ Ауэзов М. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961. С. 275.

преодолеть безграмотность и суеверия — все это встречало враждебное отношение со стороны защитников старины — степных аристократов и царских чиновников. Но несмотря на это, Чокан Валиханов настойчиво стремился воздействовать на характер предпринимаемых правительством и администрацией шагов по преобразованию в Казахской степи. Например, он поехал в Омск, где в это время шла разработка проекта судебной реформы для Казахстана. И он представил «Записку о судебной реформе», которая считается одной из самых глубоких работ ученого. Таким образом, еще тогда, когда народные массы были опутаны предрассудками, обмануты муллами и царскими чиновниками, Чокан Валиханов выступил в их защите «превосходным ходатаем». Он писал, что «судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданственное развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности в таких решительных вопросах, которые формулируются в шекспировское — быть или не быть»⁷. Он считал, что «усвоение европейского, общечеловеческого просвещения и энергетическая борьба с препятствиями, мешающими достижению этой цели, должна составлять конечную цель для всякого народа, способного к развитию и культуре»⁸, при этом подчеркивал, что нельзя, однако, миновать определенных этапов развития.

И хотя разумные и глубоко обоснованные рекомендации казахского ученого-просветителя, предостережения против навязываемых народу чуждых реформ были отвергнуты, все же «Записка о судебной реформе» остается для нас замечательным свидетельством гуманистической позиции Ч. Ч. Валиханова, который глубоко осознавал пагубность механического введения законов, не соответствующих конкретно-историческим условиям жизни народа, не учитывающих его традиций, нравов и обычаев.

Прошло более ста лет с тех пор, как стало известно имя первого казахского ученого. Много изменилось в жизни прежде отсталого кочевого народа. Великая Ок-

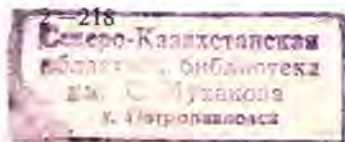
⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 81.

⁸ Там же. С. 80.

тябрьская социалистическая революция открыла путь к его освобождению от нищеты и невежества. Чаяния и надежды казахского просветителя видеть свой народ свободным, грамотным оправдались.

Социалистический строй вслед за уничтожением социального неравенства ликвидировал национальное угнетение, создал народам окраин России условия для ускоренного политического, социально-экономического и культурного развития. В ходе строительства социализма в нашей многонациональной стране ленинская партия осудила отдельных идеологов, которые, игнорируя специфические условия бывших отсталых национальных окраин, начали немедленно форсировать социалистические преобразования. В. И. Ленин на VIII съезде партии большевиков разоблачил вздорность и опасность таких устремлений, способных лишь дискредитировать саму идею социализма. Вождь революции отмечал, что не должно быть никакого насилия по отношению к трудящимся национальных окраин, никакой торопливости, шаблона. Необходим внимательный учет местных условий, обычаев и традиций, гибкая умелая тактика убеждать массы своими повседневными практическими делами, конкретным доказательством того, что новый строй действительно несет трудящимся национальное равенство, социальное освобождение, просвещение, улучшение их жизни, благосостояния. Ленинские заветы по национальному вопросу — это пробуждать политическое сознание народов в приемлемых для них формах, на их родном языке, выработать особые законы, создать пригодные для местных условий учреждения, культурные и учебные заведения. Выполнение этих требований в первые годы революции позволило успешно осуществить в национальных районах процесс дифференциации пролетарских масс и феодально-байских слоев, способствовало росту их классовой сознательности и организованности в борьбе за строительство нового общества. Эти районы стали предметом заботы и внимания Советского государства.

Казахская ССР за годы социалистического строительства превратилась в экономически и культурно развитую республику многонационального Советского государства. И говоря о достижениях науки и культуры республики, нельзя не вспомнить о Ч. Ч. Валиханове, который стоял у истоков научной мысли в Казахстане,

который мечтал о том времени, когда наука будет в полной мере служить интересам народа.

В трудах Чокана Валиханова черпают ценные сведения наши историки, философы, филологи, этнографы, ученые других профилей. Но его творческое наследие — достояние всей науки, культуры, его жизнь и деятельность — источник вдохновения для писателей, деятелей искусства. Ученые всех специальностей высоко чтят Чокана Валиханова, его заслуги перед наукой, видевшего в ней могучее средство воздействия на сознание масс. Его труды и сейчас сохраняют свое огромное общественное значение потому, что в них глубоко выражены подлинные интересы народа, воплощены передовые идеи его эпохи, созвучные нашей современности. Чокан Валиханов дорог советским людям как мыслитель, просветитель-демократ, как воплощение всего передового, что рождалось, укреплялось в Казахской степи и имело тенденцию к развитию благодаря добровольному присоединению Казахстана к России, экономическому и культурному сближению казахского народа с русским.

Трудящиеся Советского Союза переживают в настоящее время важный этап своего развития. XXVII съезд КПСС нацелил народ на ускорение научно-технического прогресса, на необходимость интенсивного развития экономики, совершенствование управления, укрепление социальной сферы и т. д. Этот период, названный перестройкой, касается всех сторон жизни советского общества, в том числе науки, культуры. Историческая наука призвана более внимательно, более глубоко отнестись к научному наследию прошлого, дать объективную историческую оценку событиям, фактам, деятельности отдельных личностей. Необходимо более основательно подойти к обобщению исторического опыта, лучших традиций, выработанных предшествующими поколениями.

Огромное историческое значение научной и просветительской деятельности Чокана Валиханова осознается в наши дни глубже и полнее, чем когда-либо, в свете тех грандиозных социально-экономических и культурных преобразований, которые достигнуты в нашей стране. Много сделано, в частности, по увековечению его творческого наследия и пропаганде его научных трудов (на русском и казахском языках неоднократно издавались избранные произведения ученого, его переписка, воспоминания современников, вышло два издания Собрания

сочинений ученого в пяти томах). Постоянно ведется изучение работ Ч. Валиханова по истории, этнографии и другим отраслям знания (опубликованы книги, монографии, брошюры и много статей о его жизни и деятельности, научном поиске, мировоззрении и т. д.). Все это говорит о бережном и уважительном отношении в нашей стране к первому казахскому ученому, талантливому сыну своего народа. Однако следует отметить, что оценка деятельности Чокана Валиханова, его мировоззрения в литературе содержит немало противоречивых суждений, фактология нередко подменяется декларативностью. Это говорит о недостаточно глубинной изученности его наследия. Мало добавляет к характеристике выдающегося ученого, более того, искажает ее, выпрненное словосвязе, лакировка, подмена понятий и т. д., что ведет к идеализации образа просветителя, его заслуг. В таком качестве исследование трудов Ч. Валиханова становится не стремлением к истине, а к ее затушевыванию, на что, конечно, историческая наука не имеет права перед памятью ученого, человека честного, открытого и неподкупного.

Сегодня созрели условия для создания фундаментальных трудов о богатейшем научном наследии Чокана Валиханова, в которых были бы основательно и глубоко синтезированы его общественно-политические, социально-философские и естественнонаучные взгляды, раскрыта творческая лаборатория, методология исследования, оценены новизна и значение его научного вклада в развитие отечественного востоковедения. Предстоит с позиций ленинских методологических принципов партийности, конкретного историзма осуществить комплексное теоретическое исследование всего научного творчества талантливого ученого, раскрыть значение его научных и социально-культурных идей для духовной культуры.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО

СЛОВО О ЧОКАНЕ ВАЛИХАНОВЕ

*С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
академик (Москва)*

Чокан Чингисович Валиханов — славный сын казахского народа, яркий представитель прогрессивной научной и общественной мысли нашей страны середины XIX в. Он хорошо понимал всю огромную роль добровольного вхождения Казахстана в состав России, крупного централизованного государства, пользу и перспективность широкого развития русско-казахских экономических и культурных связей. Такая позиция не была случайностью. Именно прадед Чокана Чингисовича — султан Среднего жуза Аблай — в 1740 г. принял российское подданство. Отец Чокана — Чингис — окончил Сибирское войсковое училище и был одним из первых казахов, прекрасно владевших русским языком, отличным знатоком быта, нравов своих соотечественников, поддерживавшим отношения с передовыми людьми России тех лет. То есть Чокан как личность формировался в среде образованных людей.

Годы учебы оказали большое воздействие на внутренний мир юноши. В 1847—1853 гг., проведенные Чоканом Валихановым в Сибирском кадетском корпусе, там преподавали языки, историю и литературу представителям русской интеллигенции: друг и единомышленник Н. Г. Чернышевского — В. П. Лободовский, отличавшийся левыми взглядами выпускник восточного факультета Казанского университета Ф. Н. Костылецкий и др.

Пытливый Чокан познакомился с зажигательными статьями В. Г. Белинского, а затем и с изданиями А. И. Герцена. Под влиянием идей русских революционных демократов окрепло его мировоззрение. В последние годы учебы и по ее завершении Ч. Ч. Валиханов нашел

друзей среди сосланных в Западную Сибирь петрашевцев, особенно сблизившись с революционным демократом С. Ф. Дуровым, а также с писателем Ф. М. Достоевским.

Занимая по окончании кадетского корпуса офицерские должности в административном аппарате Западно-Сибирского генерал-губернатора, он столкнулся с произволом и взяточничеством царских чиновников, проявлением национального гнета среди местного населения. Это побудило его к внимательному изучению экономической и политической обстановки, правового дела. Постепенно у Чокана Валиханова накопился обширный материал по многим острым проблемам, возникла потребность подготовить ряд «записок» с предложениями различных административных, судебных и иных преобразований.

Длительные и многочисленные разъезды по краю благоприятствовали также сбору разнообразных сведений и о культурном развитии коренного населения, прежде всего — о его устном творчестве. В частности, за время поездок к бассейну озера Иссык-Куль в 1856—1857 гг. Валиханов записал, а впоследствии перевел на русский язык значительную часть киргизского героического эпоса «Манас». В области фольклора такой шаг явился в полном смысле слова открытием мирового масштаба, в чем несомненная заслуга Чокана Чингисовича.

К этому же периоду относится знакомство и сближение его с выдающимся русским географом и прогрессивным общественным деятелем П. П. Семеновым (будущим Тянь-Шанским), одним из основателей Русского географического общества, и с другими представителями отечественной науки и культуры. Сам же Чокан Чингисович уже зарекомендовал себя как подающий большие надежды ученый.

В 50-е годы в правительственных кругах, среди крепнущей буржуазии возрос интерес к соседним азиатским странам. Наряду с политическими это было обусловлено и существенными экономическими обстоятельствами: появлением промышленного способа производства и капиталистических отношений. Развитие российского капитализма вширь предусматривало поиски и освоение новых рынков сбыта, в том числе такого, как Восточный Туркестан, считавшийся в то время одним из крупных. К изучению ситуации в соседних с Казах-

станом Кульджинской и Кашгарской (Восточный Туркестан) областях правительство привлекло хорошо проявившего себя исследователя Чокана Чингисовича Валиханова.

Осень 1856 г. Чокан Валиханов провел в Кульдже. Знакомясь с положением дел, он выступал и как дипломат, участвуя в переговорах с маньчжуро-китайскими чиновниками, в результате которых были восстановлены прерванные из-за местных волнений торговые отношения между двумя государствами. В следующем, 1857 г., Валиханов побывал среди киргизских племен района Ала-Тоо, а затем стал готовиться к новому — чрезвычайно сложному и опасному заграничному путешествию: предстояло выяснить обстановку в Восточном Туркестане, где восстание против цинского господства переплеталось с межфеодальными распрями. С начала октября 1858 до середины марта 1859 г., переодетый в одежду купца, он находился в городе Кашгаре, центре Алтышара («Шестиградья»). Ч. Ч. Валиханов выполнил задание и привез большое количество ценнейших восточных рукописей и грамот, экономических, статистических, этнографических и прочих материалов. Чокан вернулся из Кашгара с еще более усилившимся чувством ненависти к любым видам и формам деспотизма, образцы которого наблюдал со стороны как маньчжуро-китайских, так и местных феодальных правителей.

По завершении в Омске в августе 1859 г. отчета о поездке Чокан Валиханов отправился в Петербург, где его перевели из военного ведомства в Азиатский департамент министерства иностранных дел. Солидный труд Валиханова «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов Китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии)» вызвал всеобщее одобрение. Это было первое оригинальное комплексное исследование так называемого Восточного Туркестана, в котором ярко проявилось дарование автора как исследователя с теоретическим складом ума. В феврале 1857 г. были широко признаны его успехи в науке. По инициативе П. П. Семенова и Е. И. Ламанского его избрали действительным членом Русского географического общества.

Переезд в Петербург, дальнейшее сближение с ведущими представителями демократических слоев России укрепили прогрессивный образ мыслей Ч. Ч. Валиханова, расширили его кругозор.

Революционная ситуация, охватившая Российскую империю накануне и в период осуществления «крестьянской реформы» 1861 г., нашла отклик и в душе Валиханова. Он зачитывается статьями Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, дружит со связанными с ними братьями В. и Н. Курочкиными, с братом видного публициста В. Н. Майкова — поэтом А. Н. Майковым и другими передовыми общественными деятелями России. На него производит огромное впечатление работа Н. А. Добролюбова «Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии», которая содержит резкую критику действий британских колонизаторов в Индии.

Будучи видным востоковедом (по существу первым среди казахов). Чокан Валиханов не только преподает тюркские языки в высшей школе для ученых занятий при Азиатском департаменте лицам, получающим соответствующие назначения, но и делится своими богатыми познаниями об азиатских странах и народах, а также накопленным опытом с ведущими политиками и учеными. Выходят в свет его статьи о различных регионах Средней Азии и Западного Китая; при его непосредственном участии готовятся географические карты.

Социально-политические взгляды просветителя во многом совпадают со взглядами передовой русской интеллигенции. Они, например, проявляются в критической оценке Валихановым реакционной роли ислама, патриархально-феодального уклада, некоторых сторон политики царского самодержавия в области национальных отношений. Вместе с тем Валиханов призывает к сближению и укреплению дружбы с русским народом, раскрывая ее значение для прогрессивного развития казахов.

Чокан Валиханов подходил материалистически к оценке явлений природы, к пониманию основных сторон жизни человечества, хотя в ряде вопросов он занимал утопическую позицию, полагая, что тяжелое положение народа может исправить приход к власти «хорошего правительства». Для этого он, как известно, даже неудачно баллотировался на пост выборного старшего султана.

Ч. Ч. Валиханов был атеистом, выступал против изуверства ишанов и мулл, мусульманского фанатизма, несправедливых судей — русских, равно как и казахов, биев и т. п., против произвола властей.

Отмечая 150-летие со дня рождения Ч. Ч. Валиханова, общественность нашей страны отдает дань уважения заслугам выдающегося казахского ученого перед отечественной наукой.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Н. Е. БЕКМАХАНОВА,
доктор исторических наук (Москва)

Одним из благоприятных последствий присоединения Казахстана к России явилось развитие казахско-русских отношений. «В каждой национальной культуре,— указывал В. И. Ленин,— есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую... Мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы»¹.

Общность исторических судеб казахского и русского народов сближала их, способствовала выработке сходного мировоззрения у русских и казахских просветителей-демократов. На формирование личности Чокана Валиханова, в частности, большое влияние оказало его пребывание в Омском кадетском корпусе, где он впервые познакомился с передовой русской культурой. Здесь он с интересом изучал не только историю Казахстана, народов Центральной Азии, но и знакомился с произведениями русской классической литературы.

В своих воспоминаниях академик В. А. Обручев писал: «Учебную часть, после реформы в корпусе, организовал офицер Ждан-Пушкин. Русский язык, историю литературы, географию, всеобщую историю преподавали хорошие учителя. Из учителей войскового училища были оставлены лучшие: Старков, преподававший географию, Костылецкий — русский язык, теорию словесности и историю литературы. Уроки последнего отличались

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 120—121.

изящным изложением... Костылецкий познакомил кадетов с сочинениями Пушкина, Лермонтова и Гоголя; свой курс русской литературы он составил по критическим статьям Белинского»².

В Омске Чокан познакомился с прогрессивно настроенными представителями русской интеллигенции. Неизменным другом в эти годы был Г. Н. Потанин, в будущем известный путешественник. «Семейство Капустиных и Гутковских,— писал Г. Н. Потанин,— состоявших в близком родстве между собою, было центром Омской интеллигенции. В этих домах собирались образованные чиновники и молодые офицеры: тут можно было встретить офицера генерального штаба, художника или чиновника, литератора, ученого-путешественника, заехавшего в Омск по дороге в Центральную Азию, или поэта, очутившегося здесь в качестве «невольного странника»... Чокан, сын султана Чингиса, был принят в семействе Гутковских, как родной сын, это имело такие последствия, как будто бы два дома, один русский Гутковских и другой киргизский Валихановых, породнились между собой... В сердце Чокана любовь к своему народу соединилась с русским патриотизмом»³.

Большое влияние на формирование общественно-политических взглядов Валиханова оказало знакомство с талантливым представителем русской демократической поэзии 40-х годов XIX в. и одним из участников кружка петрашевцев — С. Ф. Дуровым, который выступал противником самодержавия и крепостничества, был сторонником революционной пропаганды и открытой борьбы за освобождение народа. Однако Дуров, как и петрашевцы, не располагал разработанной политической программой. В 1846 г. Дуров сблизился с Петрашевским и систематически посещал его «Пятницы», где высказывался за активные действия против самодержавия. Неудовлетворенный общими рассуждениями на собраниях у петрашевцев, он совместно с поэтом Плещеевым в 1848 г. организовал самостоятельный кружок, в который вошли Н. А. Спешнев, Н. А. Момбелли, А. И. Пальм, братья Достоевские. На собраниях у Дурова говорилось об освобождении крестьян путем восстания, возможно-

² Обручев В. А. Григорий Николаевич Потанин. М., 1947. С. 21.

³ Потанин Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича. (из поездки в Кокчетавский уезд)//Русское богатство, 1896. № 8. С. 83—88.

сти публикации запрещенных статей за границей, организации пропаганды в войсках, читались «Письмо Белинского к Гоголю», статьи Герцена, обсуждалась возможность создания тайной типографии. Не преувеличивая революционности Дурова, необходимо отметить, что после ареста, находясь на каторге, он остался верен идеалам петрашевцев. С. Ф. Дуров сыграл большую роль в формировании прогрессивного мировоззрения молодого Валиханова.

Знакомство и дружеское сближение этих людей произошло в Омске, в семье Капустиных, после освобождения Дурова. Яков Капустин, служивший советником в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве, и его жена, Екатерина Ивановна, родная сестра великого ученого химика Д. И. Менделеева, были гостеприимными, общительными людьми. Всеобщим уважением пользовалась Екатерина Ивановна Капустина, умная, образованная женщина. В этом доме выписывались журналы «Современник», «Отечественные записки», «Русский вестник». Дуров, впитавший традиции межнационального содружества, присущие В. Г. Белинскому, петрашевцам, по достоинству оценил Валиханова, а Чокан нашел в лице поэта-изгнанника авторитетного учителя и наставника. Именно С. Ф. Дуров заставил его еще более критически взглянуть на существовавшую систему социального устройства. Важно и то, что Дуров сумел донести до Валиханова многие идеологические установки В. Г. Белинского, в том числе принцип равноправия всех народов России. Все это впоследствии помогло молодому казахскому просветителю занять твердую позицию в вопросе о русско-казахском сотрудничестве и противостоять реакционным тенденциям панисламизма и пантюркизма⁴.

В 1854 г. в Омске Валиханов познакомился с Федором Михайловичем Достоевским после возвращения того с каторги. Достоевский увидел в Чокане гуманиста, мыслителя и защитника обездоленных. До конца своей жизни Валиханов поддерживал тесные связи с великим писателем, советовался с ним по насущным вопросам общественной жизни. Достоевский высоко ценил дарование Валиханова и возлагал на него большие надежды в деле просвещения казахского народа. «Не великая

⁴ Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана. М., 1956. С. 249, 262—266.

ли цель, не святое ли дело,— писал Достоевский Валиханову,— быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей Родине просвещенным ходатаем за нее у русских... Вспомните, что Вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Уже один этот случай поразителен и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности»⁵.

По своим убеждениям Достоевский и Валиханов расходились. Противоречия писателя, определившие его своеобразное место в истории общественной мысли, были порождены условиями его времени: самодержавно-крепостнический строй переживал кризис; в России утверждался капитализм; росли революционные силы. Не понимая закономерностей общественного развития, роли классовой борьбы, писатель не видел перспектив преобразования действительности и потому не поддерживал идей просветителей-демократов.

Дружба Достоевского с Валихановым особенно окрепла в 50-е годы. В это время еще не произошло окончательного размежевания между революционными демократами и либералами, а мировоззрение самого Чокана Валиханова находилось в стадии формирования. Достоевский же сохранял в большей степени, чем позднее, верность идеалам гуманизма и демократии, следуя обличительным тенденциям в своих ранних художественных произведениях. С сочувствием относился он и к тяжелому положению казахского народа. Все это было привлекательным для молодого Валиханова и создало предпосылки для дружбы русского писателя и казахского просветителя. Валиханов ценил его как выдающегося русского писателя, особенно как автора «Бедных людей». Но бесспорно также, что в петербургский период Валиханов уже отлично осознавал непримиримые расхождения между Достоевским и революционными демократами⁶.

60-е годы XIX в. были для России временем революционного подъема. По всей стране прокатилась волна крестьянских восстаний, звучал «Колокол» Герцена, «Современник» стал трибуной для выступлений

⁵ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 5. С. 178—179.

⁶ Фетисов М. И. Литературные... С. 295.

Н. Г. Чернышевского. Увеличилось число направлений студенческого демократического движения. Народ требовал политических реформ. Пребывание Валиханова в Петербурге в эти годы произвело на него неизгладимое впечатление. Он посещал редакцию «Современника», читал статьи Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, обличавших самодержавно-крепостнической строй, следил за дискуссией по крестьянскому вопросу в связи с готовящейся реформой 1861 г. О Чернышевском Валиханов писал: «Какой замечательный человек этот Чернышевский и как хорошо он знает жизнь не только русских. Я после беседы с ним окончательно укрепился в том смысле, что мы без России пропадем; без русских мы только Азия, и ничем другим без нее не можем быть. Чернышевский — это наш друг»⁷.

В этот период Валиханов самостоятельно изучал лучшие произведения передовой демократической культуры, ознакомился в подлинниках с научной литературой запада и востока. Он принимал активное участие в работе Русского географического общества, посещал на факультете востоковедения лекции прогрессивно настроенных профессоров Петербургского университета. «Обладая совершенно выдающимися способностями...», — писал П. П. Семенов-Тянь-Шанский, — под моим влиянием слушал лекции в Университете и так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока и в особенности народов, соплеменных киргизам...»⁸.

В петербургский период непосредственное общение с представителями прогрессивной общественной мысли и изучение их произведений расширило кругозор Ч. Валиханова, обогатило научные знания, укрепило его общественно-политические взгляды. Как раз на это время приходится письмо к поэту А. Н. Майкову, где прослеживается его позиция по отношению к журнальной деятельности Достоевского.

Достоевский, как известно, в произведении «Записки из подполья» создал политический памфлет, направленный против воззрений революционных демократов. Социальный смысл этого произведения заключался в

⁷ Цит. по: Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957. С. 221.

⁸ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1946. С. 54.

призыве к покорности, религиозному смирению. Образованные Достоевским и недолго просуществовавшие журналы «Время» и «Эпоха» враждебно противостояли «Современнику» Н. А. Некрасова и «Русскому слову» Д. И. Писарева.

«Что делают Достоевские?— обращается в письме к А. Н. Майкову Чокан Валиханов.— Они редко пишут, в чем я сам виноват, потому что редко отвечаю. Как их журнал идет? Кажется, хорошо, судя по объявлениям на продолжение издания. Говоря между нами, я что-то плохо понимаю их почву, народность, то славянофильством пахнет, то западничеством крайним, примирения что-то не видать или не удастся им это примирение. По-моему, что-нибудь да одно, или преобразования коренные по западному образцу, или держись старого»⁹. Из приведенного письма ясно, что Валиханов не разделял колебаний Достоевского в вопросе о путях развития России. С позиции, близкой революционной демократии, Валиханов высказывал отрицательное отношение к славянофильству в его обновленных, либерально окрашенных формах и к почвенничеству журнала Достоевских. Эти замечания Валиханова перекликались с соответствующими выступлениями «Современника»¹⁰.

Что касается Достоевского, то он на долгие годы сохранил к Чокану добрые чувства. В 70-е годы он много думал о Валиханове, работая над романом «Подросток», определяя характер трактовки образа Версилова. Об этом свидетельствует одна из черновых записей к роману, опубликованному в «Отечественных записках» в 1875—1876 гг.¹¹

В Петербурге на Ч. Валиханова большое влияние оказали знакомство и дружба с людьми, близкими к журналу «Современник». Это — поэт В. С. Курочкин, а также Д. И. Менделеев, братья Бекетовы, русские ориенталисты Семенов, Васильев, Березин, Потанин, Ядринцев, Ковалевский, поэты А. Н. Майков и Я. П. Полонский и др. Все они еще до приезда Ч. Валиханова в Петербург входили в кружок братьев Бекетовых, выступавших убежденными поборниками прогрессивных идей. Этот кружок, примыкавший к только что начинавшему-

⁹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 5. С. 153—154.

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 949—956.

¹¹ Фетисов М. И. Литературные... С. 315.

ся движению петрашевцев, посещали также известный в то время критик В. Майков, поэт Плещеев, Ханыков, Достоевский, Григорович. Внимание кружка сосредоточивалось на изучении и пропаганде утопического социализма. В кружке затрагивались и обсуждались живо трепещущие вопросы современности. Здесь постоянно следили за всеми новыми выступлениями Белинского. Однако кружок Бекетовых просуществовал недолго. В связи с отъездом Бекетовых для учебы в Казанский университет, а также смертью В. Майкова собрания кружка вскоре прекратились. Позже уже после приезда в Петербург в 1859 г. с одним из создателей этого кружка, Андреем Николаевичем Бекетовым, познакомился Чокан Валиханов. Бекетов в это время был профессором Петербургского университета, известным ботаником, создателем «Курса ботаники для университетских слушателей». Ученый-общественник Бекетов утверждал, хотя и не до конца последовательно, материалистический принцип исследования растительного мира.

Бекетова и Валиханова сблизил совместная деятельность в Русском географическом обществе, общие интересы русского востоковедения. Ученого интересовали проблемы, связанные с изучением Азии, он внимательно следил за работой русских путешественников. В общественно-научной деятельности А. Н. Бекетова реализовалось стремление передовой русской интеллигенции к изучению многонациональной России, к развитию межнационального содружества между ее городами. Он занимал пост редактора «Записок Русского географического общества». При его содействии и под его редакцией в первых трех книгах «Записок» за 1861 г. была опубликована работа Ч. Ч. Валиханова о путешествии в Восточный Туркестан. Сохранившаяся переписка Валиханова с Бекетовым говорит о широких дружеских и деловых связях казахского ученого с научными и литературными кругами России, к которым относились Чернышевский и Менделеев.

Дружественные отношения с великим ученым Д. И. Менделеевым, вероятно, установились в доме А. Н. Бекетова, брат которого, известный профессор химии Николай Николаевич Бекетов, основоположник русской физико-химической школы, был тесно связан с Д. И. Менделеевым. Немаловажным в этом знакомстве оказалось и то, что в годы учебы в Омске Валиханов

часто бывал в семье родной сестры Менделеева Екатерины Ивановны Капустиной, в доме которой собирались представители передовой русской интеллигенции Омска.

Длительная дружба установилась также между Валихановым и П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, знаменитым ученым, неутомимым общественным деятелем. Семенов симпатизировал петрашевцам, разделял их антикрепостнические настроения, хотя и с особой — либеральной — позиции. Как ученый и общественный деятель, он снискал себе признание верного друга казахского и киргизского народов. За путешествие в горы Тянь-Шань (1853—1857 гг.), которое принесло ему мировую славу, к его фамилии была прибавлена почетная приставка — «Тянь-Шанский». Как востоковеда, его, естественно, обрадовало знакомство в Омске с Валихановым и позднее через него — с Григорием Потаниным. Именно встреча с Семеновым пробудила в Валиханове решимость первым из образованных людей России совершить путешествие в Кашгар, блестящие результаты которого по достоинству оценил Семенов, рекомендовав Чокана Валиханова в 1857 г. в состав действительных членов Русского географического общества.

Многого не успел сделать Ч. Валиханов. Преждевременная смерть вырвала его из рядов научных подвижников. Тяжелым ударом это было для всех, кто знал и любил Валиханова. П. П. Семенов-Тянь-Шанский, возлагавший на него большие надежды по изучению Центральной Азии, тяжело пережил эту весть, что чувствуется по опубликованному некрологу в «Отчетах Русского географического общества за 1865 г.» Он же трогательно позаботился о собирании, сохранении и издании научно-литературного наследия Ч. Ч. Валиханова. Еще в те годы было принято решение об издании его трудов (которое, однако, было осуществлено только в 1904 г.)¹².

Являясь представителем передовой демократической культуры России, Ч. Валиханов мечтал об избавлении своего народа от произвола феодально-родовой знати и гнета царизма. Его просветительская деятельность выразилась и в защите прав народа на просвещение, т. е. на приобщение казахов к передовой русской культуре. Валиханов был первым казахским просветителем, су-

¹² Фетисов М. И. Литературные... С. 334—342.

мевшим оценить историческое значение присоединения Казахстана к России. Ему были чужды национальная замкнутость и ограниченность, его жизненный девиз — учиться у передовых деятелей культуры и науки.

Чокан Валиханов является не только родоначальником демократического направления в истории общественной мысли Казахстана, но и первым казахским ученым, сделавшим вклад в сокровищницу передовой русской культуры.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Х. А. АРГЫНБАЕВ,

доктор исторических наук (Алма-Ата)

Казахско-русские связи, уходящие своими корнями в глубокую древность, особенно укрепились в процессе добровольного присоединения Казахстана к России, которое охватывает период более чем в 100 лет. За это время под влиянием России в материальной и духовной культуре казахского народа произошли значительные перемены. Это время выдвинуло на арену науки незаурядную личность — Чокана Валиханова.

Общественная и научная деятельность Ч. Валиханова началась сразу же после завершения учебы в 1853 г. в Омском кадетском корпусе. Он был оставлен при генерал-губернаторе Западной Сибири в должности офицера по особым поручениям.

В 1854—1857 гг. Ч. Валиханов принимал непосредственное участие в решении вопроса о мирном присоединении казахов Старшего жуза и киргизских племен бассейна Иссык-Куля к России. Выполняя служебные обязанности во время неоднократных поездок в Семиречье, в бассейн озера Иссык-Куль и в Кульджу, он собрал новые сведения по географии, истории и этнографии края. Материалы этих поездок были оформлены им в виде официальных отчетов, дневников и записок, которые получили высокую оценку научной общественности. В эти же годы Ч. Валиханов познакомился в Омске с великим русским писателем Ф. М. Достоевским

и знаменитым ученым-путешественником П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, которые, высоко оценивая способности молодого Чокана и его склонность к научной работе, всячески помогали ему. По рекомендации П. П. Семенова Тянь-Шанского в 1857 г. Ч. Валиханов был избран действительным членом Русского Географического общества, что было признанием его выдающихся заслуг перед русской наукой.

В 1858—1859 гг. Ч. Валиханов находился в Кашгарской экспедиции. За сравнительно короткое время он сумел изучить природу, экономику, историю, особенности культуры и быта этого малоизвестного тогда района Востока и внес тем самым существенный вклад в науку. Его главный научный труд, опубликованный по результатам экспедиции, — «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов Китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии)» — является, по сути дела, первым научным исследованием, посвященным истории, географии и социальному строю народов Восточного Туркестана, выполненным на высоком научном уровне и принесшим Ч. Валиханову мировую известность.

Современники Ч. Валиханова — ученые, писатели и военные специалисты — высоко оценили исследование Чокана о Кашгаре, считая его подлинным географическим открытием, трудом «в высшей степени полезным для правительства и для науки», восполняющим «пробелы европейских ученых-географов и востоковедов»¹. И когда он в конце 1859 г. приехал в Петербург, русские ученые приветствовали его как отважного путешественника, замечательного исследователя, глубокого знатока жизни народов Средней и Центральной Азии.

Деятельность Ч. Валиханова в Петербурге была поистине кипучей и разносторонней. Он работал в военнотученом комитете Генерального штаба, Азиатском департаменте, Географическом обществе, слушал лекции в университете и дружески общался с известными учеными, писателями, политическими и общественными деятелями. За полтора года пребывания здесь Ч. Валиханов обогатился духовно, укрепились его демократические взгляды.

Весной 1861 г. по состоянию здоровья Ч. Валиханову пришлось оставить Петербург и вернуться в родной аул.

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 1. С. 51.

Ему было тяжело видеть проявление несправедливости по отношению к простому народу со стороны местных чиновников и деспотизм казахской феодальной верхушки. В связи с этим в 1862 г. он даже выдвинул свою кандидатуру в старшие султаны Атбасарского округа и одержал победу на выборах, но его кандидатуру отклонила местная царская администрация. Стремясь стать старшим султаном, Ч. Валиханов хотел помочь своему народу, оградить его от произвола чиновников и казахских богачей, а главное — осуществить свои просветительские идеи в казахской степи.

Демократические идеи Ч. Валиханова не нравились казахским султанам и крупным баям, серьезные разногласия возникли у него даже с его близкими родственниками. Ему пришлось уехать в Омск, где он включился в работу юридической комиссии областного правления, занимаясь разработкой проекта судебной реформы.

Весной 1864 г. Ч. Валиханов был приглашен в военную экспедицию генерала М. Г. Черняева, в задачу которой входила работа, связанная с вхождением южного Казахстана в состав России. По некоторым принципиальным вопросам Чокан разошелся с М. Г. Черняевым и осенью 1864 г. оставил экспедицию, после чего приехал в аул султана Тезека Аблайханова на Алтын-Эмеле и здесь вскоре (10 апреля 1865 г.) скончался.

Ч. Ч. Валиханов стоял у истоков научной и общественной мысли Казахстана. Он внес большой вклад в изучение истории, этнографии, географии Средней и Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана. Круг его исследовательских интересов был очень широк, что свидетельствует о его обширных познаниях, таланте и трудолюбии, все это в нем как в большом ученом счастливо сочеталось с горячей любовью к родному народу.

Первостепенной своей задачей Чокан Валиханов ставил, как пишет известный русский публицист Н. М. Ядринцев, «изучение своего народа и знакомство с ним русской публики»². Чокан Валиханов сознательно стремился быть «просвещенным ходатаем за свою Родину», доказать русскому обществу, что казахи мирный народ, способный к восприятию передовой культуры и более высоких форм общественной жизни³.

² Ядринцев Н. М. Светило казахской степи // Ч. Валиханов в воспоминаниях современников. Алма-Ата, 1964. С. 131.

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1968. Т. 4. С. 90.

Общественно-политические и философские воззрения Чокана Валиханова формировались в сложной исторической обстановке 50—60-х годов прошлого столетия, т. е. в тот переломный период, когда завершался процесс добровольного присоединения Казахстана к России и вместе с тем в связи с кризисом крепостничества в самой России обострилась политическая и идеологическая борьба. Это не могло не отразиться на мировоззрении Чокана Валиханова. Он по своим социально-политическим взглядам примыкал к прогрессивному, демократическому лагерю России, был убежденным сторонником прогресса, демократических преобразований, горячо стремился содействовать устранению пороков современного ему общества. Его деятельность носила просветительский характер, но в ней были элементы критики существующего строя, стремление добиться существенных изменений в жизни казахского общества⁴, что характеризует Ч. Валиханова как просветителя-демократа, большого патриота своего народа и гуманиста.

В своих произведениях Ч. Валиханов с болью писал об отсталости казахского народа, который еще пребывает в «безыскусственном периоде форм общественного развития»⁵. Исходя из интересов народных масс, Ч. Валиханов полагал, что дальнейшее упрочение связи с Россией откроет для казахов перспективы экономического и культурного подъема. Он решительно выступал против национальной замкнутости, горячо защищал идеи дружбы и взаимовлияния народов. Об этом в свое время справедливо писал Н. М. Ядринцев: «Чокан оставался любящим свой народ, свое племя, в его мечтах было совместить европейское просвещение и сохранить свою народность»⁶.

Чокан Валиханов сумел глубоко и верно понять историческую необходимость взаимного сближения России и Казахстана и стремился использовать этот процесс в интересах развития казахского народа. Вместе с тем Ч. Валиханов выступал с острой критикой произвола и беззакония царских колониальных властей в казахской

⁴ Бейсембиев К. К истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века. Алма-Ата, 1957. С. 25.

⁵ Валиханов Ч. Ч. Записка о судебной реформе // Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 499.

⁶ Ядринцев Н. М. Воспоминания о Ч. Валиханове // Ч. Валиханов в воспоминаниях... С. 31.

степи. Однако он не смог подняться до понимания необходимости радикальных мер для коренного переустройства общества, ошибочно полагая, что зло заключается не в политике царизма по отношению к национальным окраинам, а в деятельности отдельных реакционных представителей царской администрации.

В трудах Ч. Валиханова прослеживается стремление философски осмыслить происходящие в жизни явления. Так, в «Записке о судебной реформе» он, защищая интересы народных масс, поставил вопрос о сущности и природе реформ, проводимых правящими классами⁷.

Определяя содержание понятия «прогресс» как улучшение материального благосостояния людей, Чокан Валиханов считал, что лишь распространение просвещения и «истинного знания», подъем культуры являются средствами, при помощи которых можно достигнуть прогресса. «Для нормального роста и развития народа,— писал он,— необходимы прежде всего свобода и знание. Выходит, что прежде всего нужно учить»⁸.

Ч. Валиханов подходил к объяснению общественных явлений с просветительской точки зрения. В те годы такие взгляды, безусловно, имели прогрессивное значение, ибо просветительство поднималось на борьбу с невежеством, содействовало распространению образования, проникновению на национальные окраины передовой русской культуры. Вместе с тем нельзя не видеть и коренных недостатков этой точки зрения, ибо не «истинное знание», а лишь глубокие революционные преобразования, ведущие к изменению способа производства и производственных отношений, являются основой для улучшения материального положения людей.

В научных трудах Ч. Ч. Валиханова содержатся оригинальные положения и выводы, многие из которых сохраняют свое важное значение и по сей день. В частности, он одним из первых в мировом востоковедении указал на автохтонный характер этногенеза киргизов и уйгуров, тогда как вплоть до наших дней некоторые авторы придерживаются неверной точки зрения о миграционном становлении указанных этносов. Не менее значительный интерес представляют его исследования проблемы происхождения казахского народа. Им был

⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 495.

⁸ Там же. С. 498.

высказан ряд глубоких мыслей о тесной сопряженности этнических и социально-экономических процессов, воздействии природных факторов на этногенетические явления и т. д. Он не раз указывал на специфику процесса этногенеза казахов, порожденную кочевым образом жизни, и т. д.

Огромный интерес представляют его исследования духовной культуры казахского народа. Он глубоко знал казахскую народную поэзию, эпические сказания, легенды, генеалогические предания и эпос. И не случайно, что именно Ч. Ч. Валиханов одним из первых привлек внимание научной общественности к фольклорному пласту духовной культуры казахского и киргизского народов, сделав достоянием мировой науки великий эпос «Манас», изустную традицию казахского народа. Его исследования по шаманизму до сих пор сохраняют свое важное научное значение.

Огромный интерес представляют исследования Чокана, посвященные традиционно-бытовой культуре казахов, их хозяйственным занятиям. По широте проблематики и глубине проникновения в суть вопроса труды Ч. Ч. Валиханова по истории казахского народа вплоть до начала XX в. не имели себе равных.

Ч. Валиханов, став первым выдающимся ученым-ориенталистом из среды своего народа, проложил путь к науке целой плеяде казахских ученых. Вслед за первыми публикациями Ч. Ч. Валиханова в русской печати появляются публикации М. С. Бабаджанова, М. Г. Тяукина, Т. Сейдалина, А. Джантюрина, Даулбаева, Х. Кустанаева, М. Чорманова и др. Многие из них по примеру Чокана стали принимать активное участие в научной жизни, являлись членами Русского географического общества, широко и много публиковались.

Ч. Валиханов явился предвестником зарождения молодой казахской общественно-политической мысли. Во второй половине XIX в. широко известными становятся имена видных казахских просветителей — Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева. Благодаря Чокану Валиханову передовая Россия обратила взор в «киргизские степи» и способствовала развитию тех ростков науки и образования, которые отчетливо наметились в середине XIX — начале XX в.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ,
член-корреспондент АН СССР (Москва)

Чокана Чингисовича Валиханова по праву мы называем ученым-востоковедом. Его труды по исследованию Центральной Азии имеют непреходящее значение.

Желание быть путешественником у Чокана определилось еще в детстве, в 14—15 лет. По свидетельству Г. Н. Потанина, юный Чокан мечтал достичь дальних пределов Средней, а может быть и Центральной Азии. Знаменитый русский путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский поддержал его стремление отправиться в Петербург, дабы закончить там восточный факультет университета¹. Тяга к востоковедению проявилась и в том, что Чокан сумел собрать превосходную библиотеку².

В мировой науке подлинный расцвет исследования Центральной Азии, и в частности Восточного Туркестана, наступил в XIX в. Работы по изучению этого региона возглавило Русское географическое общество, основанное в 1845 г. Экспедиции, посылаемые им, ставили перед собой в основном географические задачи: составление карт, исследование караванных путей, также изучение этнографии и археологических памятников.

«Уже со второго года своего существования,— писал П. П. Семенов-Тянь-Шанский,— Русское географическое общество обратило также должное внимание на крупнейшую из предстоящих ему в будущем задач — научное исследование Внутренней Азии»³. В последующем, особенно с 70-х гг. XIX в., экспедиционные исследования Центральной Азии становятся одним из основных направлений деятельности Русского географического об-

¹ Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове // Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / Изд. под ред. Н. И. Вессловского. Зап. РГО по отделению этнографии. Спб., 1904. Т. 29. С. 7.

² Ядринцев Н. Воспоминания о Чокане Валиханове. Там же, С. 35.

³ Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. Спб., 1896. Т. 1. С. 27.

щества. Собственно археологией и историей Центральной Азии занималось и Восточное Отделение Русского археологического общества.

К середине XIX в. русское востоковедение заняло ведущее место в мире. Особенно много было сделано в области китаистики. Н. Я. Иакинф (Бичурин) создал к тому времени серию блестящих работ, в которых были собраны и интерпретированы китайские источники о народах Центральной Азии с древнейших времен до XVIII в. Были изданы (в текстах и переводах) многие персидско-таджикские и тюркские источники по истории средневековых народов Центральной Азии. Имелись описания, в том числе капитальные, многих народов Центральной Азии и событий новой и новейшей истории, с использованием архивных материалов, особенно русских, а также местных исторических сочинений.

В 1855 г. Ч. Валиханов совершил большое путешествие по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. За этим последовали экспедиции в Семиречье, на Иссык-Куль и в Джунгарию (1856—1857 гг.).

Путешественнику того времени приходилось быть универсальным ученым. В трудах русских центрально-азиатских путешественников XIX в. собраны сведения по физической, экономической и политической географии, флоре, фауне, этнографии, фольклору, археологии, истории и т. д. Именно таким универсальным ученым был и Ч. Ч. Валиханов. Орография и гидрография, породы деревьев, растительность, животные — все это присутствует в отчетных материалах экспедиции, как и превосходные рисунки (Ч. Валиханов был незаурядным художником), которыми он документировал все свои поездки. Но уже тогда выявились свойственные только этому великому путешественнику по Центральной Азии специфические особенности, а именно — примат гуманитарного начала. Более всего его интересует народ — в данном случае казахи и киргизы; их история, современное положение, отношения с соседями, этнография, фольклор, религия, лингвистика. По всем этим проблемам были собраны богатейшие материалы, над разработкой которых Ч. Валиханов впоследствии долго работал, например, над впервые записанным и переведенным им на русский язык «Манасом».

Осенью 1856 г. Ч. Валиханов направился в Кульджу. Здесь он выполнял важное дипломатическое поручение,

в результате удалось наладить торговые отношения с Китаем. Затем совершил поездку к алатауским киргизам. Во время обеих поездок им был собран обширный этнографический и фольклорный материал.

Труды Ч. Валиханова по Кульджинскому краю содержат очень ценные географические наблюдения, отразившие глубину знаний и эрудицию путешественника. Здесь же дана характеристика хозяйства и быта населения, административного управления краем, приведены данные по этнографии уйгуров, сибо, солонов, калмыков и других племен этого края, описаны их различия и взаимоотношения.

Признание со стороны русской науки не заставило себя ждать. 27 февраля 1857 г. по рекомендации П. П. Семенова-Тян-Шанского и Е. И. Ламанского он был избран действительным членом Русского географического общества за путешествие на восточные берега Иссык-Куля, где собрал богатый материал по географии, этнографии и истории киргизов. Это говорилось о совсем молодом человеке, который еще не достиг 22-летнего возраста.

П. П. Семенов-Тян-Шанский предложил снарядить экспедицию в Кашгарию, представлявшую собой значительную часть Восточного Туркестана, остававшуюся неисследованной европейскими путешественниками. Идея ученого встретила поддержку в Географическом обществе и в правительственных кругах. Руководителем экспедиции был назначен Ч. Ч. Валиханов, который получил инструкцию ехать инкогнито, под видом купца.

В Восточном Туркестане Ч. Валиханов собрал исторические сведения из местных официальных документов и сочинений, ряд уникальных восточных рукописей и нумизматическую коллекцию. Он обратил внимание на такой источник по истории Восточного Туркестана, как труд «Тарихи-Рашиди» Мухаммеда Хайдара (составлен в 1544—1546 гг.). Ч. Ч. Валиханов обнаружил в Кашгаре продолжение этого сочинения — «Тазкирия Ходжаян» (1768—1869 гг.)⁴.

В горах близ Кучи «много пещер и летом видны огни. В одной пещере есть иссеченные буддийские кумиры. Устройство их относят к династии Тан»⁵, — так писал

⁴ Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. С. 56.

⁵ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1962. Т. 2. С. 354—356.

исследователь после поездки в Восточный Туркестан. Ч. Валиханов является первым из европейски образованных ученых, получивших сведения о древних буддийских пещерных монастырях Восточного Туркестана.

Ч. Валиханов отметил специфику системы управления в Алтышаре. Шесть городов (Яркенд, Хотан, Кашгар, Аксу, Янысар и Турфан) составляли с окрестными селениями шесть независимых один от другого округов. Во главе такого города-округа стоял хакимбек, у которого был помощник, а также газначибек — казначей. Население разделялось на тысячи и сотни, которыми соответственно управляли минбеги и юзбеги. Важную роль играли мираб-беки, заведовавшие ирригацией. Ученый подробно характеризует каждый округ, описывая их устройство и жизнь.

Беспробудно тяжелой была жизнь трудового народа. Ч. Валиханов отмечал, что «податный класс народа находился в Восточном Туркестане в самом тяжелом состоянии»; «обременительные налоги, незаконные поборы», лихоимства и притеснения китайцев и беков, поставленных ими, раздражают население этих шести городов. Именно это служило причиной частых восстаний его жителей, направленных против китайского ига и местных феодалов.

После возвращения из путешествия на основании собранных материалов Ч. Валиханов написал ряд работ, среди них выделяются «Очерки Джунгарии» и фундаментальный труд об Алтышаре (или Кашгарии). Последний состоит из географического обзора, исторического очерка, очерка народонаселения, глав о системе управления и политического состояния края, а также о промышленности и торговле⁶. Этот труд был издан в России и переведен на английский язык.

С конца 1859 до весны 1861 г. Ч. Валиханов пробыл в Петербурге. Он продолжил работу над отчетными материалами (в том числе картографическими) своих экспедиций. Он готовил свои отчеты и статьи для публикации в журналах Русского географического общества. Неоценимую помощь оказал ему П. П. Семенов-Тянь-Шанский, тогда являвшийся вице-президентом Русского географического общества. Ч. Валиханов посещал лекции в университете, познакомился с ведущими русскими

⁶ Там же. С. 265—412.

востоковедами В. В. Григорьевым, В. П. Васильевым, В. В. Вельяминовым-Зерновым и др.

Научное наследие Ч. Ч. Валиханова велико и многообразно. Остановимся лишь на разработке им проблем востоковедения народов Центральной Азии.

Начиная с 1853—1856 гг., ученый много и успешно работал над письменными источниками, изучая изданные тексты, рукописи, переводы на русский и западно-европейские языки. Китайские источники использовались им в переводах Н. Я. Бичурина, к ним он обращался чаще всего, ибо для своего времени они являлись самым передовым словом в науке, а также привлекал переводы французских синологов Видела, Клапрота, Абеля Ремюзы, Жюльена. Сохранились его выписки и конспекты китайских источников, в частности знаменитого буддийского путешественника VII в. Сюань-Цзяня. Много и успешно работал он над трудом Рашид-ад-дина «Джами'ат-таварих», сочинением Мухаммеда Хайдара «Тарихи-Рашиди», трудом Абулгази и др. Ч. Валиханов исследовал уйгурский перевод Мухаммеда Садыка Кашгари, хранившийся в Азиатском музее Академии наук (во время своего пребывания в Петербурге в 1860 г.). Этому труду он посвятил специальное исследование.

О глубине занятий молодого ученого письменными источниками свидетельствует его письмо профессору И. Н. Березину и заметки при чтении книги И. Н. Березина «Ханские ярлыки». Скрупулезный анализ позволил ему сделать множество уточнений и высказать ряд ценных замечаний. Кроме того, он использовал «Шеджере-и тюрк» («Родословная тюрков») Абулгази по френовскому изданию 1825 г., «Шейбани-наме» в издании И. Н. Березина 1851 г., «Бабур-наме» и многие другие произведения. Следовательно, Ч. Валиханов систематически и глубоко работал над письменными источниками, делал выписки, переводы, сопоставлял их один с другим. То есть Валиханов был подлинным источниковедом, причем первым источниковедом в казахской историографии.

Источники нужны были Ч. Валиханову для ответа на два, глубоко волновавших и полностью занимавших его вопроса: происхождение (этногенез) казахского и других народов Центральной Азии и их история. Он задавался такими коренными для казахского этногенеза

вопросами, как значение и происхождение слов «казах», «казачество», собирал сам и пытался привлечь других ученых к сбору сведений из письменных источников по истории казахского народа. Используя все виды письменных источников, Ч. Валиханов дал глубокую для своего времени разработку многих кардинальных проблем истории казахского, киргизского и уйгурского народов, истории Кокандского ханства и т. д. Одним словом, Ч. Валиханов являлся выдающимся историком Центральной Азии. Для него характерна глубина анализа, комплексное использование источников — от письменных и нумизматических до фольклорных и лингвистических. В этом отношении его работы далеко опередили свое время.

Наибольшее внимание Ч. Валиханов уделил проблеме этногенеза казахов. Можно по праву назвать его основоположником науки об этногенезе его родного народа. Он собрал массу материалов также по этногенезу других народов Центральной Азии и Южной Сибири.

Много внимания Ч. Валиханов уделял социальным вопросам. С гневом он писал, что власть манапа в конце концов превратилась в деспотические отношения владельца и рабов. Ч. Валиханов первый обратил внимание на киргизский эпос «Манас», сделал запись его текста и перевод.

Велик вклад Ч. Валиханова в изучение жизни уйгурского народа. До путешествия Ч. Валиханова западноевропейские ориенталисты, особенно французские, собрали и издали некоторые данные об уйгурах, почерпнув их из письменных источников. Язык и этнография реальных жителей Восточного Туркестана, среди которых уйгуры составляют большинство, были известны в очень незначительной степени. Именно Ч. Валиханов восполнил этот пробел.

Ч. Валиханов — выдающийся историк религии. Много внимания он уделял изучению религии и религиозных верований народов Центральной Азии. При этом он постоянно ставил перед собой вопрос о степени внедрения ислама в глубинные недра народного сознания. У народов Центральной Азии глубина мусульманизации оказалась различной. Так, киргизы, отмечает Ч. Валиханов, «называют себя мусульманами, не зная ни догматов веры, ни его треб». Вместо аллаха они употребляют имя верховного божества тюрко-монголов — куктенгри (не-

бо—бог). Не исполняют они и ритуальных предписаний, в частности, ежесуточный пятикратный намаз⁷.

Таким образом, для Ч. Валиханова характерен исторический подход к изучению религии. Он выделял различные пласты народного сознания, глубоко анализировал ход и последствия наложения моноистической религии ислама на шаманство.

У киргизов, казахов и многих других центрально-азиатских народов глубинной формой религиозного сознания продолжал оставаться шаманизм. Его характеристика содержится в специальной работе «Следы шаманства у киргизов» и во многих других работах. В своей трактовке шаманства Ч. Ч. Валиханов во многом предвосхитил современные представления. Детально им также рассматривались космологические представления, верования, связанные с природой, культ огня, демонология и т. д. По всем этим проблемам он собрал богатейшие материалы, значение которых все более возрастает. Так, и в этой области Ч. Ч. Валиханову принадлежит исключительно яркий вклад в отечественную науку.

Гневно и страстно бичевал Ч. Валиханов тех авторов (а их было немало в зарубежных научных трудах), кто пропагандировал европоцентристские взгляды и пренебрежительно относился к народам Востока, особенно кочевым. Приведем его слова: «В Европе до сих пор господствует ложное понятие, представляющее кочевые племена в виде свирепых орд и беспорядочных дикарей. Понятие о кочевом монголе или киргизе тесно связано с идеей грубокого и скотоподобного варвара. Между тем, подчеркивал исследователь, кочевые народы имеют высокую культуру, имеют свою литературу — письменную или устную»⁸. «Как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов...»⁹, — так характеризовал роль Ч. Валиханова в

⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 369—370.

⁸ Там же. С. 390.

⁹ Веселовский Н. И. Предисловие//Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Изд. под ред. Н. И. Веселовского. Спб., 1909/Зап. РГО по отделению этнографии. Т. 29. С. 1.

этой области науки выдающийся дореволюционный русский востоковед Н. И. Веселовский, первый издатель собрания трудов Ч. Валиханова. Люди, близко знавшие Ч. Валиханова, говорили, что «...он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми ее желал горячо ее обновления»¹⁰.

Работы Ч. Валиханова обнаруживают в нем наблюдательного и эрудированного ученого, глубокого знатока Центральной Азии. Он вступил на путь науки совсем юношей, не достигнув даже двадцатилетнего возраста. Энциклопедичность знаний, всесторонняя подготовка, гуманизм, демократизм, дружба и сотрудничество с русскими учеными — все это позволило ему за немногие годы сделать огромный вклад в изучение Центральной Азии, ее природы, истории, этнографии, фольклора, языков и религии населяющих ее народов. Его замечательные, талантливо написанные труды — прекрасный памятник великому представителю казахской культуры, выдающемуся отечественному исследователю Центральной Азии.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Э. М. МУРЗАЕВ,

доктор географических наук (Москва)

Когда пишут или говорят о жизни и творчестве Чокана Чингисовича Валиханова, всегда упоминают о Русском географическом обществе, о его роли в становлении этого ученого и путешественника. И справедливо. Ведь исследования Семиречья и Кашгарии были приняты по инициативе, при помощи и по заданиям общества, ведущие деятели которого высоко ценили вклад Валиханова в географические науки.

Большие способности и трудолюбие, общение с П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, Н. М. Ядринцевым, Г. Н. Потаниным, Ф. М. Достоевским и другими крупны-

¹⁰ Чокан Валиханов в воспоминаниях современников. Алма-Ата, 1964. С. 91.

ми деятелями русской науки и культуры — все это позволило Валиханову, несмотря на молодость, проявить себя не только талантливым историком, этнографом, географом, но и энергичным общественным деятелем и мыслителем. Неслучайны и его широкие стремления к познанию окружающего мира.

Географические исследования Чокана Валиханова в Средней и Центральной Азии внесли существенный вклад в познание географических закономерностей, свойственных этим странам.

Известно, что П. П. Семенову-Тянь-Шанскому и Г. Н. Потанину — современникам Валиханова — многое удалось сделать в исследовательской работе и немало опубликовать результатов. Но нужно при этом учитывать фактор времени: и Потанин и Семенов-Тянь-Шанский прожили долгую жизнь, в условиях которой стала возможной их продуктивность. Помимо таланта, присущего им, они имели возможность десятилетия работать, а Ч. Валиханов умер молодым, имея в своем распоряжении всего 9—10 лет для творческого труда. Удивительно то, сколько он смог сделать за такой короткий промежуток времени и как много оставил потомкам.

В середине XIX в. изученность Средней и Центральной Азии была очень слабой. Первое путешествие Семенова в 1856 г. положило начало исследованиям Тянь-Шаня. Семенов-Тянь-Шанский — это можно утверждать — определил географические интересы Валиханова.

В то время господствовала кабинетная теория известного немецкого географа, выдающегося натуралиста Александра Гумбольдта, который считал, что горы Центральной Азии созданы вулканическими силами. Из Южной Америки он перенес свои представления на объяснение орографической картины Центральной Азии. Только после путешествия Семенова-Тянь-Шанского Валиханов, как и другие ученые, понял несостоятельность положений Гумбольдта и способствовал утверждению истины. Сто лет назад не знали даже правильного рисунка гор и гидрографической сети громадной территории Центральной Азии. Поэтому каждый новый шаг давал много, а этих фактов Ч. Валиханов привел в своих трудах в изобилии, особенно в «Очерках Джунгарии», в работах «О Западном крае Китайской империи», в «Дневнике поездки на Иссык-Куль», в «Материалах и исследованиях о Кашгаре».

Если учесть время, отделяющее нас от Ч. Валиханова, то окажется достаточно интересным обзор Кашгарии, сделанный по классической схеме, широко применяемой и в наши годы. В этой схеме даны характеристики рельефа, гидрографии, климата, полезных ископаемых, растительности и животного мира. Но этим автор не ограничивается, а заключает ее описанием городов и других населенных мест, рассказывая одновременно о хозяйственной деятельности человека, то есть вводит в обзор Кашгарии элементы экономической географии. В приведенной схеме привлекает еще другое: по сути автор строит ее двухступенчатой: первая ступень — географическая характеристика страны в целом и вторая — по районам.

Вообще путешествие в Кашгарию в 1858—1859 гг. было таким новаторским делом для географической науки, что его можно назвать великим научным подвигом, оставившим глубокие следы в исследовании Азии. В сущности это был первый ученый, попавший в Восточный Туркестан и вернувшийся обратно с богатым материалом. Известно, что до Валиханова туда проник и был там казнен немецкий путешественник Адольф Шлагинтейт. Поездка же Валиханова была проведена по инициативе Семенова-Тян-Шанского и Русского географического общества, которое имеет много заслуг в истории исследования азиатского материка.

П. П. Семенов-Тян-Шанский выступал как организатор географической науки в России. Он способствовал проведению знаменитых русских исследований не только в Азии, но и в других частях земного шара. Не было бы П. П. Семенова-Тян-Шанского, мы не узнали бы и о таком замечательном ученом, как Г. Н. Потанин, которого Семенов, по сути дела, вызволил из его тяжелого положения в ссылке, нам были бы не известны достижения Н. М. Пржевальского и Н. Н. Миклухо-Маклая. Валиханов тоже испытал на себе внимание Семенова, который обладал замечательным даром, присущим немногим: он хорошо понимал людей и, видя в молодых ученых ростки таланта, вселял в них веру, способствовал их формированию.

В 1857 г. П. П. Семенов возвращался из путешествия на Тянь-Шань. В то время Ч. Валиханову было 22 года, он служил в Омске в качестве адъютанта генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорта. Еще до отъезда

на Тянь-Шань П. П. Семенов познакомился с молодым офицером, который заинтересовал его зрелыми суждениями, знанием быта, истории казахов и который мечтал о полевых исследованиях.

Тогда русский ученый посетил Ч. Валиханова и в долгой беседе предложил ему осуществить поездку через Тянь-Шань в Кашгарию, или как в то время называли, Алтышар (Шестиградье).

Кашгария, как и Тибет, были закрыты для европейцев. Валиханов же как казах по происхождению, хорошо знавший родной язык, мог в составе купеческого каравана проникнуть в запретную область Центральной Азии с малой долей риска. П. П. Семенов верил в успех предприятия. В «Истории полувековой деятельности Русского географического общества (1845—1895)» читаем, что Ч. Валиханов: «обратил на себя своею замечательной талантливостью особое внимание П. П. Семенова, познакомившегося с ним, в 1856—57 годах, в Сибири; П. П. Семенов указал генерал-губернатору Г. Х. Гасфорту на то, что Ч. Ч. Валиханов был единственным из состоявших в то время при генерал-губернаторе офицеров, который будучи послан в национальном киргизском костюме в Кашгарию, мог бы, по своему развитию и талантливости, собрать драгоценные для России сведения о современном состоянии не только Кашгара, но всего Алтышара»¹. Как известно, Семенов не ошибся в своем выборе.

Содержательны исследования Чокана Валиханова. Каждый добытый им факт — ценность; но собрание фактов еще не наука. Их систематизация, установление закономерностей и выявление причинности на основе фактов — вот что должно привлекать ученого. И молодой казахский исследователь смело встал на увлекательный путь осмысления и обобщения своих наблюдений.

Он дает, например, географическое обобщение в «Очерках Джунгарии» вертикальной поясности в горах Семиречья. Он выделяет три полосы: горную, полугорную и равнинную. Это уже элементы вертикального расчленения природы в горах Центральной и Средней Азии. Здесь Валиханов высказывает интересную мысль,

¹ История полувековой деятельности Русского географического общества (1845—1895 гг.). Спб., 1886. Ч. 1. О. 1. 2. 3. С. 275—276.

которая потом оправдалась последующими исследованиями. Он пишет, что в горах флора и фауна имеют много общего с сибирскими растительностью и животным миром. И действительно, анализ палеогеографических условий формирования ландшафтов Центральной Азии показывает, что горы были теми мостами, по которым сибирские элементы проникали далеко на юг. Большие высоты и суровость климата гор позволили холодолюбивой фауне и флоре постепенно приспосабливаться и уходить дальше на юг, в то время как межгорные впадины и песчаные пустыни оказались проводниками аридных форм далеко на север, вплоть до межгорных котловин Восточной Сибири. Так, мысль, высказанная впервые Ч. Валихановым, получила развитие, но с новыми фактами, очень важными для правильного понимания и анализа происхождения различных видов флоры и фауны гор Центральной Азии.

Большой интерес проявлял Валиханов к картографии. Карта — это альфа и омега географии (Л. С. Берг), это — лаконичная форма обобщения громадного количества фактов, строящихся в закономерные ряды. Помимо того, что Чокан сам много снимал карт, он интересовался и историей картографии (заметка о карте Японии, карта внутренней Азии, Атлас Азии к «Общему землеведению» К. Риттера). Все это говорит о том, что тяга ученого к картографии была не случайной: он хорошо понимал значение карты в географических исследованиях. В частности, интересна его попытка объяснить карту Средней Азии по запискам эмира Бабура, а в связи с этим и другая особенность — внимание к географической номенклатуре. Замечания о ней рассыпаны по многим сочинениям, где можно видеть тщательную запись; нередко объяснения происхождения географических названий, их этимологии, в отдельных случаях, как теперь можно утверждать, народной этимологии. Некоторые названия связаны с легендами (например, имя долины Каркары); он правильно объясняет происхождение названия «Джунгария» от монгольского «дзунгар» — «левая рука», «левое крыло».

Некоторые научные положения остаются в силе и ныне. Такова характеристика природных особенностей высоких сыртов: это — высокие плоские и выровненные нагорья, которые подняты новейшими тектоническими движениями, но сохранили свой древний снивелирован-

ный рельеф. Ч. Валиханов отмечает, что часто большие караванные дороги в горах Центральной Азии приурочены к сыртам — волнистым равнинам, путь по которым сравнительно прост, здесь нет крутых и скалистых перевалов. «Через сырт пролегает много караванных путей, все они проходимы на верблюдах»².

Сырт — слово тюркское, но уже давно вошедшее в русскую географическую литературу и в русский литературный язык в значении: плоская возвышенность, вытянутая водораздельная гряда, широкая грива с мягкими формами рельефа и т. д., на Тянь-Шане — широкое альпийское плато, поверхность выравнивания в высокогорье. «Киргизы все пространство от Заукинского прохода до Теректы-Давана (в 150 верстах от Кашгара) представляли нам высокой гористой и холодной страной. Страну эту они называли Сырт (спина) по причине ее возвышенного положения»³. Но в разных тюркских языках можно обнаружить и другие значения: хребет, верхний, внешний, наружный, далекая местность, тыльная сторона, крутой берег реки, холм, возвышенность и т. д. Термин формирует многочисленные географические названия на обширном ареале Средней Азии, Казахстана, Сибири, Поволжья, Урала, Кавказа, Малой Азии, Балкан. Всем известная возвышенность Общий Сырт — это междуречье Волга—Урал. «Общий» потому, что его территория долгое время не заселялась, а использовалась под выпас как казахами, так и русскими крестьянами, живущими в Заволжье и по долине реки Урал.

Вывод Ч. Валиханова о проходимости сыртов даже для верблюдов, которых в отличие от лошадей и яков, как правило, не используют в высокогорье, говорит о наблюдательности путешественника. В связи с этим укажем, что в исторической географии давно установилось представление о том, что Джунгарские ворота были важнейшим путем проникновения кочевых народов из Центральной Азии в Казахстан и Европу. Действительно, Джунгарские ворота четко выражены в рельефе, но едва ли можно признать, что именно они были главным руслом, по которому выливались на запад скотоводческие народы и подвижные орды кочевников в своих завоевательных походах. Ведь горы пограничной Джун-

² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1962. Т. 2. С. 267.

³ Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958. С. 452.

гари с их мягкими формами рельефа и плоскими гребнями — остаточными сыртами — всюду были легко проходимы для всадника и даже для повозок, а теперь в ряде мест без труда преодолеваются грузовыми машинами.

Еще одно любопытное наблюдение Валиханова. Мы привыкли говорить о пустынных условиях равнин Средней и Центральной Азии. Можно согласиться с тем, что здесь возможно только орошаемое земледелие, так как выпадает очень мало осадков. Но когда случится гроза или сильный дождь, они приводят к непоправимым бедствиям и представляют большую угрозу для местного населения. Вот что писал Валиханов по этому поводу: «Если горизонт покрывается тучей, то все ахуны со своими школьниками выходят на террасу мечетей и читают громко молитву «кнут», которой приписывают силу разгонять облака»⁴.

В чем тут дело, почему так боятся дождя в сухих странах? Лютый дождь приносит несчастье. Поднимаются соли на поверхность почвы, которые губительно действуют на сельскохозяйственные растения. Кроме того, плоские крыши, неприспособленные удерживать влагу, быстро разрушаются, и люди страдают от дождя. Деятельность земледельца сильно нарушается. Все знают, как появляются корки на свежеспаханной и разрыхленной почве хлопковых полей Средней Азии и сколько труда требуется, чтобы разбить эти корки и тем самым способствовать нормальному дыханию корней. Сильный ливень может принести большой вред, порождая грозные потоки — сели, разрушая ирригационные системы.

У Валиханова можно встретить указания на то, что озера Алакуль и Балхаш в недавнем прошлом составляли одно целое. То же утверждал в свое время и академик Л. И. Шренк. Известно, что вопрос об озерности пустынных равнин Азии — ныне один из основных в палеогеографии аридной зоны, где сохранилось много остаточных водоемов. Были ли они очень большими в прошлом? Но ясно, что не случайна закономерность распространения озер в огромной полосе от Аральского моря на западе до озер Монголии. Чем объяснить парадокс, когда в условиях пустынного климата возможно наличие значительных бассейнов, которые сохраняются несмотря на

⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 277.

большую сухость воздуха и малые осадки? Пустынность не противоречит присутствию и жизни озер.

Чокан Валиханов первым проник в запретную для ученых область древней Центральной Азии. Может быть, с риском для жизни, так как в конце его пребывания в Кашгаре появились подозрения в достоверности его купеческой миссии. Он рассказал о положении Алтышара, показал пути для последующих путешественников, которые во второй половине прошлого века прошли по горам и пустыням Западного Китая, частично повторив маршруты казахского исследователя.

Валиханова больше всего интересовали люди, их жизнь, хозяйство, этнография, политическое устройство, но, будучи ученым очень широких интересов и деятелем Русского географического общества, он оставил нам много географических работ, часть которых была обнародована только в наши годы, сто лет спустя после смерти автора.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ-ЭТНОГРАФ

В. П. КУРЫЛЕВ,

кандидат исторических наук (Москва)

Чокан Валиханов был выдающимся ученым в области истории, этнографии и географии народов Средней Азии и Казахстана. Знание многих восточных и европейских языков позволяло ему непосредственно обращаться к письменным источникам и знакомиться с современными ему научными исследованиями не только русских, но и зарубежных специалистов. Прочной основой для его научных изысканий являются богатейшие личные материалы и впечатления, собранные во время почти беспрерывных экспедиций и путешествий по Средней Азии и Казахстану.

Необычайно широк круг научных интересов Чокана Валиханова. Заметное место среди них занимают проблемы этнографии и истории культуры народов Средней Азии и Казахстана. Им посвящены специальные статьи, заметки и незаконченные черновые наброски. Отдельные

вопросы этнографии, замечания и фактический материал в большей или меньшей степени содержатся почти во всех его работах. В одной из них, например, ученый сообщает, что «этнографические очерки, статистические сведения, исторические известия, памятники народной литературы уйсуней и Дикокаменной орды составляют несколько тетрадей в моих записках»¹.

Значительны этнографические сведения по культуре и быту народов Средней Азии и Казахстана, как и многие теоретические положения, сделанные Чоканом Валихановым, в первую очередь на основе этих фактических данных, не потеряли своей научной значимости и в настоящее время. Если говорить языком современной нам науки, Чокан Валиханов в своих работах в той или иной степени затронул почти все основные проблемы и направления этнографии. Остановимся более подробно на них.

Большое внимание исследователь уделял вопросам этногенеза и этнической истории казахов. Наиболее четко свое мнение по происхождению казахского народа он выразил в «Письме к профессору И. Н. Березину» (1852 г.): «Все данные, собиранием которых я теперь занимаюсь, ... подтверждают, что народ казак (так называем себя мы) образовался от союза разных племен турецких и монгольских во время междоусобий в орде (имеется в виду Золотая Орда.— В. К.), начавшихся тотчас после смерти Бердибека (золотоордынский хан из династии Джучидов, умер в 1359 г.— В. К.), а не народ древний, о котором писал Фирдоуси. Каждый потомок Батыея хотел быть ханом и иметь народ: так, я думаю, образовались ханство Крымское, Казанское, орда Чо-райгаковская, союз узбеков — шейбанов и казаков»².

Одним из первых Ч. Валиханов высказал соображение, получившее в настоящее время всеобщее признание, что термин «казак» первоначально носил социальный смысл и лишь затем с образованием Казахских ханств (XV—XVI вв.) принял этническое значение. В работе «Киргизское родословие» он говорит: «Кочевой степняк, для отличия от своих городских родоначальников-соседей, узбеков и ногайцев, гордился именем *казака* — свободного степняка, кочевого человека»³. «В это-то время, — пи-

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 401.

² Там же. С. 121—122.

³ Там же. С. 207.

шет он далее,— к казакам присоединились, или силою были присоединены, разные отпавшие от Золотой Орды отделения многих народов, как-то: кыпчаки, найманы, конрады, джалаиры, канглы и другие отрасли, коих названия ныне носят сильнейшие поколения, роды и отделения орд киргиз-кайсаков»⁴. Как известно, все последующие исследования по этногенезу и этнической истории казахов полностью соответствуют этим положениям Ч. Валиханова. Столь успешному решению сложной проблемы в немалой степени способствовало, как нам представляется, широкое привлечение Чоканом Валихановым одним из первых среди исследователей народных преданий в качестве историко-этнографического источника. При чрезвычайной скудости и фрагментарности письменных источников по кочевым народам Евразии, в том числе и тюркоязычным, эти впервые привлекаемые источники приобретают особое значение. Ч. Валиханов использовал три основных круга источников для решения проблемы этнической истории тюрко-монгольских кочевых народов: народные сказания и предания, китайские письменные источники, восточные и европейские письменные источники. Причем он отмечал, что второй и третий круг источников широко привлекается в исследованиях, «только народные легенды, поэмы оставались до сих пор незатронутыми»⁵.

Представляется, что рассмотренные выше методы исследования позволили Ч. Валиханову успешно разобраться и сделать весьма ценные замечания, не потерявшие своего научного значения в настоящее время, по такой сложнейшей в историографии народов СССР проблеме, как происхождение и этническая история киргизов. Эта проблема привлекает внимание исследователей вот уже почти два столетия. Сложность ее заключается в том, что известны два народа под именем киргизы: в Южной Сибири на Енисее и в Средней Азии в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

К проблеме этногенеза киргизов, как и казахов, Ч. Валиханов возвращался неоднократно. В статье «Заметки о киргизах» он излагает кратко известные к тому времени источники по истории киргизов, разбирает различные точки зрения их происхождения и, опираясь главным образом на то, что в народных преданиях

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 347.

среднеазиатских киргизов нет упоминания об их переселении из Южной Сибири, высказывает предположение об их автохтонности. Он пишет: «Основываясь... на показаниях самого народа, который... не знает и не помнит о движение своем (из Южной Сибири.— В. К.) и единогласно считает своей родиной горы Анджанские (Андижанские.— В. К.), невольно приходишь к заключению, что не были ли киргизы [выходцы] анджанские? Действительно, что дикокаменные киргизы живут на нынешних местах, т. е. в горах от Кашгара до Анджана, издавна»⁶. Такие же предположения по истории киргизов изложены им в статье «Очерки Джунгарии» и «Заметки по истории южносибирских племен». В этой же статье Чокан Валиханов рассматривает, правда, кратко этногенез якутов.

В работах Ч. Валиханова имеются также сведения об этническом составе туркмен, а также жителей Бухары и Бухарии⁷.

Важное значение Чокан Валиханов придавал изучению родоплеменной структуры народов Средней Азии и Казахстана, главным образом кочевых, как одному из важных источников по исследованию их этногенеза, этнического состава и этнической истории. В статьях «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «Киргизское родословие», «Записки о киргизах», «О киргиз-кайсацкой Большой орде» и других он подробно рассматривает историю многих древних тюркоязычных племен, вошедших в состав нескольких народов: узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков и туркмен. В то же время он справедливо отмечает, что ряд других родоплеменных подразделений был образован уже в период сложения народностей в Казахстане и Средней Азии. Так он сообщает: «Сообразив образование некоторых второстепенных родов киргизских при последних ханах, его можно легко объяснить или даже привести общее правило племенному образованию и соединению орд казаков. Аблай-хан в одном из своих чапу (набегов — В. К.) на киргизов [1757]... вывез в свою орду несколько сот джесырей (пленников); эти буруты, кочуя вместе с атыгаевским родом Средней орды от племени аргын, постепенно слились и теперь составляют отделение этого рода под именем *яна-киргиз* и *бай-киргиз* и,

⁶ Там же. С. 356.

⁷ Там же. Т. 3. С. 158, 162.

для получения генеалогического права братства родов, производят себя от одного из 12 сыновей Даута (родоначальника атыгаев)»⁸.

Большое внимание Ч. Валиханов уделяет исследованию хозяйства и основных занятий народов Средней Азии и Казахстана и в первую очередь — казахов и киргизов: развитию у них скотоводства, земледелия, ремесел. В этом плане необычайно содержательна статья «О кочевках киргиз» как по общетеоретическим выводам автора, так и обилию фактического материала. Ч. Валиханов сформулировал основное условие кочевого скотоводства — наличие больших свободных территорий. «По сему обширный район кочевков,— пишет он,— должно считать самым важным и главным условием для скотоводства»⁹.

Ч. Валиханов говорит о других условиях, которым должны соответствовать зимние и летние пастбища: «Для зимовок требуются густые леса или лесистые горы, вообще места, которые могут защищать скот от зимних непогод. Для летних кочевков, напротив,— места открытые, привольные и обильные текущими реками или озерами»¹⁰.

Важно также заключение автора о том, что скотоводы-кочевники высоко ценят такие места, однако, их постоянно не хватает. «Таким образом,— пишет он,— киргизы, занимая, по-видимому, огромные пространства земли, в сущности, пользуются в данный момент только незначительной частью и потому постоянно нуждаются в земле»¹¹. Это замечание особенно ценно, так как и в настоящее время еще встречаются в литературе утверждения, что у кочевников было достаточно земли, а следовательно, у них не могла развиться собственность на землю.

Уникальные материалы находим в работе «Зимние кочевки Каркаралинского внешнего округа». В них подробнейшим образом указаны названия отдельных мест и урочищ, которые являются зимними и летними пастбищами. О летних и зимних пастбищах, особенно казахов Среднего и Старшего жузов, имеются сведения и в других работах Ч. Валиханова. В статье «Несколько

⁸ Там же. Т. 1. С. 207.

⁹ Там же. С. 531.

¹⁰ Там же. С. 531—533.

¹¹ Там же.

маршрутов Потанина (Дороги через Голодную степь)» описываются основные маршруты перекочевок казахов с одного сезонного пастбища на другое с указанием водопоев скота: колодцев, ключей и т. д.¹²

В ряде работ Ч. Валиханова есть ценные сведения о земледелии. Так, в разделе «О хлебопашестве» статьи «О киргиз-кайсацкой Большой орде» он высказывает соображение, что казахи начали заниматься земледелием под влиянием «ташкенцев», жителей Средней Азии. Дается описание орошения, традиционного пахотного орудия, серпа, способа молотбы. Автор сообщает, что казахи выращивают в основном просо, а пшеницу стали сеять приблизительно с XVII в., отмечает наличие огородничества и садоводства у казахов Большого жуза.

Интересовали Ч. Валиханова вопросы домашних промыслов и ремесел у народов Средней Азии и Казахстана. О киргизах он сообщает, например, следующее: «Славится в этой орде выделка войлоков, знаменитых своей прочностью. Для домашнего употребления женщины валяют из козьего пуха белые колпаки, называемые кебенек». Есть упоминание о домашних промыслах туркмен: они разводят шелковичного червя, «все туркменские жены делают довольно искусно ковры, войлоки, попоны и тонкую армячину»¹³.

Рассмотрим компоненты материальной культуры народов Средней Азии и Казахстана, которые находились в кругу интересов Ч. Валиханова. В первую очередь это традиционное переносное жилище скотоводов-кочевников — юрта. И это не удивительно! Юрта представляет собой настолько оптимальное решенное многовековым народным опытом переносное жилище, идеально приспособленное как к природным условиям, так и своеобразному образу жизни кочевников, что почти ни один из исследователей не мог пройти мимо этого замечательного явления. Ч. Валиханов дает подробное описание казахской юрты, ее основных деталей (как деревянных, так и войлочных), украшений и внутреннего убранства. Он отмечает также, что «у киргиз-кайсаков существует еще другая юрта, называется *кос* [кош], или *джулум-уй*. Она употребляется у них для табунщиков лошадей или во время походов и в этих случаях для перевозки

¹² Там же. Т. 3, С. 200—231.

¹³ Там же. С. 162.

выючится на лошадей... Кош отличается от юрты прямыми ууками и отсутствием чангарака, вследствие чего имеют коническую вершину». И, наконец, Ч. Валиханов упоминает о другом типе юрты, которая имеет более коническую форму — «калмак-юй». В настоящее время в советской этнографии такую юрту в отличие от тюркской называют юртой монгольского типа.

Во многих работах Ч. Валиханова «разбросаны» отдельные замечания о пище казахов, киргизов и других народов, посуде, особенно связанной с кумысом — древним и любимым напитком почти всех тюркско-монгольских народов; одежде, домашней утвари и т. д. «Дикокаменные женщины (киргизки.— В. К.),— сообщает Ч. Валиханов,— замужние и девицы, носят белую рубаху из дабы (хлопчатобумажная ткань ручного производства разных расцветок — В. К.) без воротника, обшивая грудной разрез вокруг красным шелком. Верхнее одеяние их составляет обыкновенный халат такого вида и покроя, как носят мужчины. Они носят пестрые халаты, кроме синего цвета (который есть траур). Разница костюма и туалета замужней женщины от девки состоит только в головном уборе и в уборке волос...»¹⁵. Показательно то, что Ч. Валиханов отметил такие детали одежды, которые, согласно исследованиям крупнейшего специалиста по традиционной одежде народов Средней Азии — О. А. Сухаревой¹⁶, служат признаками их глубокой архаичности.

Специальное исследование Ч. Валиханов посвятил оружию и военным доспехам казахов. Он разделяет оружие, применяемое, как он пишет «в обыкновенное время для охраны скота и домашних драк: *нагайки*, *укрюки* (курук.— В. К.) и *суилы* (сойлы.— В. К.)» и оружие, употребляемое во время войны — сабли, самодельные длинные ножи — *селебе*, самодельные кинжалы и хивинские ножики; конья — *найза*, лук и стрелы, а также фитильные ружья с сошками из сайгачьих рогов. Из доспехов он описывает кожаный мужской пояс, на который прикреплен был с правой стороны мешочек для огнива, кремня и запасного фитиля, рого-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд. (2-ая половина XIX — начало XX в.). М., 1982.

вая пороховница, и с левой — мешочек для пуль и нож¹⁷.

В продолжении всей своей научной деятельности Чокап Валиханов неоднократно обращался к изучению проблем традиционных идеологических воззрений народов Средней Азии и Казахстана, в первую очередь шаманизма, а также других домусульманских верований; очень резко высказывался о попытках царского правительства усилить влияние мусульманства. Материалы и исследования по этим вопросам содержатся как в отдельных работах («Следы шаманства у киргизов», «Тенкри (бог)», «О мусульманстве в степи»), так и в других его статьях. В этих исследованиях наиболее ярко выражено мировоззрение Ч. Валиханова. «Объяснение Ч. Валихановым сущности религиозных представлений,— пишет акад. А. Х. Маргулан,— в частности шаманства у казахов, показывает, что он основной вопрос философии — об отношении материи и сознания — решил с материалистических позиций. Просветитель приходит к выводу, что природа, окружающая действительность существует независимо от сознания человека. Он не признает ни начала мира, ни его конца, считая мир вечным и бесконечным. Вместе с тем возникновение религиозных представлений людей Ч. Валиханов считает результатом воздействия сил природы, объективной реальности на человека, пытающегося понять мир, объяснить его явления, а также бессилие человека перед силами природы»¹⁸.

В работах Ч. Валиханова можно найти массу других сведений о древних религиозных верованиях казахов, киргизов и других народов Средней Азии и Казахстана: веры в огонь, луну, звезды, животных и растения, святые места, отдельные могилы и кладбища.

Ч. Валиханов придавал большое значение сбору и записи произведений устного народного творчества: пословиц, поговорок, причитаний, песен, поэм, героического эпоса и т. д. Среди записанных им образцов фольклора можно назвать песни «Шуна-батыр» и «Аблай», «Образцы причитаний (Песня Бухар-жирау по Аблау)», «Исторические предания о батырах XVIII в.»

¹⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 467. Т. 3. С. 21—22.

¹⁸ Маргулан А. Х. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.. Т. 1. С. 101.

поэма «Козы-Корпеш и Баян-Сүлу (Кушмурунский список)». Последнюю он записал в 1851 г. вместе со своим отцом — Чингисом Валихановым.

В статье «О формах казахской народной поэзии» он отмечает, что в «жире» — героическом эпосе об Эркөкче и Эркөсәе (отец и сын из казахского племени уаков) — «подробно излагается вся тактика и стратегия древних степных воинов»¹⁹. В той же работе он дает описание казахских народных музыкальных инструментов: кобыза и домбры²⁰.

Самая большая заслуга Чокана Валиханова в этой области состоит в том, что он первый обратил внимание научной общественности на киргизский героический эпос («Манас»). По словам Валиханова, он рассматривал эпос «Манас» как историко-этнографический очерк жизни киргизов.

Необходимо упомянуть о графических и живописных работах Чокана Валиханова, сделанных им главным образом во время поездок, экспедиций и путешествий. Эти работы являются прекрасным иллюстративным материалом, характеризующим традиционно-бытовую культуру народов Средней Азии и Казахстана. В настоящее время имеется около 150 таких работ.

К этим собраниям самым тесным образом примыкает другой этнографический источник — коллекции вещей и предметов традиционной культуры и быта казахов, ныне хранящиеся в Государственном музее этнографии народов СССР, Музее антропологии и этнографии АН СССР, находящемся при Институте этнографии АН СССР (Ленинградская часть). Правда, эти предметы были собраны и преподнесены в дар не самим Чоканом Валихановым, а его отцом — полковником Чингисом Валихановым. Однако этот факт, по нашему глубокому убеждению, является еще одним ярким свидетельством, показывающим, какое большое значение в семье Валихановых придавалось науке о человеке — этнографии.

¹⁹ Там же. С. 197.

²⁰ Там же. С. 200.

ГОРЯЧИЙ ПАТРИОТ СВОЕГО НАРОДА

И. И. СТРЕЛКОВА,
писатель (Москва)

4 мая 1860 г. Чокан Валиханов делал сообщение о своем путешествии в Кашгар в Русском географическом обществе. Перед ним была аудитория, состоявшая из высококвалифицированных специалистов. Прогрессивная научная общественность 60-х гг. чутко воспринимала различные оттенки позиции докладчика. Каждое слово Валиханова вызывало живой отклик у слушателей.

Переломные 60-е гг. XIX в. оживили научную и общественно-политическую мысль России, все посеянное ею всходило тогда буйно, с небывалой урожайностью. Чокан Валиханов был втянут в водоворот общественной жизни той важной эпохи, которую историки впоследствии стали называть первой революционной ситуацией в России.

Я не историк, а литератор. Мое стремление поделить-ся своими размышлениями о некоторых фактах биографии Ч. Валиханова поддерживает известная и популярная в писательских кругах статья В. Пашуто «Научный историзм и содружество муз». Автор пишет о сближении предмета истории и литературы, о стремлении «раскрыть проявление закономерностей через институты, людей, их мысли, настроения, чувства»¹.

Очень точно было сказано Н. И. Веселовским о Валиханове как «промелькнувшем метеоре» и как о феномене, явившемся слишком рано.

Как общественный деятель 60-х гг. Чокан Валиханов шел двумя путями. Принимая участие в общественной жизни России того времени, он стремился ввести вопрос о положении казахского народа в сферу внимания передового русского общества, по мере сил пытался пробудить общественное сознание самих казахов, вполне реально представляя себе, как невелики тут его возможности. Публицистика Чокана Валиханова свидетельствует о прогрессивном характере его общественно-политических воззрений. Особенно ярко это выразилось в

¹ Пашуто В. Научный историзм и содружество муз//Коммунист, 1984, № 5.

ного русским населением степи, а также как той формы судопроизводства, в которой закреплены отношения будущего, значительно более развитого общества.

Борьба за сохранение суда биев могла стать одной из причин, побудивших Валиханова принять участие в походе Черняева. С отрядом отправилась группа авторитетных казахов и киргизов, которые составляли суд биев, решавший по пути дела, переданные Черняеву генералом Колпаковским, начальником Алатавского округа и казахов Большой орды, а также все спорные дела между казахскими и киргизскими родами, с которыми обращалось в суд население занимаемых территорий. Есть основание считать, что идея походного суда биев принадлежала Чокану Валиханову, писавшему перед тем, что в Старшем жузе суд биев не играл такой роли, как в Среднем. Добившись проведения в жизнь этой своей идеи, Валиханов стремился содействовать утверждению в родах, изъявивших принять подданство России, понятного народу правопорядка, в чем-то противостоящего произволу манапов.

Причины, побудившие его покинуть отряд Черняева, могут быть истолкованы по-разному, потому что документов нет. Но версия об инородце, «испившем чашу цивилизации» и возвратившемся к натуральной жизни, не выдержала испытания временем. Чокан не удалялся от научной деятельности, о чем свидетельствует его корреспонденция о дунганском восстании, опубликованная в газете «Русский инвалид» (1865 г. № 51). О его общественной деятельности говорят письма к Колпаковскому, а также некоторые другие документы.

Поступки ученых и общественных деятелей нельзя рассматривать, игнорируя черты их личности. Валиханов остался верен тому идеалу поведения, который он составил для себя в юности. Он был цельной и благородной личностью, горячим патриотом своего народа. В этом его великий пример для будущих поколений.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

ИСТОКИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

М. Т. ИОВЧУК,

член-корреспондент АН СССР (Москва),

А. Х. КАСЫМЖАНОВ,

член-корреспондент АН Казахской ССР

Просветительство — явление универсального порядка, имеющее место во всех странах мира. В. И. Ленин определил социально-классовые основы просветительства, требуя дифференцированного подхода к этапам, формам, степени зрелости и отдельным его представителям. Именно этими ленинскими указаниями мы руководствуемся, делая попытку выяснить особое место Ч. Ч. Валиханова внутри просветительства как общего явления.

Мы начинаем наш анализ с определения стиля в наследии Чокана Валиханова, памятуя, что «стиль — это сам человек». Разумеется, речь идет о выражении некоей духовной сути личности, ее настроения, пафоса, ориентированности. В этом смысле стиль «живет» вместе с человеком, воспроизводя его становление, рост, возмужание, процесс, в котором обстоятельства «меняют» человека до той степени, что он становится способным к самоформированию, способным противостоять давлению внешних обстоятельств и возвышаться над ними.

В качестве черт, характеризующих личность и творчество Ч. Ч. Валиханова, многими отмечались раскованность литературного слога, его эмоциональная и художественная выразительность. Мы же усматриваем за этими внешнестилевыми особенностями письма Чокана нечто большее — его духовные устремления, культуру видения мира. От робких, еще ученических попыток прочтения исторических документов вплоть до самых зрелых философских, исторических, политических размышлений можно провести единую линию познавательных интересов, расширяющихся, углубляющихся, но в то же время

сосредоточенных вокруг одного коренного сюжета — истоки жизни народа, судьбы народа, возможности его приобщения к общечеловеческим ценностям и прогрессу. Пульс валихановской мысли, ритм ее углубления и возвышения определяются этим сюжетом. Печать его глубокой и сильной натуры сказывается на всем разнообразии разбираемых тем, отдельных частей, сливая их в нечто цельное, нерасторжимое.

Некоторые линии духовного развития Ч. Ч. Валиханова в известной мере были predeterminedены начавшимся в XVII в. процессом сближения русского и казахского народов и добровольного присоединения Казахстана к России. Но главное прошло через его биографию. Этим главным было приобщение Ч. Ч. Валиханова к самым лучшим и высшим достижениям русского просветительского движения — к его гуманизму, последовательному демократизму, высокой напряженной работе мысли. Эти черты были присущи и литературе в лице А. Н. Радищева, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Термин «просветитель» чрезвычайно емок. Но, во всяком случае, он относится к людям, стремящимся культивировать разум, просвещать, к людям, страстно ненавидящим ложную «мудрость», прикрывающую на самом деле своекорыстие, разоблачающим демагогию и уловки, в которые маскируются предрассудки и суеверия. Если к разряду просветителей относят Вольтера и Руссо, Дидро и Гольбаха, Джефферсона и Франклина, Радищева и Чернышевского, то внесение в этот список Чокана Валиханова является само по себе красноречивым. Но именно поэтому, отталкиваясь от общих черт просветительства, должно направить все внимание на анализ конкретных черт мышления, на воссоздание биографии духовного роста личности, на те реальные жизненные контексты, в которых складывались точки идейного притяжения и идейного отталкивания.

До рождения Чокана в Казахской степи произошли политические события, которые во многом predeterminedили траекторию его жизненного пути, способ приобщения к миру культуры. Политическая ориентация на Россию вошла составной частью в родословную Чокана, но к моменту его рождения процессы кристаллизации позиций продолжались, и Чокану Чингисовичу предстояло самоопределение. Ведь присоединение Казахстана

к России было сложным и неоднозначным процессом. В условиях острой конъюнктуры, чрезвычайной с точки зрения самого выживания народа, и необходимости включения в более широкие общественные процессы, оно было единственно приемлемым выходом из ситуации. Но оно было одновременно и колонизацией края, проводимой царизмом, со всеми ее трагичными моральными и социальными последствиями. Все это прошло через душу Чокана — мальчика и подростка.

Взрослому Чокану как любому человеку приходилось не раз отстаивать свое человеческое достоинство, но эти уроки не замкнули его в себе, а послужили основой для самостоятельного и критического отношения к окружающей действительности. С болью почувствовал он и осознал, что власть имущие в Казахской степи одержимы эгоизмом и готовы ради корысти пожертвовать достоинством и честью народа. Вот почему он обратился к истории своего народа, к его духовному достоянию, думал о возрождении народа, о приобщении его к общечеловеческой культуре. Что касается России, то Чокан Валиханов увидел Россию не только жандармов и чиновников, но и открыл для себя Россию передовых мыслителей и художников, гуманистов и тружеников, а через них — русский народ. Чокан вошел в мир передовой русской культуры и вошел в него так, что обозначил внутри этого круга собственные проблемы — проблемы истории и судеб своего народа, его связи с Россией и мировой цивилизацией.

Россия сразу же открылась Ч. Ч. Валиханову через людей ярких, неординарных, волею судеб попавших на окраину империи. Круг общения с ними, за каждым из которых стояла не только его личная судьба, но и целые направления русской общественной мысли, был достаточно велик. Если современные социологи говорят, что для появления большого ученого, мыслителя, художника необходима определенная плотность определенного сообщества людей, то Чокан действительно вошел в круг высоко интеллектуальный. Необходимо подчеркнуть его духовную связь с этими людьми, которая благотворно сказалась на развитии его просветительских идей.

Попытаемся проследить в хронологическом порядке те идейные течения, которые питали русское просветительство, а через него и духовную жизнь Чокана.

Это прежде всего радищевско-декабристские тради-

ции, которые в контексте идейном сложились в кругу политических ссыльных Сибири и Казахской степи и которые поддерживались родственниками и семейными друзьями декабристов. Кроме того, это обстоятельное знакомство с петрашевцами, сыгравшими роль соединительного звена между духовностью декабристов и революционеров-демократов 60-х гг., предшественников революционных разночинцев. (Годы спустя Ф. М. Достоевский, входивший в это движение, определил его как совершенно однотипное с декабристским.) Наконец, это человеческая, духовная близость Ч. Валиханова к Ф. М. Достоевскому, через творчество которого прослеживаются все болевые точки освободительного движения, его подъемы и спады, взлеты и поражения. В Ф. М. Достоевском Ч. Ч. Валиханов ценил гуманизм, демократизм, нетерпимость ко всякому унижению человеческого достоинства, бесконечную любовь к страждущим, униженным и эксплуатируемым, благоговение перед справедливостью и красотой. В свою очередь, Ф. М. Достоевский отдавал должное знанию Чоканом Валихановым жизни Востока, его европейской образованности.

В народных традициях, обычаях, культурных ценностях Валиханов черпал исторический оптимизм, уверенность в правоте материалистического взгляда на природу и жизнь человека.

Насколько радикальны были социально-политические позиции Ч. Ч. Валиханова, можно судить по «Записке о судебной реформе». Утопична была идея возрождения и поддержания суда биев, но критическая и теоретическая часть пронизана просветительством самой высокой пробы в духе Н. Г. Чернышевского. Характерна прежде всего аналогия высшей и низшей ступеней развития. «...Формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатом высшего, культурного развития. На этом факте основаны все наши надежды на будущее»¹ О подобном диалектическом повторении говорилось Н. Г. Чернышевским в его статье «Критика философских предубеждений против общинного землевладения». К этому Чокан добавля-

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 80.

ет свою заветную мысль: «Сверх того мы связаны с русскими историческим и даже кровным родством»².

Чокан подходит вплотную к осознанию разделения общества на классы. Он говорит о богатых и небогатых, степных аристократах и «черном» народе, табуновладельческой, торговой знати и народе и фиксирует враждебность интересов «привилегированных классов общества» и «интересов массы, большинства». На фоне оправдания «недоверия» народных масс к русскому правительству, критики «бюрократизма», «формальности», «рутины», проявляемой в игнорировании и попрании своеобразия жизни «инородцев» как «грубых и диких», видно, насколько отточено было острие политической мысли Ч. Ч. Валиханова. Просветитель приблизился к революционно-демократической идее классовой борьбы, но лишь приблизился.

Чествуя выдающегося сына казахского народа, ученого, мыслителя, вошедшего в круг просветительства как явления мировой цивилизации и обозначившего внутри него свое место стремлением сплавить образованность Запада, русскую культуру с духовной традицией и культурой Востока, мы подчеркиваем социальные истоки и социальную значимость его вклада в общественную мысль и обращенность его наследия к сегодняшнему дню. Любой человек в своей деятельности социально обусловлен. Но то, что придает величие деяниям и характеру человека, проходит через его духовность, через его личность.

Для изучения народной жизни, политического устройства, социальных условий именно он подходил более чем кто-либо по общей образованности, по приобщенности к передовым идеям своего времени, по глубокому политическому чутью, наконец, по тому, что он был уроженцем этих мест, знающим многое, в чем посторонний не мог сразу разобраться.

Возвратившись из Кашгара, Чокан тщательно систематизирует, обрабатывает добытые сведения и только после этого отсылает их в Петербург. Опубликованный отчет Ч. Ч. Валиханова привлек внимание в Европе. Чокан следует советам Ф. М. Достоевского: ничего не проговаривать заранее, пережить заново все изнутри, дать вылиться и отложиться в цельную картину. По

² Там же. С. 81.

манере письма отчет получился близким к «Запискам из мертвого дома» Федора Михайловича. Это не сухие дневниковые записи, не гладкое повествование, не сочинение внешне разбросанное, с повторениями, с перескакиваниями, но идейно цельное и эмоционально достоверное.

Чокан Валиханов органично и естественно вошел в общественную жизнь России и занял в ней свое достойное место. Воистину был прав аль-Фараби, когда говорил, что ищущие истину всегда поймут друг друга, ибо истина — одна.

При всей общительности, открытости Ч. Ч. Валиханова в его душе шла напряженнейшая работа мыслей и чувств, которую он не любил показывать. Современники не могли не отметить редкой любознательности, большой страсти к науке и цельности натуры Чокана. Все эти черты его личности, соединенные с исключительной трудоспособностью, не могли не найти в его воззрениях выражения в виде философичности, стремления объединить общими рамками всю сумму изучаемых и прорабатываемых им вопросов, охватывающих естествознание, историю, психологию, религию, политику.

Стержень мировоззрения Ч. Ч. Валиханова определяют как просветительский. Как известно, этим термином в марксизме охватывается вся сумма прогрессивных мировоззрений эпохи перехода от феодализма к капитализму. Но Чокан Валиханов не просто просветитель, а просветитель, вошедший в плеяду русского просветительского движения, начиная от А. Н. Радищева и декабристов и кончая А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским.

О самобытности мышления свидетельствуют его труды по истории народов Центральной Азии, в которых он не просто повторяет работы предшественников-востоковедов, а становится систематизатором, критиком, теоретиком, открывшим новые горизонты для исторической науки. Он стал первым, кто представил весь регион перед лицом русского и европейского образованного мира и представил достойно, как культурный человек, стоящий на гребне научной мысли своего времени.

Зрелость мышления Ч. Ч. Валиханова связана с приобщением к просветительству 60-х годов, во главе которого находился Н. Г. Чернышевский, стремившийся найти реальные основы для социалистического учения и

предпринявший шаги к практическому участию в революционном движении. В. И. Ленин указывал, что именно русские марксисты являются подлинными наследниками и продолжателями просветителей, благодаря «беззаветности исканий» которых Россия марксизм поистине выстрадала. Определенную часть этого процесса захватил Ч. Ч. Валиханов, и именно в этом контексте следует оценивать его наследие. Особенность Чокана Валиханова — первая попытка преломления просветительства к потребностям казахского общества.

Уровень революционной ориентации и теоретического мышления русских просветителей, если назвать лучших его представителей — А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, был настолько высок, что в философском плане вплотную приближался к диалектическому и историческому материализму. И все-таки они остались в пределах домарксистской общественной мысли, не смогли выйти за эти рамки в силу объективных причин, объективных социально-экономических условий России. Ч. Ч. Валиханов, прикоснувшийся к самым нервным точкам русской общественной мысли, тем более должен был испытать давление реальной ситуации, но тем большим оказался у него разрыв между уровнем теоретического мышления и реальными потребностями общественного развития. Для него антифеодальный, антикрепостнический дух просветительства связан был с проблемой приобщения казахского народа к общеевропейской и мировой культуре через культуру русского народа. С двух концов он наткнулся на барьер: с одной стороны, узкие корыстные интересы и взгляды казахской эксплуататорской верхушки, с другой — деятельность царского колониального и чиновничьего и репрессивного аппарата, в концентрированном виде отражающем суть феодально-абсолютистского режима. Как патриот и сын своего народа, как гуманист, впитавший в себя демократические идеалы просветительства, он находился в тисках этого противоречия, стремясь воздействовать «изнутри» на аппарат и одновременно взывая к народу. В этом состоит утопизм Ч. Ч. Валиханова и глубина его личной трагедии.

Практические реформаторские планы Чокана Валиханова оказались иллюзорными. Но зато вклад его в общественное развитие как личности, своеобразно развившей идеи русского просветительства применительно

к истории и культуре казахского народа, оказался настолько плодотворным, что имеет непреходящее значение. Это и его собственный вклад в духовное наследие народа,

Ч. Ч. Валиханов как исследователь открыл совершенно новый пласт исторического бытия казахского народа, который позволил прояснить некоторые коренные вопросы его этногенеза. Это пласт связан с введениями в оборот исторического исследования мифов, преданий, эпоса, всего того богатства сведений, традиций, ценностей, которые отложились в памяти народа, в фольклоре, в устном народном творчестве.

Глубокие методологические прозрения Ч. Ч. Валиханова сказались на его исторических трудах, на многих выводах, положениях и гипотезах. Подчеркивание им роли генеалогических преданий для понимания этногенеза, роли памятников народной словесности для этнографии и исторической науки, типологического сходства в эпосе и легендах различных народов — во всем этом Ч. Ч. Валиханов опередил свое время. На некоторые из этих методологических подходов как исключительно новые претендуют современные структуралисты.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Г. А. АШУРОВ,

член-корреспондент АН Таджикской ССР (Душанбе)

В социалистическом Казахстане, достигшем высокого уровня социально-экономического и культурного прогресса, воплощены в жизнь те идеалы, о которых мечтал Чокан Валиханов. Правда, его программа социального прогресса была более скромной. Не надо забывать, что он был просветителем и исходил из той реальной исторической действительности, в которой ему приходилось жить и работать.

С его именем связано возникновение просветительства в истории общественной мысли казахского народа.

Уже одного этого достаточно, чтобы занять достойное место в истории духовной культуры своего народа. Но историческая заслуга Валиханова перед своим народом этим не ограничивается. Значение его деятельности намного шире.

Становление и развитие просветительства в общественной мысли народов Средней Азии и Казахстана имело прогрессивное значение. При всей своей исторической ограниченности оно служило идейным оружием за освобождение умов от феодально-клерикальной идеологии.

Просветительство прежде всего означало поворот в общественной мысли. Именно от этого поворота, через ряд сложных, противоречивых ступеней развития начинается движение общественной мысли народов Средней Азии и Казахстана к статусу научной теории, к марксизму-ленинизму. Нам предстоит еще многое сделать, чтобы выявить этот сложный, но плодотворный путь развития — от просветительства к марксизму-ленинизму.

Библиография о наших просветителях, в том числе о Валиханове, весьма обширна. Однако наличие большого количества работ не является еще доказательством того, что обществоведы Средней Азии и Казахстана создали цельную, обобщающую картину развития общественной мысли этого периода, и что в этих работах они достаточно глубоко познали сложный диалектический характер самой общественной мысли во всех ее соотношениях с общественным бытием эпохи.

Общественную мысль каждого народа необходимо воспроизводить в ее целостности, в ее внутренней логике и динамике. Выявление только рациональных зерен в творчестве того или иного мыслителя обедняет не только идеи рассматриваемого мыслителя, но и общественную мысль эпохи в целом. И вследствие такого подхода творчество разных мыслителей представляется похожим, теряет специфические черты.

Проведенные ранее философами, историками, литературоведами исследования, несомненно, сыграли важную роль в деле ознакомления научной общественности страны с проблематикой истории философии и общественной мысли наших народов рассматриваемого периода. Подчеркивая познавательное значение проведенных исследований, необходимо все же указать на то важное обстоятельство, что не все представители общественной

мысли второй половины XIX — начала XX в. изучались последовательно и на должном теоретическом уровне. То есть в истории общественной мысли столь важного и близкого к нам по времени периода — периода предистории марксизма-ленинизма в Средней Азии и Казахстане — имеются «белые пятна».

Неисследованность и нерешенность многих вопросов послужили поводом для буржуазных социологов выступить с различного рода спекулятивными измышлениями о предистории марксизма-ленинизма и его становлении в общественной мысли народов Средней Азии и Казахстана. Совершенно ненаучными являются разного рода попытки буржуазных социологов прошлого и современных советологов рассматривать предисторию марксизма-ленинизма и его утверждение в социально-философской мысли наших народов как явление случайное, извне привнесенное, а потому не отвечающее историческим условиям края и национальным особенностям этих народов.

В. И. Ленин писал: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы»¹. Как видим, в этом ленинском положении большое значение придается исследованию общеметодологических проблем истории философии и общественной мысли.

Думается, что в свете этого ленинского положения вопросы истории социально-философской мысли Средней Азии и Казахстана, в том числе и творчество отдельных просветителей, не могут быть научно осмыслены и до конца верно поняты без анализа методологических и теоретических проблем исторического процесса, на фоне которого протекали жизнь и творчество того или иного просветителя или развитие общественной мысли в целом.

На наш взгляд, весьма актуальными, но, к сожалению, недостаточно или совсем не разработанными вопросами истории общественной мысли народов Средней Азии и Казахстана рассматриваемого периода являются условно сгруппированные нами три круга проблем.

Первый круг проблем связан с методологическими и теоретическими вопросами истории социально-философ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 368.

ской мысли Средней Азии и Казахстана периода от второй половины XIX в. до Октябрьской революции. К таким вопросам относятся: взаимосвязь истории философии с историей литературы и другими составными частями общественной мысли, в частности, с религией как формой общественного сознания; соотношение национального и интернационального, особенного и общего в истории философии и общественной мысли; проблема ее периодизации, вопросы источниковедения и историографии, принцип историзма в истории общественной мысли и другие.

Второй круг проблем связан с историческими особенностями становления и развития просветительства в общественной мысли данного региона. Здесь весьма важным является выяснение проблематики собственно социальной философии просветительства, того, как в просветительстве нашли свое отражение и выразились те вопросы, которые волновали передовые умы того времени.

На наш взгляд, центральным, главным вопросом, стоявшим тогда перед общественной мыслью, на который она должна была дать ответ, являлась проблема социального прогресса общества и пути его развития. Это был кардинальный вопрос того времени. Необходимо рассмотреть, как в социальной философии просветительства нашли отражение вопросы об уровне развития общественных отношений, формах собственности, социальной структуре общества, классах и классовой дифференциации общества, социальном неравенстве и путях его ликвидации, государстве и формах государственного управления, феодальной раздробленности и междоусобицах, семье и обществе, обществе и личности, а также вопросы обучения и воспитания, педагогики в концепции просветителей и другие.

Третий круг проблем связан с предисторией марксизма-ленинизма в общественной мысли Средней Азии и Казахстана.

Не вызывает сомнения необходимость обстоятельного исследования общих закономерностей и специфических особенностей становления и развития марксистско-ленинской социально-философской мысли в этом обширном регионе нашей страны. Однако для того, чтобы во всей полноте выявить эти особенности, крайне важен всесторонний анализ предистории этого сложного и

вместе с тем плодотворного процесса в истории духовной жизни наших народов.

При анализе предистории марксизма-ленинизма возникает целый ряд теоретических вопросов, без решения которых трудно в должной мере рассмотреть и сам процесс становления марксистско-ленинской мысли. К таким вопросам относятся: отношение марксизма-ленинизма к предшествующей социальной мысли, в частности к просветительству и его проблематике; возникновение и становление национально-освободительного движения, с одной стороны, и социал-демократического движения — с другой, соединение и союз этих двух потоков освободительного движения и их значение в распространении и восприятии идей марксизма-ленинизма; движение социально-философской мысли наших народов к статусу научной теории, т. е. к марксизму-ленинизму и др.

Разумеется, вся проблематика истории социально-философской мысли рассматриваемого периода не исчерпывается только этими вопросами. Однако без должного теоретического выяснения их говорить о дальнейшем, плодотворном исследовании предистории марксизма-ленинизма в Средней Азии и Казахстане не приходится.

Подлинно марксистское изучение истории общественной мысли эпохи предполагает исследование объекта в его целостности, в связи с социально-экономическими условиями, что является неперменным условием материалистического понимания истории. Г. В. Плеханов в очерке «Маркс» писал: «В философии истории, как и повсюду, диалектический материализм существенно монистичен. Для него не существует в истории различных областей, отделенных друг от друга и соответственно принадлежащих «материи», «духу», «разуму», «экономике». Вся совокупность общественных отношений проявляется в умственном состоянии людей, умственное состояние людей влияет на всю совокупность общественных отношений»². Именно такой целостный подход позволяет избежать односторонности и схематизма. Прежде всего, это означает необходимость глубокого исследования различных течений общественной мысли, как прогрессивных, так и консервативных и даже реакционных,

² Плеханов Г. В. Философско-литературное наследие/М.: Наука, 1974. Т. 3. С. 49.

изучение процесса формирования мировоззрения просветителей, общественных деятелей во всей их сложности и противоречивости.

В. И. Ленин писал: «История обыкновенно идет зигзагообразным путем, и что марксист должен уметь считаться с самыми запутанными и причудливыми зигзагами истории, это бесспорно»³. Эти слова подтверждают, что в истории происходят сложные и противоречивые процессы, которые представлять себе идущими «гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»⁴.

Движение общественной мысли не есть прямолинейное движение. Представление общественной мысли, ее внутреннего механизма развития без учета диалектического характера этого процесса будет односторонним и бедным подходом. Такой «обедненный», «облегченный» подход не дает возможности в полной мере понять, осмыслить, каким образом происходило развитие самой общественной мысли.

Общественная мысль каждого народа неразрывно связана с его историей, духовными традициями и в то же время отражает и выражает тот уровень общественного развития, который достигнут данным народом в данное время. Каждый элемент общественной мысли — история, философия, религия, мораль, право, искусство, литература и другие — по своему теоретическому потенциалу играет различную роль, что зависит от социальных условий жизни народа, страны, эпохи. Достигнутый уровень социально-экономического, политического развития общества определяет степень научной зрелости, соотношение и взаимодействие различных компонентов общественной мысли.

Как неоднократно подчеркивали К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, в общественной мысли феодализма большую мировоззренческую нагрузку несет такой ее компонент, как религия. Например, в Бухарском эмирате и Туркестане религия по отношению к другим компонентам общественной мысли занимала господствующее положение в идеологии общества. Это обстоятельство в значительной мере объясняет нам, почему мировоз-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 16. С. 8.

⁴ Там же. Т. 30. С. 6.

зрение всех просветителей не было еще последовательно атеистическим, хотя светский элемент в их мышлении занимал уже большое место. Это четко просматривается не только в постановке ими проблем общественного развития, но и в характере их решений. Чтобы доказать необходимость просвещения, реформ, способствующих общественному прогрессу, просветители наряду с произведениями мыслителей прошлого ссылались на современный им исторический опыт более развитых народов, в том числе и России. Отсюда существенное значение приобретает исследование вопросов, имеющих мировоззренческое значение, например, о том, какое место занимал антиклерикализм в мировоззрении просветителей, каково было их отношение к религии, как это конкретно отражалось в их сочинениях, понимали ли они место и роль религии в структуре и содержании общественной мысли своей эпохи и т. д. Обстоятельного ответа на эти вопросы мы еще не дали. Вот почему проблема становления и развития мировоззрения просветителей как научная задача все еще не снята с повестки дня.

Просветители хорошо знали среду духовенства, его социальную психологию. В своих произведениях они начали критиковать те общественные слои, выходцами из которых они сами были. Это обстоятельство следует рассматривать как знаменательное явление в общественной мысли наших народов. Хотя эта критика была еще не всегда последовательной, только зарождающейся, тем не менее она представляла собой шаг вперед в развитии общественной мысли Средней Азии и Казахстана.

В тогдашних условиях критика религии была первым необходимым шагом для последующего становления и развития свободомыслия. К. Маркс писал: «Критика религии есть, следовательно, *в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия*»⁵. Именно в зародыше критика религии «есть косвенно борьба против *того мира*, духовной услугой которого является религия»⁶. В этом смысле критика нашими просветителями духовенства была прогрессивной и общественно значимой.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1, С. 415.

⁶ Там же. С. 414—415.

Отсталые социально-экономические и политические условия региона не позволили просветителям выйти за рамки тех исторических условий, порождением которых они были. Этим объясняется абстрактно-просветительский и идеалистический подход к вопросам общественного развития.

Только теперь, с позиций марксизма-ленинизма, с высоты социалистического общества нам совершенно очевидны противоречивость, сложность, непоследовательность социальной философии просветительства. Однако не следует забывать, что просветительство при всей своей исторической ограниченности служило идейным оружием освобождения умов от косности, архаичности традиций феодально-деспотических режимов.

Марксизм как качественно новая теория и методология решения проблем общественного развития означал также отмежевание от незрелых социально-философских теорий. Только на марксистском этапе преодолевается разрыв между теорией и практикой революционного и освободительного движения, становится возможным научное решение тех социально-философских проблем, которые ставит просветительно-демократическая мысль, но на которые она не в состоянии дать научный ответ.

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОСТЬ ПРОГРЕССИВНЫХ ИДЕЙ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО ВО ВЗГЛЯДАХ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

*М. С. БУРАБАЕВ,
доктор философских (Алма-Ата)*

На общественно-политической арене Ч. Ч. Валиханов появился в то время, когда усилился процесс дальнейшего сближения Казахстана с Россией и вследствие этого достигли крайней остроты противоречия между сторонниками и противниками перехода казахов в русское подданство. Поэтому на формирование его мировоззрения оказали огромное влияние прежде всего внутренние исторические условия Казахстана и России.

Теоретически источниками формирования взглядов

Валиханова как просветителя XIX в. были: во-первых, лучшие народные культурные традиции, воспринятые им из казахского устно-поэтического творчества и письменных памятников прошлого; во-вторых, классические образцы произведений древних и средневековых мыслителей Востока; в-третьих, русская материалистическая философия и демократическая культура, а через нее — достижения мировой (прежде всего западноевропейской) философской мысли. Отметим, что для той эпохи обращение к наследию великих русских революционных демократов было фактом огромного значения, по сути явилось залогом будущего расцвета казахской общественно-философской мысли.

В числе друзей и учителей Валиханова во время обучения в Омском кадетском корпусе были последователи В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского, представители демократической русской интеллигенции. Валиханов находился в тесных дружеских связях с петрашевцами — С. Ф. Дуровым и Ф. М. Достоевским, которые разделяли многие идеи русских революционных демократов.

Окончательно завершился процесс формирования научного мировоззрения Валиханова в Петербурге, куда он приехал осенью 1859 г. после успешного путешествия в Кашгарию. Уделяя главное внимание своим научным занятиям, он в то же время с большим интересом наблюдал и за общественно-политической жизнью столицы России, слушал лекции в университете, общался со многими сотрудниками «Современника» Чернышевского и «Колокола» Герцена. Годы, проведенные Валихановым в Петербурге (1859—1861), были весьма плодотворными для его духовного развития¹.

Важно и существенно то, что Валиханов глубоко изучил труды Чернышевского, разделял его демократические взгляды, стал последователем его просветительских идей. Духовная общность этих людей прослеживается при сопоставлении, в частности, их трудов. Убедительны статьи самого Валиханова, написанные им после возвращения из Петербурга в родную степь. Знание такой работы Чернышевского, как «Антропологический принцип в философии» и других, ясно обнаруживается в работе «Записка о судебной реформе». Например, Валиханов приводит мысль Джона Стюарта

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 81.

Миля не так, как это изложено у английского ученого, а так, как это перефразировано русским революционным демократом. Чернышевский пишет: «Миль издал брошюру и напечатал письмо, в которых объяснял, что прежде, нежели давать права людям какого-либо сословия, надобно сделать точные ученые исследования об умственных, нравственных и политических качествах людей этого сословия»², у Валиханова сказано: «Джон Стюарт Миль совершенно прав, говоря, что прежде, нежели давать новые права людям какого-либо сословия, необходимо прежде сделать точные ученые исследования об умственных, нравственных и политических качествах людей этого сословия»³.

Валиханов так же, как и Чернышевский, защищает интересы (права) «простого народа» (большинства) по отношению к «знатым» (меньшинству). Казахский ученый открыто заявляет, что государству «нужен народ, а не султаны, ибо математически 100 вернее, полезнее, чем 10»⁴. Он считает недопустимым, даже реакционным тот факт, когда царская администрация при составлении различных законоположений за народное мнение принимает только желания местных эксплуататоров, которые «не заслуживают уважения, ибо интересы целой нации по строгой справедливости должны предпочитаться выгодам отдельного сословия»⁵. Это его высказывание идентично положению Чернышевского, утверждавшего, что «общечеловеческий интерес стоит выше выгод отдельной нации, общий интерес целой нации стоит выше выгод отдельного сословия, интерес многочисленного сословия выше выгод малочисленного»⁶.

Вот еще один пример, свидетельствующий о духовном родстве и созвучии идей двух ученых. В «Антропологическом принципе...» Чернышевский утверждает: «...столь же часты случаи, в которых выгоды какого-нибудь отдельного сословия противоположны национальному интересу»⁷. С этой мыслью русского революцион-

² Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения. М., 1951. Т. 3. С. 172.

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 78.

⁴ Там же. Т. 5. С. 169.

⁵ Там же. Т. 4. С. 80.

⁶ Чернышевский Н. Г. Собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 244.

⁷ Там же. С. 243.

ного демократа почти дословно совпадает идея Валиханова о том, что «...интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных бывают большей частью враждебны интересам массы, большинства»⁸. Таких примеров можно привести множество.

Едва ли можно считать случайными эти и подобные им совпадения идей Валиханова и Чернышевского. Совсем наоборот: они явились результатом духовной близости казахского ученого и русских революционных демократов. Свидетельством этому служит не только тот интерес, который Валиханов почти всегда проявлял к русской прогрессивной интеллигенции, к ее общественно-политической борьбе и творчеству, но и сам характер и направление всей его многогранной деятельности. Помимо работ Н. Г. Чернышевского, казахский ученый хорошо знал и произведения других русских революционных демократов. В статье «Следы шаманства у киргизов» анализ причин происхождения шаманской религии не только по содержанию, но и по форме изложения весьма созвучен с объяснением причин происхождения религии Н. А. Добролюбовым в его статье «О степени участия народности в развитии русской литературы».

Валиханов глубоко постиг основу взглядов Н. Г. Чернышевского, который стоял «на уровне цельного философского материализма»⁹ и был непримиримым противником идеализма и религии. Именно Чернышевский «...великий социалист домарковского периода»¹⁰ был главным идейным вдохновителем Валиханова, в своих воззрениях придерживавшегося материализма, атеизма и демократизма. По трудам Чернышевского, содержащим критический анализ, казахский ученый ознакомился с философскими концепциями Западной Европы от Демокрита до Фейербаха.

Валиханов не разделял платформы либералов, осуждал их. И хотя, по словам Г. Н. Потанина, Валиханов «имел нежное сердце и острый ум, способен был на великодушные, самоотверженные поступки, но к идейным врагам своим относился с непримиримой враждой»¹¹. Он, например, глубоко переживал внутреннюю противоречивость творчества и мировоззрения своего друга

⁸ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 78.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 384.

¹⁰ Там же. Т. 41. С. 55.

¹¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 92—93.

Ф. М. Достоевского и отход его от демократических идей.

Понимая идейные колебания, эклектическую позицию Достоевского, увлекавшегося то славянофильством, то западничеством, он писал: «По-моему что-нибудь да одно: или преобразования коренные по западному образцу, или держись старого, даже старую веру надо исповедовать. Китайская середина не идет теперь к делу»¹². Казахский ученый весьма отрицательно отнесся к социально-политическому направлению и религиозно-идеалистической позиции журналов «Время» (1861—1864) и «Эпоха» (1864), издаваемых Достоевским, которые развернули идейную борьбу против «Современника». Являясь постоянным читателем этого легального органа российской революционной демократии, возглавляемого Чернышевским, Валиханов был глубоко огорчен запрещением его издания в 1862 г.¹³

В борьбе против реакционного религиозного мировоззрения Валиханов вслед за русскими революционными демократами обосновал передовые, материалистические взгляды на природу. Немаловажную роль в формировании его атеистических убеждений сыграли те основательные знания им различных отраслей науки, в том числе и естествознания, которые он сумел приобрести в результате своей исследовательской работы. Он был непримиримым противником религиозной идеологии и фанатизма. Отбросив религию как ложное мировоззрение, Валиханов противопоставил ей материалистическое понимание природы и человека. Подвергая критике отсталые, средневековые формы общественного уклада жизни, он развернул решительную борьбу и против идеологии этого уклада — реакционной религии ислама и его проповедников — мусульманского духовенства, которое предало «проклятию всякое знание, кроме религиозного»¹⁴. Он понимал, что священнослужители, распространяя в обществе антинаучные взгляды, помогают угнетателям держать народ в невежестве и тем самым ставят преграды на пути общественного развития. Ученый подверг беспощадной критике религию и ее служителей. В своих трудах он писал «о вреде мусульманского изуверства и вообще всякого религиозного фанатизма на

¹² Там же. Т. 5. С. 154.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Т. 3. С. 326.

социальное развитие народов... Известно,— неоднократно подчеркивал он,— что и в Европе преобладание теологического духа проявлялось в народном развитии самым бедственным образом»¹⁵.

Валиханов считал, что религия сеет фанатизм, невежество и «до идиотизма» засоряет сознание народных масс. В качестве типичного примера он брал Среднюю Азию, где в течение длительного времени господствовал мусульманский религиозный фанатизм. Показывая глубокую враждебность религии науке, знаниям и культуре, ученый отмечал, что в Средней Азии, где раньше, до проникновения ислама, получили развитие науки, культура и искусство, теперь всюду царит «разрушение, невежество и безграничный произвол»¹⁶. Особенно беспощадно разоблачал Валиханов тот вред, который наносил ислам укреплению дружбы между народами, делу приобщения национальных окраин России к передовой русской культуре, их социальному и экономическому развитию. Он считал, что царизм допускает грубую ошибку, оказывая покровительство исламу.

Валиханов, смело преодолев вековые традиции патриархально-феодальных отношений, смог вырваться и выделиться из средневековой отсталости и из окружения своих аристократических сородичей. Основной задачей своей жизни Валиханов считал служение народу, защиту его интересов от произвола царских чиновников и местных богачей, содействие его духовному и культурному возрождению.

Выдающаяся заслуга Валиханова в том, что он смог отделить Россию Чернышевского, Герцена от России Романовых, и поэтому не случаен тот факт, что он стал искать истину не в «царских предписаниях для инородцев», а в творчестве русских революционных демократов. Ученый глубоко осознал необходимость изменения существующих порядков, политического устройства в Казахстане и в целом в России. Он искал пути обновления общественного строя, и это привело его в лагерь прогрессивных русских мыслителей.

Чокан Валиханов мечтал о «высокопросвещенном обществе», свободном от имущественного неравенства его членов и от угнетения человека человеком, с подлин-

¹⁵ Там же. Т. 4. С. 72—73.

¹⁶ Там же. Т. 3. С. 326.

но демократическим политическим строем. Он сознавал, что общественный прогресс связан с «улучшением материального благосостояния» человека и человечества. С его точки зрения, решающее, главное в общественном прогрессе состоит не только в просвещении народа, но и в развитии экономики и социальной жизни. Но он не мог знать, что сами политические формы и другие части надстройки общества находятся в необходимой зависимости от его экономического развития. Он также не смог связать существование классов с экономическими отношениями общества. Он полагал, что не собственность определяет политическое господство имущих сословий, а, наоборот, их политическое господство дает в их руки собственность. Но это не может умалить заслуги Валиханова в его борьбе с косностью, религиозным фанатизмом. Историческое значение имеет и его глубокое убеждение в том, что общественный и культурный прогресс казахского народа возможен только при содружестве с русским народом.

Валиханов ясно различал низшие и высшие ступени общественного развития, постоянно находился в поисках наилучшего пути экономического и культурного развития для народа. В «Записке о судебной реформе» он настойчиво подчеркивал, что «каждый человек отдельно и все человечество коллективно стремится в развитии своем к одной конечной цели — к улучшению своего материального благосостояния; и в этом заключается так называемый прогресс»¹⁷. В духовной жизни казахского общества того времени это была важная социальная идея.

Как видно из анализа творческого наследия Валиханова, он всецело находился под влиянием идеи крестьянского социализма русских революционных демократов. Когда он говорил о взаимосвязи «низших и высших ступеней развития» казахской общины, методологической и теоретической основой его рассуждений были положения, выдвинутые Чернышевским о том, что высшая ступень развития по форме сходна с его началом, — это мы видим во всех сферах жизни — и что «под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление у других народов может развиваться очень

¹⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 78.

быстро, подниматься с низшей ступени прямо на высшую, минуя средние логические моменты»¹⁸.

По мнению современников Валиханова, он сохранил глубокую преданность своей родине, горячо любил казахский народ, но «вместе с тем умел высоко ценить западную цивилизацию и предвидел для своего народа отрадную будущность только» вместе с Россией. «Он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми ее желал горячо ее обновления»¹⁹.

Научное наследие Чокана Валиханова по своей значимости выходило за рамки национального достояния. Само собой разумеется, что такая постановка проблемы не может оторвать Валиханова от национальной почвы. Его мировоззрение отражало специфические условия Казахстана, но это не мешало ему быть приверженцем передовой общественно-философской мысли России, выраженной революционными демократами. «Можно с полным основанием сказать,— пишет академик П. Н. Федосеев,— что Чокан Валиханов является сыном двух народов, носителем двух побратавшихся культур — русской и казахской»²⁰.

Ч. Ч. Валиханов был основоположником прогрессивного направления общественно-политической и философской мысли казахского народа, которое сложилось после добровольного присоединения Казахстана к России. Весьма ценно и то, что основные идеи, мысли, благородные мечты Чокана Валиханова и его единомышленников — Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева — сыграли неоценимую роль не только в формировании просветительской идеологии, но и в дальнейшем развитии общественно-философской мысли в Казахстане.

¹⁸ Чернышевский Н. Г. Собр. соч. Т. 5. С. 364, 380.

¹⁹ Пытин А. Н. О Чокане Чингисовиче Валиханове//Цит. по: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 84.

²⁰ Федосеев П. Н. Поборник прогресса и дружбы народов // Казахстанская правда, 1985, 20 сен.

ВКЛАД ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА В ДОМАРКСОВСКИЙ АТЕИЗМ И ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

О. С. СЕГИЗБАЕВ,

доктор философских наук (Алма-Ата)

В научно-теоретическом наследии Ч. Ч. Валиханова большое место занимает философско-мировоззренческая проблематика, которая нашла отражение в таких его произведениях, как «Следы шаманства у киргизов», «Записка о судебной реформе», «О мусульманстве в степи», «О формах казахской народной поэзии», «Очерки Джунгарии» и др. В них мы находим положения, в которых отчетливо видно понимание Валихановым отношения сознания к материи, природе, соотношения души и тела человека, сущности природного и человеческого бытия, закономерного характера развития природы и общества и т. д.

Глубокому критическому анализу подверг он религиозное мировоззрение и идеологию, показал полную несостоятельность и реакционную сущность всех мировых форм религии — христианства, буддизма и особенно ислама. Валиханов развернул бескомпромиссную борьбу против духовенства и церкви и одним из первых среди прогрессивных мыслителей Востока сумел встать на позиции воинствующего антиклерикализма.

Основополагающие принципы своего философского материализма, антиклерикализма и атеизма он выработал на базе всестороннего и глубокого изучения передовой идеологии русских революционных демократов и прежде всего антропологического принципа Чернышевского. Вместе с тем казахский просветитель обогатил прогрессивную философскую мысль своей эпохи новыми идеями, явившимися итогом его вдумчивого осмысления того жизненного материала, который давало тогда казахское общество.

Все особенности философских и социологических взглядов Валиханова были обусловлены его борьбой за национальное и социальное освобождение трудящейся бедноты Казахстана, против мусульманского религиозного мистицизма и национального фанатизма, за укрепление дружбы между казахским и русским народами.

К философскому материализму он шел путем крити-

ческого преодоления религии вообще и ислама в частности. Анализ содержания его работ, посвященных исследованию различных верований, позволяет заключить, что религия для него — это ложное миропонимание, основанное на наивных заблуждениях древних, плод невежества и забитости массы общества. Она не только далека от науки, но и прямо противоположна ей. Действительный, реальный, чувственно воспринимаемый мир человека она превращает в несуществующий, фантастический, идеальный мир божества. В религии логика подменена казуистикой, аргумент — угрозой божественного наказания. Она держится на страхе и поддерживает страх. В религии нет ни одной «реальной мысли». Напротив, она сплошь — иррациональна. Чем сильнее стремление богословов влиять на ум и сердце человека, тем абсурднее выдумываемые ими религиозные догматы. Религия, настойчиво доказывает просветитель, служит духовным оплотом угнетения бедноты. Она забивает головы людей «фанатичным сумбуром», отвлекает их от реальных, земных дел, мешает народу бороться за свои насущные нужды и интересы, препятствует развитию науки, распространению просвещения и европейской культуры. Тем самым она всюду задерживает общественный прогресс.

Опровергая религию как несостоятельное мировоззрение, Валиханов противопоставляет ей философский материализм. Основные черты материализма казахского просветителя были предопределены уровнем развития естествознания второй половины XIX в., влиянием на него передовой философии и просветительских идей русской революционной демократии. В своих философских взглядах Валиханов исходил из безусловного признания первичности материи, природы и вторичности сознания, духа, материя рассматривалась им как извечная основа «бесконечной, вечной и разнообразной природы или Вселенной», тогда как сознание, «внутренний мир» человека есть идеальное отражение в его голове внешнего, видимого, предметного мира.

Валиханов в своих взглядах на мир разделял основную идею антропологического материализма о единстве природы и человека («человек дитя природы») и неразрывности тела и духа человека. Правда, его антропологический материализм имел своеобразную просветительскую окраску: человек, по его мнению, не только продукт природы, но и результат развития знания,

просвещения. Чокан не смог преодолеть ограниченности антропологического принципа, по которому влияние знания на развитие человека признавалось столь сильным, что ему приписывалась даже способность изменять человеческий организм. В какой-то мере Валиханов догадывался, что человек не только продукт природы и не исключительно биологическое существо. Но он не смог подняться до материалистического понимания того, что человек есть существо социальное и что его сущность кроется отнюдь не в его биологической природе, а в совокупности общественных отношений. Социальную сущность человека Валиханов склонен был сводить к степени его приобщения к знаниям, к просвещению.

Таким образом, он пытался разрешить затруднения антропологического материализма не путем движения вперед — в сторону исторического материализма, а путем движения назад — в сторону просветительского идеализма.

СВЯЗИ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА С РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИЕЙ

*С. Ф. УДАРЦЕВ,
кандидат юридических наук (Алма-Ата)*

Большое значение для развития общественно-политических взглядов Ч. Ч. Валиханова и его друзей имел авторитет А. И. Герцена в России. Некоторые друзья и знакомые Валиханова (Я. П. Полонский, В. С. и Н. С. Курочкины и др.) встречались за границей с Герценом, друзья Валиханова из Сибирского землячества в Петербурге собирали сведения для «Колокола» и распространяли его (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Н. С. Щукин и др.). Издания Герцена получал и генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорт, адъютантом при котором в Омске служил Валиханов. Позже, в 1862—1863 гг., в омском кружке Г. Н. Потанина читались и обсуждались статьи из «Колокола». С. З. Зиманов и А. А. Атишев высказали предположение, что Валиханов и Потанин были авторами статьи «К характеристике Сибири»,

опубликованной в № 72 за 1880 г. «Колокола». Детальное выяснение этого вопроса имеет существенное значение. В связи с возможной поездкой Валиханова в Париж в конце 1860 г. представляет интерес находка венгерского исследователя М. Куна: запись в дневнике венгерского эмигранта Д. Танарки о посещении Герцена людьми из России, имена которых тот не сообщил, видимо, по конспиративным соображениям (декабрь 1860 г.).

А. И. Герцен в «Былом и думах» вспоминал, что в 1862 г., после побега из Сибирской ссылки, М. А. Бакунин писал из Лондона письма в различные города, в том числе и в Семипалатинск. Адресатом их могли быть друзья, знакомые Валиханова из кружка «Сибирские патриоты», имевшего в Семипалатинске свое отделение. Связи Валиханова с Бакуниным исследованы еще не полностью. Известно, что Валиханов присутствовал в 1857 г. при беседе генерал-губернатора Г. Х. Гасфорта с доставленным в Омск ссыльным Бакуниным. По распоряжению Гасфорта Бакунин должен был поселиться в Кийском округе Томской губернии, но по состоянию здоровья был оставлен в Томске. Бакунин просил мать пересылать ему «деньги и все другое» на имя генерал-губернатора Гасфорта. Валиханов как его адъютант был, видимо, в курсе всех этих дел. Заслуживает внимания точка зрения С. З. Зиманова и А. А. Атишева о том, что Валиханов по поручению Гасфорта сопровождал Бакунина по дороге к месту ссылки от Омска до Барнаула. В Томске с Бакуниным подружился ближайший друг Валиханова Потанин, которого в 1859 г. Бакунин снабдил рекомендательными письмами к М. Н. Каткову в Москву и к своим кузинам Е. М. и П. М. Бакуниным в Петербург (они познакомили Потанина с проф. К. Д. Кавелиным).

Об отношениях своего друга с Бакуниным не мог не знать Валиханов, сам знакомивший еще раньше Потанина с другим ссыльным — С. Ф. Дуровым и остававшийся для друга в 1850 гг. еще «окном в Европу». Ряд знакомых Валиханова были одновременно и знакомыми Бакунина, в их числе и молодой генерал и дипломат Н. П. Игнатьев. В письме из ссылки к А. И. Герцену от 8 декабря 1860 г. Бакунин предлагал пересылать через Игнатьева письма из Лондона в Иркутск.

Определенную роль в формировании взглядов Валиханова играли и его связи с передовыми офицерами,

служившими при соседнем генерал-губернаторстве Восточной Сибири в Иркутске. Там среди офицеров ценились люди либерального образа мысли, а в ссылке находились видные деятели революционного движения. По воспоминаниям П. А. Кропоткина, служившего в Восточной Сибири с 1862 г., у начальника штаба тридцатипятилетнего генерала Б. К. Кукеля имелась полная коллекция герценовских изданий. Валиханов был хорошо знаком со старшим адъютантом генерал-губернатора Восточной Сибири М. И. Венюковым, который позже был нелегальным корреспондентом «Колокола», помогал Э. Реклю материалами о России при подготовке его универсальной географии, в работе над которой участвовали также П. А. Кропоткин и Л. И. Мечников.

Дополняет представление о связях Валиханова с русской революционной демократией (в том числе и эмиграцией) еще одно его знакомство, остававшееся до сих пор в тени. Известно, что в письме от 6 июля 1860 г. отец Валиханова передавал сыну поклон от «адъютанта Соколова». А. Х. Маргулан в примечании к тексту этого письма при его публикации¹ уточнил: «адъютант Соколов» — это «инженер-полковник Соколов». Затем в собрании сочинений² уточнял примечание о Соколове по сравнению с публикацией в журнале, хотя примечания о других упомянутых в том же письме лицах оставались без изменений. Однако «адъютант Соколов» так и не был найден. По нашему мнению, речь идет о сослуживце Венюкова, близком знакомом Бакунина, в определенной мере даже его единомышленнике — Николае Васильевиче Соколове, старшем адъютанте генерального штаба войск Восточной Сибири. Летом и осенью 1860 г. Н. В. Соколов совершил поездку за границу. Видимо, перед отъездом за границу летом 1860 г., проезжая через Омск, Соколов виделся с отцом Валиханова и передал через него поклон своему коллеге, находившемуся уже в Петербурге. Во время своей заграничной поездки 1860 г. Соколов многократно встречался с Герценом и Прудон (последнего ему рекомендовал Герцен), а возвращаясь в Петербург в конце сентября (по н. ст.), провез нелегальную литературу. Не имела ли эта поездка Соколова за границу, его возвращение, связи с намерением

¹ Простор, 1960, № 9.

² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1962. Т. 1. С. 686.

Валиханова вскоре отправиться за границу? Позже, в 1863 г. Соколов вышел в отставку, сотрудничал в журнале «Русское слово». В 1865 г., будучи за границей, произносил речь на похоронах Прудона. С 1872 г. он — эмигрант, примыкал к бакунистам, навещал за границей Бакунина.

В целом, деятельность революционно-демократической эмиграции второй половины 1850-х — начале 1860 гг. и лиц, связанных с ней, — важный элемент политической, идеологической среды, в которой формировались общественно-политические взгляды Валиханова и многих его друзей.

ИДЕЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА В НАСЛЕДИИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

*Ж. М. АБДИЛЬДИН,
академик АН Казахской ССР,*

*М. С. ОРЫНБЕКОВ,
кандидат философских наук*

Труды первого казахского ученого, выдающегося просветителя и демократа Ч. Ч. Валиханова представляют собой богатейший источник для изучения истории культуры и общественной мысли Казахстана.

В системе общественно-политических и философских взглядов Ч. Ч. Валиханова ведущую роль играла идея общественного прогресса, которую он проводил во всех своих работах, будь то исследование «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», обзор «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 годах», либо «Записка о судебной реформе». Будучи одним из животрепещущих вопросов жизни казахского народа, вопрос о путях общественного прогресса Казахстана стал сердцевиной общественно-политических воззрений ученого. Политическая ситуация второй половины XIX в. в Казахстане выражена Ч. Валихановым так: «В настоящее время, можно сказать, происходит неза-

метная, но сильная борьба старины с новизной: мусульманской, подражающей востоку, и русской»¹.

Ч. Ч. Валиханов был философом-просветителем, а Просвещение, как известно, являлось политической идеологией, философией и культурой, зародившейся в недрах позднефеодальных отношений, в преддверии капиталистического способа производства. К ученому в полной мере могут быть отнесены слова В. И. Ленина о русском просветителе: он «одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям,— горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и всеобщее всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому»². Данная оценка идеологии просвещения в целом является основой методологического подхода при исследовании творческого наследия Ч. Валиханова.

Ч. Валиханов понимал, что только союз с русским народом, приобщение к русской культуре позволят казахскому народу достичь общественного прогресса в экономической, политической и культурной областях. Просветитель делал акцент на том, что «усвоение европейского, общечеловеческого просвещения и энергическая борьба с препятствиями, мешающими достижению этой цели, должны составлять конечную цель для всякого народа, способного к развитию и культуре»³. С гордостью упоминая о том, что «изо всех инородческих племен, входящих в состав Российской империи, первое место по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждам на развитие в будущем принадлежит нам — киргизам»⁴, Ч. Валиханов в то же время пишет о «безыскусственном периоде форм общественного сознания»

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 389.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 519.

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 496.

⁴ Там же. С. 497.

казахов, «отсутствии разумного самозащитения и всякого рода пассивности по причине неразвитости».

Он убежденно отстаивал идею дружбы народов и потому выступал против национальной ограниченности и косности, замыкания в узких рамках, к чему призывали идеологи казахской аристократии. В значительной степени это объяснялось влиянием декабристов и петрашевцев, находившихся в ссылке в казахских степях, а также русских революционеров-демократов, которые выступали за демократические преобразования, за просвещение широких народных масс.

Примечательна глубокая личная дружба Ч. Валиханова с Ф. М. Достоевским, Г. Н. Потаниным, К. К. Гутковским, М. М. Хоментовским, тесные связи с П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, Е. П. Ковалевским. Широко известно письмо Ф. Достоевского Ч. Валиханову: «Я так Вас люблю, что мечтаю о Вас и судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы первый из Вашего племени, достигший образования европейского»⁵.

Будучи патриотом, Ч. Валиханов постоянно стремился защищать права своего народа, верил в его историческое будущее и связывал его с просвещением. В. В. Бартольд писал, что «народ свой он любил — это бесспорно... Он говорил, что прежде всего любит свой киргизский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество»⁶.

Ч. Валиханов гневно протестовал против злоупотреблений русских колониальных властей, царской администрации в национальных окраинах. Особенно резко его гражданская позиция выявилась в оценке похода генерала Черняева в Кокандское ханство. Письма Ч. Валиханова и Г. Н. Потанина дали А. И. Герцену повод писать в «Колоколе» (Прибавочный лист к первому десятилетию. 1 августа 1867 г., с. 6): «Мы не станем здесь говорить о подвигах Сибирского воинства под начальством Черняева..., но мы позволим себе спросить почтенного покорителя, зачем штурмовал он Аулие-Ата, когда жители его сами изъявили готовность покориться? Неужели кровь лилась рекой для реляций?»⁷. Более развернуто

⁵ Цит. по: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 90.

⁶ Там же. С. 523.

⁷ Там же. С. 6.

эти мысли просветителя представлены в «Записке о судебной реформе».

Необходимо сразу же отметить, что «Записка о судебной реформе» выходит далеко за пределы сугубо правового произведения. В ней затронуты важные проблемы и специфика общественно-политической жизни казахского общества, пути и способы эволюции его в сторону общественного прогресса на переходном этапе от позднего феодализма к зарождавшимся капиталистическим отношениям. Поэтому данную работу Ч. Валиханова следует рассматривать как концентрированное выражение его общественно-политических взглядов.

Судебной реформе в Казахской степи предстояло стать важным начинанием царской администрации. Вплоть до этого времени в судопроизводстве казахов действовало так называемое «обычное» право, или суд биев, который отталкивался в своих действиях от спонтанно складывающихся обычаев и норм. Теперь предстояло перейти к законодательному и судебному, или прецедентному, праву. Ч. Валиханов обосновывает важность этого вопроса: «Посему нет вопроса общественно-го, который был бы так всемогуще важен, как вопрос о народных реформах»⁸. Он подчеркивает, что реформа на национальной окраине должна быть проведена с учетом специфики и уровня развития ее населения: «Нет сомнения, что все законодатели и реформаторы имели и имеют в виду общественную пользу, но понятия о том, что *полезно* и что вредно для общественного развития в разные века, были различные и теперь между нами ходит много диких гипотез, которые по рутине и по привычке к прошлым преданиям принимаются многими на веру как непреложные аксиомы, хотя науки ясно доказали их ошибочность и несостоятельность»⁹.

Ученый понимал первенствующее значение экономического базиса общества и вторичность, производность других аспектов общественной жизни: «В наше время самым важным и близким для народа считаются **реформы экономические и социальные**, прямо касающиеся насущных нужд народа, а реформы политические допускаются как средства для проведения нужных экономических форм, ибо каждый человек отдельно и все челове-

⁸ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 495.

⁹ Там же.

чество коллективно стремится в развитии своем к одной конечной цели — к улучшению своего материального благосостояния, и в этом заключается так называемый прогресс. С этой точки зрения полезны только те реформы, которые способствуют улучшению быта человека, и вредны те, которые почему-либо мешают достижению этой цели»¹⁰.

Ч. Ч. Валиханов утверждал, что общественный прогресс прежде всего заключается в повышении материального благосостояния народа, улучшении экономического положения людей. Подходя к данной проблеме с сугубо просветительских позиций, он писал: «Для нормального роста и развития народа необходимы прежде всего свобода и знание... Выходит, что прежде всего нужно учить»¹¹. В этом сказались и сила и слабость позиции ученого. Для казахского общества середины XIX в. этот призыв к просвещению имел огромное прогрессивное значение, поскольку он означал прежде всего осуществление светского образования, подрыв влияния ислама и его священнослужителей, узурпировавших дело образования народных масс. С другой стороны, объективной слабостью просветительства, как известно, была недооценка, недостаточное понимание решающей роли экономических отношений.

Обрисовывая тяжелое положение народных масс, Ч. Валиханов показывает причины того, почему простые каз... равнодушно отнеслись к проводимой судебной реформе. «Причины такого непонятного равнодушия киргиз в этом столь важном народном деле были: во-первых, невежество и непонимание своих интересов, во-вторых, то, что киргизы не были заранее приготовлены к пониманию того, что им читали и на что от них требовали скорого ответа; равнодушествовали киргизы и вследствие недоверия к русскому правительству»¹².

К этому надо добавить, что подавляющее большинство царских чиновников считали национальную окраину местом, где можно обогатиться, здесь процветали лихоимство и взяточничество, грабеж темного и забитого населения. Ч. Ч. Валиханов писал: «В каждом действии русского начальства киргизы видят одно только зло, посягательство на их свободу и льготы. И это очень по-

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГАЛИ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 179. Л. 73.

¹² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 501.

нятно, потому что киргизы о русском начальстве судят по действиям своих русских заседателей»¹³.

«Народные мнения» в основном представляли «волостные управители, старейшины, султаны, бии и богатые киргизы, т. е. ордынские чиновники или ордынцы, имеющие в виду быть чиновниками», а они не были заинтересованы в привлечении широких народных масс к управлению обществом и реконструкции суда биев. Понятно, что в этих условиях судебная реформа была осуществлена только в интересах казахской аристократии и феодалов. Ч. Валиханов говорит о коренной противоположности интересов народа и феодальной знати: «На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают, большей частью, враждебны интересам массы, большинства»¹⁴. Но и «мнение народа, особенно невежественного и полудикого, не всегда может быть принято как выражение действительной народной потребности»¹⁵, поэтому необходимы «большая осторожность и более глубокие соображения», чтобы действительно выразить нужды и чаяния простых людей.

Переходя к непосредственному анализу предстоящей судебной реформы, Ч. Валиханов сравнивает проектируемый правительством «мировой суд» и традиционный суд биев и приходит к важному выводу, что суд биев соответствует наличному состоянию казахского общества: «Если 40-летнее русское владычество, внесшее много совершенно новых элементов в общественную жизнь киргизского народа, не имело никакого влияния на древний киргизский суд биев, если суд этот мог устоять против неблагоприятных условий русского законодательства (например, закона 1854 года), ясно, что он вполне удовлетворяет настоящему развитию киргизского народа»¹⁶.

На основе изучения большого массива дел Ч. Валиханов приходит к убеждению, что недовольство судом биев высказывали только лица некоренного происхождения, сами же казахи обычно оставались довольны реше-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 495.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 507.

ниями судов биев: «Удовлетворительность суда биев самым блистательным образом доказывается официальными источниками, именно: незначительностью жалоб на первоначальное решение биев и почти совершенным отсутствием просьб от киргиз о производстве дел, подлежащих ведомству биев, по русским законам»¹⁷.

Ч. Валиханов приходит к выводу о регрессивности мирового суда по сравнению с судом биев, приводя доводы в пользу последнего, как-то: неформальность выбора биев, гласность делопроизводства, ведущегося на родном языке, публичность судебного процесса, наличие адвокатуры, так называемых «присяжных» и т. д. Учитывая все это, ученый не усматривает достаточных оснований для замены суда биев мировым судом, тем более, что, по его мнению, мировой суд отличается большим формализмом и бюрократизмом. «По нашему мнению, суд биев — и [это] не удивительно, если принять во внимание аналогию высшего развития с низшим, — имеет некоторые преимущества перед судом мировым, по крайней мере в отношении киргиз. Мы бы сказали — абсолютное превосходство, если б не боялись, что нас могут заподозрить в преувеличении»¹⁸.

Важное основание для сохранения суда биев Ч. Валиханов видит в специфичности общественного устройства казахов, что делает невозможным применение «статей общего проекта». «Во-первых, от киргиза, — пишет он, — при другом племенном организме и при других условиях среды и стихии нельзя требовать одинакового понимания и взгляда на преступления и проступки, как от русских и от других европейцев, и, наконец, киргизы не знают и не могут знать русских законов, хотя при следствиях они наравне с русскими не могут отзываться незнанием закона»¹⁹.

Непременный учет национальной специфики при проведении крупных общественно-политических мероприятий должен был благотворно повлиять на развитие социального строя казахов. Поэтому необходимо было при реализации судебной реформы помнить об общественном резонансе, которым непременно должны были сопровождаться те или иные нововведения. Это касалось, например, применения телесных наказаний, которые обычно

¹⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 508.

¹⁸ Там же. С. 511.

¹⁹ Там же. С. 513.

санкционировались мировым судом. «В киргизских законах нет тех предупредительных и устрашающих мер, которыми наполнены и новейшие европейские кодексы. У киргиз телесные наказания никогда не существовали. А законы родовые, по которым члены рода ответственны за своего родича, при родовых отношениях приносят много практической пользы»²⁰.

Точка зрения ученого на судебную реформу в условиях казахского общества была наиболее ярко проявлена им при анализе такого социального явления, как барымта. В отличие от деятелей областного правления сибирских киргизов, трактовавших барымту как угон скота с убийством людей и в силу этого приравнивавших ее к измене, убийству, разбою, Ч. Валиханов показал правомерность барымты как способа насильственного возмещения убытков, санкционированного казахским обычным правом. Он предостерегал против заведомо неверного отношения к этому обычаю: «Барантой называется захват чужого скота или чужих вещей, вообще чужой собственности, за неуплаченный долг — калым или кун»²¹. По мнению Ч. Валиханова, барымту необходимо передать в ведение суда биев, поскольку «общие уголовные законы империи» должны были судить о ней «слишком строго и, пожалуй, не совсем справедливо». Он предлагал сохранить суд биев наряду с введением уголовного суда.

Правовые воззрения Ч. Валиханова свидетельствуют о широте его кругозора, стремлении увязать общегосударственные законы Российской империи с особенностями общественного уклада казахов. Сочетание общего и особенного в «Записке о судебной реформе», понимание ее автором специфичности применения юридических уложений в условиях национальной окраины и другие несомненные достоинства этого документа сыграли большую практическую роль при создании законопроектов об управлении двумя областями степных киргизов и Туркестанским краем, куда традиционно были отнесены южноказахстанские области²².

Концепция ученого о путях общественного прогресса была изложена в работах «Следы шаманства у киргизов»

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 515.

²² См.: Крахалев А. Суд и следствие у киргизов Сибири// Юридический вестник, 1888. Т. 28. Кн. 1. С. 30—35.

и «О мусульманстве в степи». Анализируя причины существования шаманства у казахов, Ч. Валиханов полагает, что из-за недостатка духовенства мусульманство не смогло глубоко внедриться в степь, а потому образовавшийся «вакуум» в религиозных верованиях народа по-прежнему заполняло шаманство. Данное обстоятельство привело не к антагонизму ислама и язычества, а к сосуществованию мусульманских и шаманских представлений, причем произошла замена прежних понятий новыми, но суть их осталась прежней. «Оттого изменению подверглись имя, слова, а не мысль. Онгон стали называть арвахом, куктэнгри — аллахом или худаем, духа земли — шайтаном, пери, дивана и джином, а идея осталась шаманская»²³.

В своих исследованиях религии Ч. Ч. Валиханов показывает, каким образом религиозные представления казахов совершали эволюцию от наивно-анимистических взглядов, почитания природы как божества к мусульманскому единобожию, что в сложных специфических условиях Казахстана привело к симбиозу различных начал, в результате чего ассимиляция идеи аллаха обусловила исчезновение «второстепенных тэнгри, почитаемых в олицетворениях, и особенно тех, которые имели изображения». Однако это мусульманское влияние совершенно не коснулось «неолицетворенных» объектов поклонения. «...Солнце, луна, звезды, которые не были олицетворены, пользуются до сих пор уважением, и в народе сохранились некоторые обряды их культа. Все шаманские обряды, понятия, легенды столь тесно соединенные с бытом кочевым, сохранились у киргиз в совершенной целости и представляют богатый материал для исследования среднеазиатских древностей»²⁴.

Ч. Ч. Валиханов резко критиковал ислам, рассматривая его как средство одурманивания народных масс, со стороны привнесенное в казахские степи, которые так и остались внутренне чуждыми мусульманству. Широкие народные массы, которые являлись мусульманами «только по имени», подвергались моральному угнетению и «религиозному изуверству». В этих условиях Ч. Валиханов трактовал ислам как средство общественного регресса казахского народа, навязанное ему царским правительством в известном «Учреждении» Сперанского

²³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. I. С. 470.

²⁴ Там же. С. 470—471.

для успешного претворения в жизнь колониальной политики. Трудно найти более негодующие слова, нежели те, которые он высказывает о степных муллах, этих «полуграмотных плутах»: «...духовенство, которому вверило русское правительство наше нравственное воспитание, занималось до сих пор только нравственным нашим растлением, брало взятки, учило ханжеству и вместе с среднеазиатскими выходцами обманывало доверчивый наш народ»²⁵.

Естественно, что в данных условиях ученый рассматривал передачу дела народного образования в руки мусульманского духовенства как способ сохранения народа в состоянии невежества и духовной нищеты. «Чудовищная фантастика, мертвая схоластика и ни одной реальной мысли,— пишет Ч. Валиханов.— К этим вопиющим явлениям для полноты картины нужно присоединить еще то обстоятельство, что вся эта мертвечина, долбление текстов из корана на арабском языке без всяких комментариев и переводов и заучивание на память всякой схоластической ерунды вбивается киргизским детям не иначе как палкой»²⁶.

Дело общественного прогресса в Казахской степи было несовместимо с мусульманством. Данная ситуация привела к «двоеверию» в казахском обществе, где в обыденном сознании простых людей сочетались мусульманство и шаманизм. Поэтому Ч. Валиханов настойчиво предлагал вывести Казахскую степь из подчинения оренбургскому муфтию и создать собственную религиозную администрацию, назначать муллами представителей коренного населения, сократить количество мулл, запретить среднеазиатским выходцам находиться «в кочевьях киргиз» без определенных занятий и особого надзора. Просветитель боролся против внедрения дервишских и монашеских обществ, наподобие тех, которые уже существовали в Баянаульском и Каркаралинском округах, а также против шарлатанов и самозваных медиков, которыми была наводнена степь.

Абстрактно-гуманистическая позиция Ч. Валиханова в вопросе о путях и способах общественного прогресса, естественно, была в духе его времени.

Особый интерес с точки зрения характеристики соб-

²⁵ Там же. С. 519.

²⁶ Там же. С. 521.

ственно политических взглядов Ч. Валиханова представляет записка «Об управлении казахами Большого жуза». Рассматривая положение на «окраине империи», ученый показывает, что присоединение Заилийской долины к России имеет важное политическое значение не только для казахов данной местности, но и вообще киргизов, начиная с племени бугу. Отмечая, что управление краем будет успешным лишь в случае единоначалия, Ч. Валиханов предлагает сосредоточить в одних руках всю полноту гражданской и военной власти, не оставляя приставу Большого жуза «одно заведование кайсаками». «Соединение в руках нынешнего пристава,— пишет он,— всего управления войсками, краем и живущими в нем племенами [при] даст сему облеченному доверием правительства чиновнику в глазах ордынцев то значение, которое у восточных народов неразрывно с понятием о силе и власти»²⁷.

Ч. Валиханов прежде всего заботился о справедливости нового управления, которое «бы соответствовало пользе, нуждам и кочевым обычаям народонаселения этих пространств степей». Поэтому необходимо было объединить в руках правителя Илийского края военную и гражданскую власть, «назначить ему собственно по заведованию кайсаками и гражданскими сношениями помощника из гражданских чиновников и постоянного депутата от кайсаков с тем, чтобы депутат этот был избираем от кайсаков на три года по общему их соглашению»²⁸. Однако эти предложения остались благими пожеланиями, что показал поход генерала Черняева в Южный Казахстан и Среднюю Азию, участником которого был Ч. Валиханов. Но в памяти потомков демократ, просветитель и ученый Ч. Валиханов навсегда остался как борец за общественный прогресс, просвещение и подъем культуры казахского народа.

²⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 21.

²⁸ Там же. С. 22.

ВЛИЯНИЕ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Д. КАБДИЕВ,

доктор экономических наук (Алма-Ата)

Социально-экономические воззрения Ч. Валиханова сложились в тот период, когда патриархально-феодальные отношения в казахском обществе уже вступали в полосу разложения, когда заметно усилилась колониальная политика царизма.

В 60-е годы XIX в. происходит завершение присоединения Казахстана к России. Именно с этим была связана подготовка реформ по управлению краем, направленных на закрепление колониального статуса Казахстана. Реформы затрагивали основы устоев жизни кочевников. Суть их выражалась в объявлении казахской земли собственностью феодального государства и предоставлении ее в пользование казахских общин, что открывало широкий простор для последующего изъятия земли. Основные положения реформы 1867—1868 гг. сохранились с небольшими видоизменениями вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Будучи очевидцем готовящихся реформ и зная основные их положения, Валиханов обращает внимание на те проблемы, которые порождались предстоящей ломкой хозяйства. Сама обстановка готовящихся реформ, затрагивая коренные интересы трудового народа, создавала условия для творческой постановки целого ряда принципиальных проблем, прежде всего проблемы выбора путей общественного развития. Для определения этого выбора необходимо было знание особенностей кочевого хозяйства, казахской общины, классовой структуры казахского общества, экономических интересов различных классов. Этими знаниями Валиханов был вооружен в достаточной степени.

Валиханов постоянно следил за передовой общественной мыслью, внимательно изучал ее, чтобы ответить на вопросы, порождаемые предстоящей ломкой устоев жизни своего народа.

Влияние русских революционных демократов на мировоззрение Валиханова — факт бесспорный, единодушно поддерживаемый всеми исследователями творче-

ства выдающегося просветителя. При этом справедливо выделяются два этапа этого влияния: первый — в период учебы Валиханова в Омском кадетском корпусе и последующей его службы — через лекции прогрессивных преподавателей, общение со ссыльными петрашевцами, а также знакомство с трудами Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова; и второй этап — период пребывания в Петербурге, а по некоторым данным и личное знакомство с Н. Г. Чернышевским.

Раскрывая экономические воззрения Валиханова, следует отметить, что он был прежде всего выдающимся эконом-географом, о чем свидетельствуют опубликованные труды и отзывы современников. Это связано с характером деятельности Валиханова как путешественника по Казахстану, Киргизии и Кашгарии. Причем ряд районов он посетил первым среди русских ученых.

В эконом-географических трудах Валиханова дается характеристика основных направлений хозяйства обследуемого района, ирригационных систем, караванных путей, торговли, социальных отношений. Особенно обстоятельными следует отметить в этом плане его работы по Кашгарии. Важно подчеркнуть, что, давая эконом-географический анализ тех или иных районов, Валиханов доходит до глубоких и содержательных обобщений, в частности, показывает перерастание патриархально-родовых отношений в патриархально-феодальные, раскрывает суть последних, дает характеристику феодализма в такой его разновидности, как восточный, раскрывает классовую структуру последнего, противоположность интересов различных классов, эксплуататорскую сущность феодального общества, сдерживающее влияние господствующих общественных отношений на развитие производительных сил. При этом следует особо отметить то, что высказывания Валиханова по вышеуказанным вопросам находятся на уровне передовой науки того времени, в них четко прослеживается демократизм и защита интересов трудящихся. В этом мы видим влияние идей русских революционных демократов.

В частности, Валиханов придерживался трудовой теории стоимости, из которой исходил Чернышевский. Труд — источник богатства и благополучия. Этой мыслью пронизаны многие произведения ученого. Просветитель не только подчеркивал преобразующую созидательную роль труда, но у него есть высказывания и о том, что

труд, измеряемый временем, определяет стоимость товара, а уровень оплаты работников зависит от спроса и предложения на труд¹.

Валиханов выделял решающую роль производства в развитии общества, а в развитии самого производства подчеркивал особую роль потребности общества. Он писал: «...нужда — вещный двигатель промышленности и торговли, заставляет изыскивать средства трудом»². Низкий уровень производства у кочевых народов Валиханов объясняет «ограниченностью потребностей», их «простотой», отсутствием спроса на товары³.

Валиханов хорошо знал экономику Казахстана, тенденции ее развития, анализировал ее состояние за многие десятилетия, оперируя соответствующими статистическими данными. Он показал раскол общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, попытался выявить экономические корни этого раскола. Валиханов внимательно следил за передовой общественной мыслью. Он был постоянным подписчиком «Современника», корреспондентом «Вольного экономического общества».

«Записка о судебной реформе» — вершина творчества Валиханова, в которой мы обнаруживаем непосредственное влияние идей Чернышевского. Эта работа была реакцией просветителя на подготовленный колониальной администрацией проект судебной реформы. В ней он выступает против насаждения в Казахстане атрибутов колониальной власти, идущих вразрез с интересами трудящихся, и поддерживает существующие институты, связанные с родовой общиной (суд биев, выборность местных органов и т. д.) как более демократичные, отвечающие местным условиям.

В этой статье наиболее четко проявляются материалистические воззрения просветителя. Он придавал большое значение роли материальных, экономических факторов в развитии общества, а конечной целью человечества, определяющей прогресс общества, считал улучшение материального благосостояния трудящихся. Так, говоря о реформах, наиболее важными среди них Валиханов считает «экономические и социальные, прямо касающиеся насущных нужд народа»⁴. Он писал: «Реформы поли-

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 213.

² Там же. С. 35.

³ Там же.

⁴ Там же. Т. 4. С. 78.

тические допускаются как средства для проведения нужных экономических реформ, ибо каждый человек отдельно и все человечество коллективно стремится в развитии своем к одной конечной цели — к улучшению своего материального благосостояния. И в этом заключается так называемый прогресс»⁵.

Чтобы показать влияние Чернышевского на воззрения Валиханова, достаточно привести следующее положение революционного демократа. «В последнее время,— писал Чернышевский,— политические формы главную свою важность имеют уже не самостоятельным образом, а только по своему отношению к экономической стороне дела, как средство помочь экономическим реформам или задержать их»⁶.

Если же учесть, что Чернышевский определял предмет создаваемой им политической экономии как науки «...о материальном благосостоянии человека, насколько оно зависит от вещей и положений, производимых трудом»⁷, то совпадение идей будет почти полное.

Первые исследователи творчества Валиханова боялись самого слова «реформа», вероятно, опасаясь, как бы просветитель не выглядел реформистом. Они не учитывали того, что речь шла о разработке новых положений по управлению краем, существенно затрагивающих интересы народа.

Заслугой Валиханова является то, что он впервые поставил вопрос о том, какими должны быть эти реформы, вел непримиримую борьбу с царской администрацией, плохо знавшей местные условия, пренебрегавшей интересами трудящегося большинства, и смело отстаивал интересы трудового народа. Сложившаяся ситуация, связанная с перестройкой жизни и быта кочевников, проблемы, порождаемые этими обстоятельствами, обращают его внимание на учение русских революционных демократов, в частности Чернышевского. Это касается прежде всего суждений просветителя по поводу административных реформ, более тесно связанных с экономическими проблемами, которые он называл «щекотливым для нас предметом». Валиханов писал: «Административный вопрос для нас, киргиз, имеет слишком большой

⁵ Там же.

⁶ Чернышевский Н. Г. Собр. соч. 1949. Т. 7. С. 31.

⁷ Там же. Т. 9. С. 31.

интерес, чтобы говорить о нем вскользь»⁸. Из данного положения следует, что он намеревался высказать более основательное мнение и по этому вопросу. Однако болезнь помешала ему реализовать свой замысел. Тем не менее, в статье «Записка о судебной реформе» Валиханов критикует налоговую политику царизма в Казахстане, требует отмены кибиточного сбора (подымной подати) как крайне несправедливого и тягостного для народа и введения прогрессивного подоходного налога по количеству скота как отвечающего «новейшим теориям налога»⁹.

Кибиточный сбор представлял собой налог регрессивный, не учитывающий экономического состояния налогоплательщика. Взимали его равномерно как с владельцев тысячных табунов, так и с тех, кто кроме кибитки ничего не имел. Он тяжелым бременем ложился на плечи трудящихся. Поэтому Валиханов требует повсеместного введения в Казахстане более прогрессивного преимущественного налога.

Валиханов был сторонником сохранения кочевого хозяйства и общинного землепользования в условиях того времени. Он глубоко знал кочевое хозяйство. Так, в работе «О кочевках киргиз» он дает анализ экономического состояния кочевого хозяйства, обосновывает условия, необходимые для его ведения, называет доводы, раскрывающие причины наступившего кризиса и его последствия, дает ссылки на состояние торговли скотом, на статистические сведения о скотоводстве¹⁰. Работа представляла своего рода протест против пагубной политики царизма, необоснованно изымавшего земли кочевников, раскрывала перед властями суть, характер кочевого хозяйства и его требования.

Из трудов просветителя мы можем судить о характере зарождающегося товарного производства в казахской степи и особенностей товарно-денежных отношений. Он выступал за развитие товарно-денежных отношений, полагал, что патриархальное натуральное хозяйство несовместимо с интересами прогрессивного развития. Валиханов понимал, что торговля порождается объективными условиями производства, экономической необходимостью. Им раскрыты особенности меновой торгов-

⁸ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 103.

⁹ Там же. С. 104.

¹⁰ Там же. С. 105—109.

ли в странах с патриархально-феодальными отношениями.

Валиханов большие надежды возлагал на общинную форму хозяйства в развитии казахского общества. Перечисляя положительные качества своего народа, он писал: «Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего культурного развития. На этом факте основаны все наши надежды на будущее»¹¹.

Вместе с тем просветитель видел, что существовавшая казахская община уже вступила в стадию разложения, неоднократно писал о существовании социального неравенства внутри нее, наличии эксплуатации. Однако каких-либо обоснований путей перехода от казахской общины к новому общественному строю у Валиханова нет. Остаются только надежды на общность форм общинной и общественной собственности на средства производства да и то главным образом на землю. К тому же нельзя упускать из виду слова просветителя о том, что для «восприятия европейских преобразовательных идей» казахский народ должен получить определенное развитие, ибо «организм не может принять того, до чего он не дорос»¹².

Дальнейший прогресс казахского общества он мыслил только на пути развития просвещения, установления лучших форм правления, учитывающих местные особенности, постепенного совершенствования хозяйства, а также руководства обществом со стороны образованных, гуманных людей. В этом как раз и заключается утопизм и незрелость социально-экономических воззрений Валиханова, порожденных объективными условиями Казахстана той эпохи.

Валиханов, как никто другой из казахских просветителей, испытал непосредственное влияние идей русских революционных демократов на всю систему своих взглядов. Ни у кого из его современников так остро и последовательно не проявлялся атеизм, элементы материализма в объяснении общественных явлений. На основе анализа экономической жизни казахского общества Валиханов выдвинул целый ряд положений, доказываю-

¹¹ Там же. С. 81.

¹² Там же. С. 80.

деленными научными и общественно-политическими проблемами, в своем единстве составляют более или менее завершенную концепцию, логика развития которой соответствует общей идейно-политической эволюции мыслителя. В творчестве Валиханова проблемы культуры являются «сквозными», интегрирующими, обеспечивающими внутреннее единство всего чрезвычайно многопланового наследия. Сама методология научного исследования, которой придерживался Валиханов и которая, на наш взгляд, заслуживает отдельного серьезного рассмотрения, с наибольшей полнотой раскрывается именно во взглядах на культуру.

Поэтому подход к наследию Валиханова в контексте проблем культуры, анализ его взглядов на культуру, на ее формы и культурно-исторический процесс в целом, предлагаемый в данной работе,— все это нацелено на более глубокое, адекватное выявление исторического своеобразия мировоззрения и всей деятельности выдающегося просветителя-демократа, их современного значения. Исходя из этих соображений, попытаемся осветить хотя бы в общих чертах вклад Валиханова в теоретическую разработку проблем культуры.

Остановимся прежде всего на самом понятии «культура» у Валиханова. Оно неоднозначно, и подлинный смысл его становится ясным лишь в контексте¹. Чаще всего «культура» выступает как синоним «образованности», «просвещенности». «Культура» понимается также как степень воспитанности, нравственного состояния, гуманности человека, общества, общественных институтов. Однако наибольший интерес в плане нашего рассмотрения представляет впервые сформировавшееся именно в русле просветительского типа мышления, свойственного и Валиханову, понимание культуры как целостного социального феномена, в совокупности как материального, так и духовного факторов общественного развития, в единстве всех социальных институтов.

Суммируя все вышеуказанные значения, можно сказать, что обобщенно Валиханов понимал под «культурой» результат деятельности человека (духовной или материальной, или той и другой в совокупности), весь созданный им мир, отличный от природного и божест-

¹ Понятие культуры и в настоящее время не приобрело еще строгого категориального статуса и является предметом наиболее оживленных дискуссий в философской науке.— *Прим. авт.*

венного. Так, освещая историю среднеазиатской культуры, он высказывает глубокую мысль о гуманистической сущности культуры как воплощения творческих сил человека: «В Маврельнагре² (нынешняя Бухара, Хива и Коканд), в самой просвещенной и богатой стране древнего Востока, ...теперь господствует невежество и бедность более, чем где-нибудь. Библиотеки Самарканда, Ташкента, Ферганы, ... Хивы, Бухары и проч., обсерватория в Самарканде безвозвратно погибли под беспощадной рукой татарского вандализма и бухарской инквизиции, которая предала проклятию всякое знание, кроме религиозного. Даже монументальные памятники прошедшей культуры подверглись гонению мулл... *как греховная борьба человека с творчеством аллаха* (подчеркнуто нами — авт.)»³.

Итак, Валиханов в целом придерживался традиционного для просветительства вообще понятия «культуры», в котором фиксировалась «область действительности, детерминированная не природной необходимостью и не божественным предопределением, а деятельностью человека как самостоятельного и свободного существа»⁴. Понимание уровней культурного развития как связанных с созидательной деятельностью человека, а потому исторически подвижных позволило Валиханову рассматривать культурное развитие как динамичный процесс, а тот или иной уровень этого развития — как обусловленный всем ходом предшествующей истории. Поэтому учение о культуре у Валиханова органически связано с его исследованиями в области истории и более того — основывается на них.

Взгляды Валиханова на культуру и культурно-исторический процесс, развиваемые им на основе глубокого изучения жизни народов Востока, являются ценнейшим вкладом в зарождавшееся в то время прогрессивное направление в отечественном востоковедении. Острие его культурологической концепции направлено против распространения в буржуазном востоковедении расистских, шовинистических и европоцентристских теорий. Приходилось бороться и с точкой зрения так называемого «научного европоцентризма» (термин Н. И. Конра-

² Точнее: в Мавераннахре (древнее название области между реками Сырдарья и Амударья). — *Прим. авт.*

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата. 1985. Т. 3. С. 325—326.

⁴ Проблемы философии культуры. М., 1984. С. 13.

да)⁵, то есть неправомерной экстраполяцией критериев европейской науки на материал Востока.

Тонкий аналитик и страстный публицист, Валиханов не мог не заметить также и крайностей в отношении к русской и европейской культуре, имевших место в общественном сознании казахов и других восточных народов в современную ему переломную эпоху. Одним из проявлений этих крайностей было неприятие всего нового, нетрадиционного, что, по мнению ревнителей патриархальщины, грозило утерей культурной самобытности. Другой крайностью было отчуждение от своей национальной культуры некоторой части новопросвещенной молодежи, которая под влиянием насаждавшегося царизмом мусульманства, а также натиска европейской цивилизации спешила предать забвению свое родное, кровное. «У нас в степи теперь период двоеверия..., — с горечью отмечает Валиханов. — Наши книжники также энергически, как книжники древней Руси, преследуют свою народную старину. Наши предания, эпосы, юридические и судебные обычаи они заклеямили позорными именем войлочной книги⁶, а наши языческие обряды, игры и торжества они называют не иначе, как бесовскими»⁷.

В этой сложнейшей обстановке, когда решалась судьба казахского народа и его культуры, мыслитель-демократ, основоположник казахского Просвещения со всей решительностью выступил в защиту культурной самобытности казахов и высказал глубоко прогрессивные, диалектические в своей основе идеи об интернационализации культуры путем гармонического слияния традиций и новизны. Валиханов явился по существу инициатором новой казахской культуры, направленной на преодоление этнической замкнутости и ориентированной на приобщение к русской, а через нее — к мировой культуре. При этом он вовсе не стремился русифицировать свой народ, в чем его обвинили казахские феодалы и в чем видели его значение представители царской администрации. Культурное возрождение народа он понимал не иначе, как на основе гармонического синтеза древних национальных традиций с элементами русской и обще-

⁵ См.: Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972. С. 24.

⁶ Есть предположение о существовании в старину текстов, написанных на войлоке, т. е. войлочных книг. — *Прим авт.*

⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 71.

европейской культуры, усвоения всего положительного опыта мировой цивилизации. Согласно его общей установке, всякие нововведения должны осуществляться лишь с учетом традиций. Наполняясь новым, жизнеспособным содержанием, культура должна сохранить черты национальной самобытности.

Исследуя прошлое казахского и других народов Азии, Валиханов стремился раскрыть причину культурного запустения современного ему Востока, которое он наблюдал во время своих путешествий. «Средняя Азия в настоящем своем устройстве представляет явление крайне печальное, какой-то патологический кризис развития»⁸, — отмечает он. Будучи не в состоянии связать развитие культуры с общественным способом производства, то есть в конечном счете с экономическими причинами, просветитель выдвигает причины духовного и политического характера, вызвавшие, по его мнению, упадок культуры, некогда процветавшей в этом регионе: влияние ислама, деспотизм местных правителей, политический гнет чужеземных властей⁹. Важнейшую причину упадка культуры ряда восточных народов, в том числе и казахов, Валиханов видит в непрерывных войнах, особенно в монгольском нашествии. «...Тюрки были гораздо образованнее их (монгольских завоевателей. — Н. Д., С. С.), имели города и оставили в них памятники своей оседлости, богатства и торговли»¹⁰.

Оставаясь, как и все домарковские мыслители, на позициях идеализма в понимании сущности культурно-исторического процесса, Валиханов вместе с тем высказывал смутную догадку о зависимости созидательной активности человека от типа, способа хозяйствования. Так, он дает следующую характеристику кочевому образу жизни: «...Промысел этот, предоставленный попечению самой природы, зависит всего более от состояния погоды, от качества почвы. *Человек играет здесь самую пассивную роль* (подчеркнуто нами. — Н. Д., С. С.). Случайностей физических, от которых может страдать скотоводство, ... так много, что трудно исчислить»¹¹.

Как верно отмечал Н. Г. Чернышевский, «...ни один

⁸ Там же. Т. 3. С. 325.

⁹ Там же. С. 326—327.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 195.

¹¹ Там же. Т. 4. С. 105.

сколько-нибудь сносный историк не писал иначе, как для того, чтобы проводить в своей истории свои политические и общественные убеждения»¹². Глубоко и всесторонне изучив историю и культуру народов Казахстана, Средней и Центральной Азии, Валиханов приходит к твердому убеждению в способности народов Востока к культурному возрождению, к восприятию высших достижений европейской культуры, в их неотъемлемом праве на прогресс и просвещение. В связи с этим он всемерно стремится ознакомить научную общественность с историей, бытом, обычаями, материальной и духовной культурой восточных народов. Справедливо отмечая, что многие стороны жизни этих народов не были еще предметом объективного научного исследования, Валиханов верно усматривает в этом неведении основную причину распространности превратных представлений об этих народах как изначально неспособных к прогрессу и обреченных на отсталость. Подчеркивая самобытность и многообразие форм духовной культуры Востока, Валиханов видел в ее богатейших исторических традициях залог будущего прогресса.

Особенно интересными являются изыскания Валиханова в области казахской культуры. Ценен прежде всего сам метод рассмотрения: соотнесение истории с современностью, сравнение с культурой других народов, кочевых и оседлых, с русской и европейской культурой, постоянный поиск аналогий и особенностей, стремление не просто описать внешние проявления этой культуры, ее оригинальные неповторимые черты, а раскрыть реальные основания этой самобытности.

Анализируя культуру казахов в сравнении с другими кочевыми народами — бедуинами, монголами, калмыками, киргизами, якутами, ученый делает ряд широких обобщений, весьма ценных для науки, по вопросу, в то время почти не исследованному: о сущности и особенностях кочевой цивилизации. «В Европе до сих пор господствует ложное понятие, представляющее кочевые племена в виде свирепых орд и беспорядочных дикарей. Понятие о кочевом монголе или киргизе тесно связано с идеей грубого и скотоподобного варвара,— писал он.— Между тем большая часть этих варваров имеет свою литературу и сказания — письменные или изустные»¹³.

¹² Чернышевский Н. Г. Собр. соч. М., 1947. Т. 5. С. 661.

¹³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 69.

Просветитель-демократ вплотную подошел к мысли о единстве мирового культурно-исторического процесса, впервые научно обоснованной классиками марксизма-ленинизма и блестяще подтвержденной в современном марксистском востоковедении. Для Валиханова не существует народов без культуры, так же, как и без истории. Существуют лишь разные уровни и формы культуры. Последовательно проводя мысль об общечеловеческом содержании культуры как социального феномена, он в то же время не сумел указать на подлинные причины «инаковости» культур, то есть на их отличия по уровням и формам. Но несомненно, что особенности кочевой культуры он стремился объяснить, исходя из особенностей кочевого типа хозяйствования.

Выступая против буржуазного понимания кочевой культуры как сугубо экстенсивной, способной лишь на обживание непригодных для жизни других народов земель, ученый приводит убедительные примеры из духовной и материальной культуры различных кочевых народов, свидетельствующие о сочетании элементов экстенсивности и интенсивности в кочевой цивилизации, специфике ее форм развития. Так, он опровергает одно из распространенных мнений, что кочевые народы не имели и в силу образа жизни не могли иметь письменности. Опираясь на труды древних историков, Валиханов отстаивает ту точку зрения, что древние казахи, киргизы, монголы имели свою письменность, но в ходе истории не каждый народ сумел сохранить свою письменную традицию. В качестве примера он ссылается на киргизов, которые в древности имели письменность, а в настоящее время (то есть в эпоху Валиханова) сильно отстали даже от своих соседей. С огромным интересом Валиханов изучает сохранившиеся письменные памятники XVI века на древнеказахском языке, написанные на основе арабского алфавита: дипломатические грамоты ханов Золотой Орды, «Сборник летописей» Кадыргали-Бека Джалаири, «Тарих-и Рашиди» Мухаммеда Хайдара Дулати. По крупницам собирает он сведения о культуре казахского и других кочевых народов из трудов восточных историков, русских и китайских летописей, русских и европейских востоковедов. Результатами исследования явились глубокие, подтвердившиеся впоследствии другими учеными, выводы о наличии в древних цивилизациях на территории Казахстана развитой городской культуры

и государственности, о сочетании элементов кочевой и оседлой цивилизации как важнейшей особенности древней казахской культуры. Развалины древних городов и крепостей, антиквариат, древние предания, фольклор, обычаи и традиции — во всем этом Валиханов видел следы некогда высокого культурного развития, свидетельствующие в пользу признания потенциальных творческих сил народа.

Большой интерес представляют размышления Валиханова об особенностях духовной культуры кочевников и специфической форме преемственности культурных традиций в условиях кочевого образа жизни. Он одним из первых обратил внимание на такую особенность кочевых народов, как необычайную склонность к поэтическому творчеству и особенно — к импровизации. Причины, обуславливающие поэтический дар кочевников, их искусство импровизации, Валиханов пытался узреть в их образе жизни¹⁴. Важнейшая особенность изустных преданий кочевых народов заключается, по Валиханову, в том, что в них передается из поколения в поколение весь комплекс духовной культуры: исторические, генеалогические, правовые, бытовые сведения, обычаи, нравы, традиции. Это положение он убедительно раскрывает на основе анализа изустных преданий казахов, в частности, народной поэзии, передаваемой «изустно из рода в род, из поколения в поколение, особым сословием певцов, как в древней Греции передавались песни Гомера рапсодами»¹⁵... Указывая на такие особенности поэтического мышления казахов, как наивный реализм, а также необычайно бережное отношение сказителей к передаваемому материалу, Валиханов пишет об изустных преданиях казахов: это «произведения, вылившиеся из уст всего народа как от лица одного существа»¹⁶, во-первых, соответствуют историческим данным, а во-вторых, они «во всех отдаленнейших концах степи, особенно стихотворные саги, передаются одинаково и при сличении были буквально тождественны, как списки одной рукописи (подчеркнуто нами.— Авт.)»¹⁷. Как бы предвидя возражения, ученый отмечает: «Как ни странна кажется подобная невероятная точность кочевой, безграмотной

¹⁴ См.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 304.

¹⁵ Там же. С. 285—286.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 302.

¹⁷ Там же. С. 302.

орды, тем не менее это факт, не подлежащий сомнению»¹⁸. По убеждению Валиханова, устное народное творчество, особенно у кочевников, являясь верным «очерком жизни, понятий и отношений своего общества»¹⁹, может стать ценным вспомогательным материалом при изучении истории казахского и других кочевых народов.

Верно выявляя особенности кочевой культуры, ее самобытные черты, Валиханов был далек от того, чтобы ее идеализировать. Напротив, мыслитель постоянно подчеркивал всестороннее преимущество оседлой жизни и оседлой цивилизации. Раскрытие самобытности казахской культуры было для него не самоцелью, а средством для защиты права казахов на европейскую культуру и просвещение, для гуманизации межнациональных отношений в условиях колониальной России, для разъяснения «тех печальных недоразумений, какие,— по словам Н. М. Ядринцева — в последнее время возникли в русской литературе по вопросу о правах человеческих рас на блага цивилизации»²⁰.

Самобытность культуры была не единственным аргументом в борьбе Валиханова за право казахского народа на прогресс. В важнейших работах зрелого периода («О мусульманстве в степи», «Записка о судебной реформе») просветитель-демократ выступает от имени всего народа как подлинный выразитель его насущных интересов и требований к правительству. На этом этапе Валиханов стремится теоретически обосновать на основе диалектического принципа «аналогии высшего развития с низшим»²¹ возможность общественного прогресса и культурного возрождения казахского народа. Он пишет: «...Формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего культурного развития. На этом факте основаны все наши надежды на будущее»²².

Особое внимание Валиханов уделял вопросу о конкретных путях и способах прогрессивного общественного

¹⁸ Там же. С. 305.

¹⁹ Там же.

²⁰ Цит. по: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1969. Т. 4. С. 510.

²¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 92, 94.

²² Там же. С. 81.

развития. Революционные принципы русского просветительства, а именно Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, которые он, вне всякого сомнения, идейно разделял, практически не могли быть полностью реализованы в условиях тогдашней казахской действительности, требовали творческого переосмысливания применительно к конкретным социокультурным условиям: ведь деятельность Валиханова, в отличие от русских революционеров-демократов, развивалась одновременно как бы в двух социально-исторических «плоскостях» — России и Казахстана.

Поэтому применительно к конкретным условиям Казахстана Валиханов связывал идею общественного переустройства на разумных началах, то есть общепросветительскую идею, с реформами, выработанными на научной основе, с учетом национальных особенностей быта, психологии, обычаев, традиций и направлений на коренное улучшение материального и духовного состояния народных масс. Однако, усматривая корень всех социальных зол в повальной безграмотности, Валиханов полагал, что первейшей задачей, предваряющей меры по общественному преобразованию, должна стать борьба с темнотой и невежеством масс. Иначе, по его мнению, любые реформы — административные, судебные и экономические — не будут поняты и приняты народом. Если всеобщее просвещение является первой ступенью культурного возрождения, то его целью является общество, построенное на разумных принципах «саморазвития, самозащиты, самоуправления и самосуда»²³, то есть общество, свободное от национального и социального угнетения.

Итак, по Валиханову, первый шаг на пути к культурному обновлению — это всеобщее просвещение. В противовес официальной политике религиозного просвещения, основанного на системе мусульманской догматики, Валиханов, будучи убежденным атеистом и непримиримым противником ислама, выдвигает программу светского, «общечеловеческого просвещения» и требует от правительства действенной помощи в этом.

В связи с этим Валиханов выступил против «той узкой теории народности», согласно которой последняя есть «нечто предопределенное от начала» и «должна

²³ Там же. Т. 4. С. 95.

развиваться только сама из себя»²⁴, то есть изолированно от других народов. Этому антинаучному взгляду, весьма распространенному в те времена, мыслитель-демократ со всей решительностью противопоставил в высшей степени прогрессивную, актуальную и по сей день идею о взаимодействии и сближении народов как необходимом условии их культурного развития: «Мы думаем, что усвоение европейского, общечеловеческого просвещения и энергичная борьба с препятствиями, мешающими достижению этой цели, должны составить конечную цель для всякого народа, способного к развитию и культуре»²⁵.

Глубоко прогрессивные, гуманистические взгляды Валиханова на культуру и культурно-исторический процесс, выработанные им на основе высших достижений востоковедческой науки того времени и под влиянием высшей формы просветительства — русского революционного демократизма, нашли понимание и поддержку у передовой русской общественности. Выдающийся исследователь-путешественник, друг и сподвижник Валиханова по науке П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал, что «Валиханов сохранил глубокоую преданность своей стране, он любил киргизскую (то есть казахскую. — *Авт.*)»²⁶ жизнь, но тем не менее умел высоко ценить западную цивилизацию и предвидел для своего народа отрадную будущность только под покровительством России»²⁷.

В одном строю с лучшими людьми России основоположник казахского просвещения Чокан Валиханов беззаветно и самоотверженно боролся за торжество идеалов разума и гуманизма.

²⁴ Там же. С. 79—80.

²⁵ Там же. Т. 4. С. 80.

²⁶ П. П. Семенов-Тянь-Шанский употребляет общепринятое в России того времени название казахов — «киргиз». Об ошибочности названий казахов «киргизами», а подлинных киргизов «дикикаменными киргизами», о необходимости пересмотреть их в соответствии с самоназваниями этих народов, Валиханов неоднократно напоминал в своих трудах. — *Прим. авт.*

²⁷ Чокан Валиханов в воспоминаниях современников. Алма-Ата, 1964. С. 127.

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Р. Е. ДЖУНШЕЕВ,

кандидат философских наук (г. Джамбул)

Исторически определенные социально-экономические условия для актуализации проблемы человека в казахской общественной мысли появились в ходе и после завершения добровольного присоединения Казахстана к России.

Проблема человека занимает важное место в мировоззрении Чокана Валиханова. В творчестве казахского просветителя обнаруживается гуманистическая концепция, рационалистическая оценка смысла человеческого бытия и утверждение права человека на полноценную, счастливую жизнь на земле.

Однако гуманистические идеи просветителя были ограничены уровнем общественных отношений. Правильно рассматривая потребности и их разумное удовлетворение в качестве основы счастья и смысла жизни, он не смог выйти за рамки абстрактного понимания проблемы. Чтобы сделать гуманизм практически действенным, реальным, «надо было,— как писал Ф. Энгельс,— заменить культ абстрактного человека... наукой о действительных людях в их историческом развитии»¹.

Он еще не мог представить «природу человека» как совокупность общественных отношений, не понял решающей роли труда в процессе возникновения и развития человеческого сознания. Это было недостатком всего домарковского материализма. Не только отдельный человек, но и общество оценивалось казахским просветителем исходя из «природы человека», которую он считал основанием для построения концепции общественной жизни человека, формирования идеала общества. Логика данного положения такова: достоинства или недостатки общественного устройства определяются соответствием данного социального организма природе человека. Общество, сущность которого противоречит сущности человека, должно преобразовываться разумом в соответствии с требованиями «человеческой природы».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 209.

В творчестве Валиханова наибольшую разработку получает социальный аспект проблемы человека. У него исходным при решении вопросов смысла человеческого бытия является проблема счастья. Валиханову глубоко чужд индивидуалистический взгляд. Он понимает, что разрешение проблемы счастья в индивидуальном плане невозможно: человек никогда не может быть счастливым, если он не способствуем претворению в жизнь общественных интересов.

Такое рассмотрение проблемы счастья человека присуще всем казахским просветителям. Общественное благо они считали высшим благом. «Работающий только для себя, похож на животное, которое заботится о своем брюхе. Вседержец любит того, кто трудится на благо человечества»², — указывал Абай Кунанбаев. Лейтмотив этико-социальных воззрений казахских просветителей — это счастье народа и вместе с тем личности. Понятие «польза», «благо» совпадают с понятием «интерес». В этом, по существу, прослеживается стремление решить проблему соотношения личных и общественных интересов. Гармония личных и общественных интересов (польза народа, благо общества, народная нужда и т. д.), которая была их этико-социальным идеалом, ждущим своего осуществления, возможна на основе учета как личных, так и общественных интересов.

По мнению Валиханова, для казахского народа в тот период его существования характерно непонимание своих интересов. Кроме того, его отличает от других просветителей смелая догадка о существовании классовых интересов, о несовместимости их. «На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, — пишет он, — как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают большей частью враждебны интересам массы, большинства»³. С точки зрения Чокана о реализации интересов народа можно говорить лишь в том случае, если условия счастливой жизни созданы для всей массы, а не только для эксплуататорской верхушки.

По мнению Валиханова, законы должны отражать общественные интересы, которые юридически закреп-

² Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1982. С. 147.

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 495.

ляются. Именно поэтому к созданию и изменению законов надо относиться с величайшей осторожностью. Если существующий закон порождает пороки, то «закон этот, как рожденный под влиянием бюрократических идей единственно в видах формализма и порядка, следует отменить»⁴.

Разумное законодательство, правильно составленные законы, учитывающие интересы народа, считал Валиханов, являются главным средством решения проблемы гармонического сочетания личных и общественных интересов. В законах он усматривал главную силу, которая способна привести к желанному единству интересов. Корень зла, по его мнению, лежит «в формализме и бюрократической рутине» чиновников, отобравших фальшивые источники для составления законов и преподносивших их в качестве народного мнения.

Казахский мыслитель полагал, что для того, чтобы создать систему совершенных законов, необходимо основательно знать человека, интересы его и народа в целом. Только законы, основанные на знании, будут способствовать совпадению интересов частного и общественного и представлять собой необходимую предпосылку для устранения антагонизма между людьми, установления подлинного счастья и добродетели личности.

Камнем преткновения на пути достижения гармонии личных и общественных интересов он считал недостаток просвещения. Не зная общественной сущности человека, просветитель не мог понять, что для решения проблемы гармонии интересов требуются прежде всего коренные социально-экономические преобразования. Единство и гармония этих интересов, по его мнению, могут быть достигнуты посредством просветительных мероприятий. Исторически обусловленная ограниченность не дала возможности просветителю осознать, что интересы человека определяются не законами, какими бы совершенными они ни были, а прежде всего материальными условиями жизни, конкретно-историческими общественными отношениями, которые формируют человека и само законодательство.

Несмотря на отмеченную ограниченность, рассмотрение Валихановым «интереса» было прогрессивным явлением для своего времени. Главное значение концепции

⁴ Там же. С. 514.

интереса заключалось в его направленности против патриархально-феодального строя, в служении делу преобразования общества. Она также наносила удар по религиозным догматам.

Казахские просветители интересы земной жизни противопоставляли фиктивным интересам на «том свете». Особенно большая заслуга в этом отношении принадлежит Валиханову. Он указывает на несостоятельность мусульманского представления о смысле человеческой жизни и на его лжегуманизм, выводит подлинные интересы человека из земных, естественных основ.

Ч. ВАЛИХАНОВ — РЕЛИГИОВЕД И КРИТИК РЕЛИГИИ

А. Д. СУХОВ,

доктор философских наук (Алма-Ата)

Чокан Валиханов — первый казахский религиовед. В отличие от религиоведа обычного, можно сказать, классического типа, который получает информацию о религии со стороны и затем обрабатывает, обобщает их, знания о тех верованиях, которые были распространены в Казахстане в середине XIX столетия, Валиханову-религоведу не надо было специально приобретать: он получил их в процессе воспитания, узнал на практике. В этом уникальность Валиханова-религиоведа; его можно сопоставить, пожалуй, лишь с К. Расмуссеном, который по происхождению был эскимосом (правда, наполовину) и для которого эскимосский язык являлся родным.

Валиханов был критически настроен к религии, отвергал ее догматику и мировоззренческие принципы, противопоставлял ей научные принципы. Все это дало ему возможность основательно проанализировать религию. Он овладел достижениями западноевропейского и русского религиоведения, в том числе — революционно-демократического, и это позволило ему стать, несмотря на то, что он был первым в Казахстане исследователем религии, выдающимся религиоведом.

Ч. Ч. Валиханов в своих этнографических сочинениях

оставил зарисовки верований, бытовавших в Казахстане. Эти зарисовки сделаны с таким знанием дела, что интерес к ним непреходящ и не только в плане изучения истории религии в Казахстане, но и в плане общих проблем религиоведения. Исследования ученого представляют возможности для аналогий и сопоставлений. Начало таким сопоставлениям было положено им самим.

Для характеристики той стадии, которую переживала религия в Казахстане, Валиханов использовал термин «двоеверие», который уже был принят в религиоведении. Нижний слой этого религиозного комплекса — архаичные верования, имевшие за собой уже тысячелетнюю историю, верхний — ислам, который в связи с усилившимся процессом феодализации в Казахстане и поощрительной политикой в отношении этой восточной религии со стороны царского правительства России делал быстрые успехи. В своей работе «О мусульманстве в степи» то двоеверие, которое сложилось в Казахстане, Валиханов сопоставляет с двоеверием, существовавшим на Руси после принятия христианства во времена Нестора. Ни Нестор, ни его современники, что совершенно естественно, не оставили столь детального изображения двоеверия, как это было сделано в работах Валиханова, раскрывавших взаимодействие разнородных пластов синкретического религиозного комплекса, взаимопроникновение разнородных его элементов, механизм его функционирования. Поэтому при изучении, в частности, процесса христианизации Руси, также приведшего к образованию двоеверия, исследования Валиханова дают такой материал, который помогает, до известной степени, проследить и феномен христианского двоеверия, в существенных своих чертах аналогичного исламскому.

Для Валиханова ясно, что те архаичные верования, суть которых состоит в почитании природы и которые длительное время являлись духовной принадлежностью казахского народа, уже совершенно не соответствуют духу времени. Ислам, дополняющий и вытесняющий их, также не является для Валиханова перспективным явлением, его ученый оценивает негативно, ссылаясь на опыт Средней Азии, где господство этой религии в значительной мере содействовало упадку цивилизации и общей отсталости региона. Ч. Валиханов неоднократно обращал внимание на несовместимость ислама с научным знанием и образованностью. Догматизировав те

сведения, во многом наивные, которые ислам застал при своем становлении, он, по словам Валиханова, остановил движение опытных наук. Ученый полемизировал с теми, кто считал, что ислам можно реформировать, очистить и усовершенствовать. Он не считал возможным возродить и модернизировать идеологию, основанную на предрассудках. Ислам Валиханов оценивал как зло. Что касается мусульманского духовенства, то оно представляет собой, по его мнению, настоящее темное царство. Характерные черты этого социального института — фанатизм, лихоимство, обскурантизм.

Валиханов не считал также, что вместо ислама стоило бы распространять среди казахов христианство. Он не отдавал христианству предпочтения перед исламом и обращал внимание на то, что народы Сибири противятся христианизации даже сильнее, чем исламизации, и что христианизация вовсе не оказывает на них благотворного влияния. Население бежит от православия в леса, писал Валиханов, оно бонится его проповедников, которые отличаются бесчеловечием и мздоимством. Для того, чтобы выяснить, как влияло христианство на социальное развитие народов, Валиханов обращался также к истории и находил в ней подтверждение того, что и в Европе господство теологии в средние века отражалось на народной жизни самым бедственным образом.

Валиханов писал А. Н. Майкову, что с местными султанами и богатеями он не ладит, но зато находится в большой дружбе со степным пролетариатом. Стремясь служить интересам народа, Валиханов выдвигал свою кандидатуру на выборах в старшие султаны одного из округов. Одной из причин того, что на выборах его в конечном счете постигла неудача, Валиханов в письме к Ф. М. Достоевскому от 15 октября 1862 г. считал религиозный фанатизм: противники обвиняли его в том, что он не верит в бога и с Магометом состоит в личной вражде.

Антирелигиозные выступления Валиханова не утратили своего значения, они могут и в наши дни служить делу научно-атеистической пропаганды.

Г. С. САПАРГАЛИЕВ,
доктор исторических наук (Алма-Ата)

В связи с завершением процесса добровольного присоединения Казахстана к России произошли существенные изменения в правовой надстройке казахского феодального общества. С одной стороны, на казахское общество стало оказывать воздействие царское законодательство, регулируя некоторые важные стороны общественных отношений, с другой — нормы шариата стали вытеснять нормы обычного права из сферы семейно-брачных, уголовных отношений. В этих условиях происходили определенные изменения в правосознании людей. Господствующий класс — феодалы — без сопротивления принимал к исполнению как царское законодательство, так и нормы шариата, поскольку они в конечном счете служили их классовым интересам. В нормах царского законодательства были положительные моменты, направленные на ограничение и вытеснение наиболее реакционных патриархально-феодальных обычаев, нравов и традиций. Что же касается мусульманского законодательства, то оно целиком и полностью было реакционным.

В трудах Валиханова нашли отражение события, происходившие в сфере правовой жизни казахского общества в первой половине XIX в. Взгляды его на правовые явления отличаются широтой охвата проблем и глубиной проникновения в их содержание. Валиханов формировался в такой среде, которая являлась средоточием важнейших событий, происходивших в Казахской степи в XIX в. Он хорошо знал казахское обычное право, изучал шариат, русское законодательство, пытался понять их сущность, социальную роль в жизни казахского общества. К оценке их значения он старался подходить с точки зрения влияния их на прогрессивное развитие общества.

Важное значение имеют высказывания Валиханова по истории казахского обычного права, его сущности, содержанию и перспективах. Он считал, что казахское обычное право XIX в. является продуктом исторического развития. Его формирование он связывал с процессом

формирования казахского народа. К сожалению, еще не исследованы взгляды просветителя на историю возникновения казахской народности, поэтому мы ограничимся приведением некоторых его высказываний в связи с нашей проблемой. Он отмечал, что роды и племена, населявшие территорию Казахстана и впоследствии вошедшие в состав казахского народа, до монгольского нашествия имели свои обычаи и «родовые права», которых Чингисхан не смог уничтожить¹.

Он был далек от мысли, что завоеванные монголами племена, образовавшие затем казахскую народность, сохранили в чистоте свои обычаи, систему права, традиции. По его мнению, монгольское право оказало на них определенное влияние. Утверждая, что тюркские племена имели свои обычаи, нравы, Валиханов отмечал, что в результате монгольского завоевания «старое население, без сомнения, слилось с новым, и здесь на законах монгольских нередко возникали орды, отдельные от Золотой или Волжской Орды: Ногайская, или Мангытская Орда на Урале, Синяя Орда до Сейхуна и Тюменская Орда в роде шейбанидов»².

По всей вероятности, Валиханов был склонен к признанию того, что монгольское право не оказало сильного влияния на нормы обычного права казахской народности. В «Записке о судебной реформе» он пишет о древней форме суда казахов и «нормах обычного права, существующих сотни, а может быть, и тысячу лет до нас»³.

Таким образом, история казахского обычного права, по мнению просветителя, уходит в седую древность. В работе его мы не находим сравнительного анализа норм казахского обычного права и монгольского права. О степени влияния монгольского права на казахское обычное право можно судить лишь на основе конкретного сравнительного изучения⁴.

Валиханов понимал, что исследование истории происхождения казахов, форм их общественной организации — задача трудная, поскольку не сохранилось пись-

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата. 1984. Т. 1. С. 170.

² Там же. С. 193.

³ Там же. Т. 4. С. 89.

⁴ С. Л. Фукс пишет, что «по монгольскому праву, которое могло иметь непосредственное влияние на казахское право, смертной казнью карались убийство, прелюбодеяние, блуд, крупная кража и грабеж, отступление в бою и дезертирство». (Обычное право казахов XVIII — первой половины XIX в. Алма-Ата, 1981. С. 108).

менных памятников. Но он считал, что возможно познание прошлого путем изучения истории современных нравов и обычаев. У казахов исторические события, факты нашли отражение в творчестве народа, в произведениях «импровизаторов». «Все эти поэмы в совокупности с обычаями, пословицами, поговорками и с их кодексом прав народных, составляя полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа, дают нам возможность к пополнению известных исторических данных и к определению их происхождения. Изумительно, с какой свежестью сохранили киргизы свои древние предания и поверья»⁵. Он также подчеркивал, что предания казахов ими свято сохраняются в виде родовых воспоминаний.

Именно такими методами познания руководствовался Валиханов при рассмотрении истории общественно-политической организации казахского общества, норм обычного права. Это наиболее отчетливо выступает в его высказываниях об истории суда биев и нормах, регулировавших его организацию и деятельность.

Валиханов придавал важное значение исторически сложившимся общественно-демократическим формам, полагая, что они больше всего содействуют социальному прогрессу. В связи с этим он отмечал наличие двух этапов в истории суда биев и правовых норм, регулировавших его организацию и деятельность. Первый период: с древнейших времен до 20-х годов XIX в., когда был принят устав о сибирских казаках. Второй период, по его мнению, начинается с момента принятия Устава, которым были внесены существенные изменения в нормы казахского обычного права.

Валиханов проводил сравнительное изучение казахского обычного права, норм шариата и законодательства других стран. При этом он исходил из идеи, что для народа хороший закон — тот, который более ему известен, в условиях которого человек вырос и воспитывался. Такой закон, по его мнению, как бы ни был несовершенен, должен казаться ему лучше, понятнее самых мудрых законодательств, взятых извне или навязанных сверху. Здесь он приближается к идее об обусловленности законов условиями внутренней жизни общества. Валиханов считает важнейшим критерием оценки права принцип

⁵ Там же. С. 305.

гуманности. Он писал, что «обычное право киргиз, по той же аналогии высшего развития с низшим, на которое мы так любим ссылаться, имеет более гуманных сторон, чем законодательство, например, мусульманское, китайское и русское по «Русской правде»⁶.

Валиханов остро и содержательно критиковал нормы мусульманского законодательства, направленные на вытеснение более гуманных норм обычного права. Царское правительство на первых порах не придавало особого значения роли и месту мусульманского духовенства в казахском обществе, не видело какой-либо реальной угрозы с его стороны, поэтому не предпринимало каких-либо шагов против него, хотя и отмечало, что казахи — мусульмане только по названию. В «Уставе о сибирских киргизах» указывалось, что «содержание духовенства вообще возлагается на попечение султанов»⁷. Положение об управлении оренбургскими казахами (14 июня 1844 г.), учреждая при пограничной комиссии школу для казахских детей, в ее штат включило законоучителя магометанского исповедания⁸. Таким образом была подведена правовая основа для распространения в степи норм шариата, чем весьма успешно воспользовались эксплуататорская верхушка казахского общества и мусульманское духовенство. Оно стало вмешиваться во все дела, в том числе в семейно-брачные отношения казахов, регулируя их при помощи норм шариата.

Валиханов пишет, что «мусульманские законы никогда не были приняты киргизами и были введены в степи путем правительственной инициативы, вместе с бюрократическими прелестями внешних приказов, «...что способствовало распространению «такого невежественного и дикого учения»⁹. Он раскрывает реакционную сущность ислама, подчеркивает, что целью мусульманского духовенства является доведение казахов «своим влиянием до того слепого религиозного изуверства, при котором так легко живет всем этим старцам, паломникам и

⁶ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 94.

⁷ Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. С. 100.

⁸ Там же. С. 218.

⁹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 99. С. Л. Фукс пишет, что «нормы шариата, преследовавшие за преступления против религии, провозглашались казахскими законоведами как символ веры, а не как практически применяемое право». (Фукс С. Л. Обычное право казахов... С. 205).

дервишам»¹⁰. Оно занимается нравственным растлением казахов, учит ханжеству, обманывает доверчивый народ, погрязло во взяточничестве и других преступлениях. Казахский просветитель указывает на такие черты представителей духовенства, как невежество, безграмотность, шарлатанство.

Валиханов вплотную подходит к пониманию классового назначения и сущности мусульманского законодательства. Он обращает внимание и на отрицательные последствия распространения ислама в казахской степи. Во-первых, мусульманское духовенство запрещало распространение произведений народного творчества и казахских обычаев, традиций. «Наши предания, эпосы, юридические и судебные обычаи они заклеили позорным именем войлочной книги, а наши языческие обряды, игры и торжества они называли не иначе, как бесовскими»¹¹. Во-вторых, оно активно препятствовало распространению среди казахов просвещения и укреплению дружбы с русским народом. Казахи «теперь более чуждаются русского просвещения и русского братства, чем прежде»¹². Исходя из всего этого, Валиханов от имени большинства казахского народа требовал, чтобы «правительство не покровительствовало религии, враждебной всякому знанию и не вводило бы насильственно в степь теологических законов, основанных на страхе и боях»¹³.

Надо отметить, что в объяснительной записке комиссии, созданной для выработки новых положений об управлении казахами (1867 г.), подтверждалось, что в любой волости, иногда и в аулах, есть учителя, муллы, ходжи, которые обучают казахских детей шарияту. Обучение «направлено исключительно на изучение татарской грамоты и магометанского закона», что ведет «к порождению фанатизма, отчуждению от других народов и ненависти к христианам». Комиссия пришла к выводу, что «...пора положить предел влиянию мулл, изъять от них киргизское юношество, ибо от этого зависит ослабление магометанства в степи и большая или меньшая степень успеха сближения киргизов с русскими»¹⁴. Здесь

¹⁰ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 100.

¹¹ Там же. С. 71.

¹² Там же. С. 72.

¹³ Там же. С. 74.

¹⁴ Материалы по истории политического строя. Т. 1. С. 276, 277.

не трудно увидеть созвучие высказываний комиссии с идеями Валиханова. Мы с полным основанием можем утверждать, что если последующие законодательные акты, реформировавшие общественно-политическую жизнь в казахском обществе, не содержали норм, поддерживавших мусульманскую религию, а ограничивали деятельность мулл только сферой религиозного служения, то в этом есть немалая заслуга Валиханова¹⁵. Эти законодательные акты признавали лишь нормы обычного права¹⁶.

Далее, Валиханов писал, что в обычном праве казахов «нет тех предупредительных и устрашающих мер, которыми наполнены новейшие европейские кодексы»¹⁷. Он имел в виду в первую очередь отсутствие в нормах обычного права телесного наказания. Действительно, законы Тауке-хана телесного наказания не предусматривали и в его время суд биев приговоров таких не выносил. Это не означает, что ханы, султаны и старшины не прибегали к помощи кнута в отношении подчиненных¹⁸.

П. Е. Маковецкий писал, что у казахов «телесные наказания... составляют нововведение русских»¹⁹. С. Л. Фукс решительно не согласен с этим. Он пишет, что телесные наказания стали применяться в результате заимствования норм шариата²⁰. Однако Фукс убедительных доводов не приводит. Наоборот, он отмечает, что даже записи обычного права первой четверти XIX в. почти не содержат норм, предусматривающих телесное наказание. А в середине 40-х годов телесные наказания уже применяются в широких масштабах. Конечно, здесь влияние норм шариата нельзя исключить. Неспроста Валиханов решительно выступал против изуверства и суетверия мусульманского духовенства. Введению телесных наказаний в немалой степени способствовало царское законодательство. Положение об управлении оренбургскими казаками от 14 июня 1844 г. установило, что суды

¹⁵ Валиханов писал, что «обязанность мулл необходимо ограничить тесной сферой религиозного служения, исполнения только мусульманского исповедания». (Собр. соч. Т. 1. С. 619).

¹⁶ Материалы по истории политического строя. Т. 1. С. 298, 299, 332, 333.

¹⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., Т. 4. С. 94.

¹⁸ Фукс С. Л. Обычное право казахов... С. 114.

¹⁹ Маковецкий П. Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. 1. Омск, 1886. С. 71.

²⁰ Фукс С. Л. Обычное право казахов... С. 115.

биев за преступления, отнесенные к их рассмотрению, могут определить «телесное наказание розгами»²¹. В Положении сибирского комитета о распространении на казахов Сибирского ведомства общих законов Российской империи от 19 мая 1854 г. говорилось, что при рассмотрении по казахским обычаям дел о воровстве, краже бии были обязаны наряду с применением штрафа приговаривать виновных к наказаниям розгами от 10 до 60 ударов. Причем это наказание носило ярко выраженный классовый характер: от телесных наказаний освобождались султаны, указные муллы, чиновники²².

Валиханов к гуманной стороне обычного права относил такие явления общественной жизни казахов, как жылу, оказание коллективной помощи, коллективная ответственность за проступки однородцев. «Законы родовые, по которым члены рода отвечают за своего родича, при родовых отношениях приносят много практической пользы»²³. Он писал, что нищий мог найти приют, помощь и у богача, и у бедняка. Он полагал, что причиной сострадательности является понятное каждому казаху опасение, что он может обнищать из-за барымты или падежа скота, столь частых в степи. «Потерпевшие от барымты или падежа скота пользуются неотъемлемым правом идти к другим своим родичам со смелым требованием так называемой жылу, т. е. вспомоществования, следующего со всего благополучно пребывающего общества, которое или из сострадания или побуждаемое какими-либо иными чувствами, действительно, делает складчину в пользу первых. Короче сказать, право на требование жылу для кайсака столь же священно, сколь священно для него право на кунакасы, т. е. бесплатный обед или ужин, следующий всякому страннику»²⁴.

Жылу относится к обычаям родовой взаимопомощи, когда-то носившей характер подлинной поддержки и выручки друг друга членами родовой общины. Но в условиях казахского общества XIX в. этот обычай в основном выродился, предоставляя выгоды главным образом богатым скотовладельцам. Последние оказывали «по-

²¹ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. С. 224.

²² Там же. С. 184.

²³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 94.

²⁴ Там же. Т. 1. С. 199.

мощь» обедневшим шаруа и даже целым аулам скотом, за что привлекали их к бесплатному труду в своем богатом хозяйстве. Но такие обычаи, как жылу, представлялись формой родовой помощи.

Однако Валиханов не идеализировал в целом обычное право казахов. Он писал о многих темных сторонах обычного права: «...в самом народе нашем таится много темных предрассудков и вредных обычаев. Вытравление плода, выдавливание его в последний период беременности, убийство дитяти после рождения у нас в общественном мнении преступлением не считается. Оттого по статистическим источникам преступления эти между киргизами не значатся»²⁵. Он считал вредными многие нормы адата, регулировавшие семейно-брачные отношения. Он писал об обычае казахов «отдавать дочерей своих в замужество в слишком юных летах и большей частью без их согласия. Киргизы сговаривали детей своих иногда в колыбели»²⁶. В письме к А. Н. Майкову он отмечает отрицательные стороны обычаев и нравов, господствующих в казахском обществе. Он считал их «неверными заблуждениями, которые освещены временем. На все свои убеждения и обычаи они находят готовый аргумент старины и думают, что правы»²⁷.

Валиханов считал необходимым изменить обычаи о неравноправии в семейно-брачных отношениях, особенно о бесправии женщин. Для этого, по его мнению, необходимо было обязать местную администрацию «иметь строгое наблюдение, дабы киргизы не выдавали дочерей таких-то лет, дабы отцы не принуждали своих сыновей и дочерей вступать в супружество без личного их согласия и т. д.»²⁸. Эти идеи Валиханова нашли в какой-то мере отражение во временном положении, установившем, что «в брачных делах сторона, недовольная решением народного суда, может обратиться с жалобой к уездному начальнику, который решает дело»²⁹.

Конечно же, эксплуататорская верхушка казахского общества была недовольна этим положением, противоречившим патриархально-феодалным нормам, и со вре-

²⁵ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 75.

²⁶ Там же. С. 103.

²⁷ Там же. С. 66.

²⁸ Там же. С. 103.

²⁹ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. С. 334.

менем добилаь его отмены. Степное положение от 25 марта 1891 г. все вопросы семейно-брачных отношений передавало на окончательное решение суда биев в соответствии с нормами обычного права.

Валиханов осуждал такое распространенное в степи и освященное обычаями казахов явление, как барымта. Он отмечал, что барымта допускалась иногда и законами казахов. Давая определение барымты, он полагал, что барымта древнего происхождения и сложилась как обычай для получения удовлетворения обиженным, оскорбленным от убийц или обидчиков, которые не хотели идти на суд.

К «темным сторонам» казахского обычного права Валиханов относил также нормы, которые устанавливали возможность выкупа за убийство и т. д. Он писал, что «за убийство, грабеж и хищничество непременно следует судить по русским законам, так как киргизские судебные обычаи и в этом отношении крайне неудовлетворительны, оценивая жизнь человека во сто лошадей и в 6 хороших вещей»³⁰. Такое соображение нельзя сводить к простому предложению о замене одной нормы другой. Здесь нужен гуманный подход. Именно осуждение, применение уголовного наказания за убийство должно внести идею ценности человеческой жизни, идею воспитательного воздействия на людей. Видимо, в этом и состоит значение мнения Валиханова.

«Устав о сибирских киргизах» установил, что убийство, грабеж и барымта у казахов рассматриваются окружным приказом, наделенным судебными функциями, на основании общих законов империи³¹. В таких условиях, казалось бы, не было необходимости Валиханову писать о передаче рассмотрения указанных преступлений имперским судам. Причиной этого, по нашему мнению, может быть то, что такие дела рассматривались фактически судом биев, так и не поступая в ведение окружных приказов. Это прекрасно знал Валиханов. Д. Андре в докладной записке председателю Оренбургской комиссии 3 ноября 1846 г. отмечал, что много дел в степи остаются не оконченными и султаны-правители ничего не могут сделать с этим³². В объяснительной

³⁰ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 96.

³¹ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. С. 103.

³² Там же. С. 247.

записке Комиссии к проекту положения об управлении в казахских степях от 1867 г. отмечалось, что казахи избегают существующего в степях русского суда. Комиссия предлагала предоставить казахскому народу судиться «...по местным обычаям, с возможным расширением прав народного суда»³³. Надо сказать, что предложение комиссии нашло отражение во Временном положении об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях от 21 октября 1868 г. Как и в Уставе о сибирских казаках, это Положение устанавливало, что казахи судятся по уголовным законам империи за убийство, разбой, грабеж и барымту. Но в отличие от Устава в нем дано примечание, которое предоставляло право казахам, если они пожелают, искать с имуществва, осужденного русским судом, вознаграждения по народным обычаям³⁴.

Излишне доказывать, что это примечание по существу оставило в ведении суда биев и рассмотрение подобных дел на основе норм обычного права. А проект Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей от 11 июля 1867 г. вообще предоставил народному суду рассмотрение барымты и убийства среди казахов³⁵. И в дальнейшем Положение не изменилось. Царская администрация, поддерживая обычное право, тем самым поддерживала эксплуататорскую верхушку, которая творила суд в степи в своих классовых интересах. Массы народа постепенно убеждались, что и «народный» суд и нормы обычного права служат интересам богатых и стали выражать открытое недовольство ими. «Темные стороны» казахского обычного права, о которых писал Валиханов, становились очевидными широким массам, о чем неоднократно сообщали чиновники местных органов. Семипалатинский губернатор писал, что «киргизы сами стонут под игом народного суда и прибегают ко всяким уловкам, чтобы передать свои дела в разбор русского суда, превращая в своих бесчисленных прошениях простые кражи, грабежи, драки в убийства»³⁶.

Итак, те нормы обычного права казахов, которые

³³ Там же. С. 265.

³⁴ Там же. С. 329.

³⁵ Там же. С. 103.

³⁶ Там же. С. 423.

вызывали отрицательное отношение Валиханова, выражали классовый характер наиболее рельефно и четко. Если какие-нибудь нормы обычного права казались более «гуманными», то это было лишь остаточным внешним проявлением некогда демократических обычаев родового строя. Обычное право казахов как определенная система правовых норм, обычаев было правом патриархально-феодального казахского общества.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ О ПОНЯТИИ БАРЫМТЫ

А. Н. ТАУКЕЛЕВ,

кандидат юридических наук (Алма-Ата)

К середине XIX в. казахские жузы переживали тяжелый период внедрения новых административных и судебно-правовых систем. Вопреки традиционным правовым представлениям были определены новые составы преступления и соответствующие наказания и введена сложная судебная система. Институт барымты законодательно был отнесен в разряд тяжких уголовных преступлений, но при этом не раскрывался состав, признаки и виды этого правонарушения.

Изъятие споров-тяжб, связанных с барымтой, из юрисдикции суда биев при неопределенности понятия состава этого преступления не только породило сложности при применении законов, но и способствовало небывалому росту самых различных видов барымты. Институт барымты привлек особое внимание в период подготовки судебных реформ.

Ч. Ч. Валиханов был одним из немногих авторов, давших научную интерпретацию барымты как истари существовавшему институту у кочевых скотоводческих народов и выражавшемуся в правомерном (легальном) средстве обеспечения решения суда биев или иной неудовлетворенной законной претензии самими потерпевшими. Определяя правомерную барымту («явную», «открытую») как захват чужого скота или чужих вещей... за неуплаченный долг-калым или «кун», он обращает внимание на признаки легальной барымты,

регламентируемые нормами обычного права, обращает внимание на то, что по казахскому правосознанию легальная барымта не является преступлением.

В отличие от правомерной барымты противоправная, «воровская» (как тайное похищение скота или имущества с целью наживы) считается преступлением; правосознанием четко разграничиваются кража, грабеж и правомерная барымта.

Правомерная барымта, хотя и являлась самоуправным действием по имперскому законодательству, не заслуживала, по мнению Валиханова, квалификации как серьезное уголовное преступление. Учитывая всеобщую распространенность и принимая во внимание «взгляд народный... и в силу обычая» на барымту, он считал необходимым различать правомерную (легальную) и неправомерную — преступную барымту.

Вопреки имперскому законодательству дела о барымте Валиханов предлагал передать в юрисдикцию суда биев. Это мнение Валиханова об изменении квалификации и подсудности дел о барымте не были приняты во внимание, так как шли вразрез с общей стратегической политикой царизма в Казахстане. К середине XIX в., когда была значительно изучена система казахского обычного права и имелась судебно-административная практика по делам о барымте, не составляло большого труда понять социальную и правовую природу барымты.

Царское правительство под видом борьбы с барымтой производило «воинские поиски», подавляло антифеодальные и антиколониальные выступления. Институт барымты использовался консервативными силами в междоусобных распрях.

Концепция Валиханова о барымте наряду с другими его правовыми идеями явилась значительным вкладом в казахскую историко-правовую мысль, и ученый по праву занимает видное место в истории политико-правовых учений народов России.

ВОПРОСЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ТРУДАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

ОСНОВОПОЛОЖНИК ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВ,
член-корреспондент АН Казахской ССР

Как востоковед Ч. Ч. Валиханов сформировался под влиянием трудов русских ученых, таких, как А. Н. Левшин, Н. Я. Бичурин и др. Он был знаком и с произведениями Плано Карпини и Рубрука, Клапрота и Ремюзы. Осмысливая прочитанное, Валиханов высоко оценивал то, что было сделано этими исследователями для востоковедения. Именно ему принадлежит крылатое определение, данное им Левшину: «Геродот казахского народа». Почитал Чокан и выдающегося русского синолога Бичурина. Вместе с тем в размышлениях Валиханова мы находим и понимание того, что востоковедение находилось тогда на том уровне, на котором его предшественникам не удалось преодолеть до конца рамок традиционных летописей, противоречивых утверждений, необоснованных догадок, фактических ошибок, проистекавших от поверхностного, порой одностороннего знания жизни народов Востока. Может быть, потому почти грустно звучат его слова: «Восточная часть Центральной Азии, собственно Центральная Азийская возвышенность, со всеми мировыми вулканами и загадочными народами остается до сих пор совершенно непроницаемой *terra incognita* несмотря на большие успехи географии в последнее время. Ежегодно читаем мы известия о путешествиях во внутрь Африки и Австралии, о великих открытиях, совершенных бесстрашными путешественниками в пользу науки, но до сих пор не было ни одной попытки проникнуть во Внутреннюю Азию. Неужели Азия — колыбель человечества — менее любопытна, нежели Африка?»¹ Ч. Валиханову принадлежат и эти стро-

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 305.

ки: «Над Средней Азией висела до сих пор какая-то таинственная завеса. Несмотря на близкое соседство двух могущественных европейских держав — России и Англии — большая часть ее все-таки остается для европейской науки во многих отношениях малодоступною»².

Кстати, и русские летописи изучались востоковедами недостаточно глубоко и серьезно, а потому остались незамеченными многие содержащиеся в них данные о событиях и конкретных исторических личностях соседних восточных стран. К такому выводу пришел казахский ученый, сопоставляя содержание эпического казахского сказания о Едыге с русской никоновской летописью.

Ч. Ч. Валиханов поддержал прогрессивно мыслящих русских ориенталистов в их борьбе с европоцентристскими тенденциями в науке, в частности, с пренебрежительным отношением западных ученых даже к письменным свидетельствам восточных авторов. Изучая Восток, они стремились в лучшем случае опираться лишь на древнегреческих авторов, в худшем — на сомнительные и поверхностные описания странствующих невежд. Между тем, как показали исследования современника Чокана русского востоковеда В. В. Григорьева, восточные источники, не отличающиеся научным профилем, могут, однако, иногда содержать бесценные исторические сведения. Так, поэма Низами «Искандер-наме» достоверно и точно рассказала о походах русов.

Но, как писал Ч. Ч. Валиханов, и этого еще недостаточно для успешного исследования Востока, особенно кочевых народов Азии. Он впервые в востоковедческой науке поставил вопрос об использовании устно-поэтических произведений, эпических сказаний, легенд, сказок, их роли в реконструкции прошлого, быта, культуры, общественного строя, психологии и нравов. Кроме всего прочего, доказывая Чокан, обращение к данному пласту достоверных источников помогло бы воочию раскрыть духовные богатства кочевых народов, способствовало бы опровержению бытующего в Европе ложного представления о номадах как об отсталых сообществах, примитивных и диких варварах, лишенных каких-либо ценностных идеалов и культурных традиций. Валиханов

² Там же. С. 392.

считает, что фольклор представляет ценность как «произведения чисто народного ума, обуславливающие чувствование, жизнь и прогресс всей массы общества, наконец, как ... произведения, вылившиеся из уст всего народа как от лица одного существа, они не лишены как исторического, филологического, так и психологического интереса»³.

Методологические принципы развития востоковедения, которыми руководствовался Ч. Ч. Валиханов, состояли в том, что он, ратуя за использование устно-поэтических сказаний и фольклора, отнюдь не отрицал необходимости опоры на все другие виды источников, включая нарративные письменные, нумизматические, правовые, добытые в полевых условиях непосредственные впечатления и т. д. В своей научной деятельности Чокан Валиханов стремился привлекать сведения из самых различных источников, перепроверяя и сравнивая их: «Согласовать сказания одного с сказаниями другого, чтобы иметь связь и последовательность, составляет труд если не неодолимый, то по крайней мере тяжкий и почти невозможный без предположений и догадок... хронографическое изучение современных кочевых народов, их быта, обычаев, преданий и языка представляет второй вспомогательный источник, который может служить в разъяснении первого»⁴, то есть письменных источников соседних оседлых народов.

Все свои научные исследования этот бесконечно строгий к себе ученый стремился довести до высокого совершенства и убедительности. Поэтому многие его труды остались незавершенными. Посвященные в эти творческие «секреты» Чокана современники справедливо указывали: «Те отрывки из трудов Валиханова, которые были напечатаны в изданиях общества, далеко не исчерпывают всех собранных им обширных и богатых материалов, касающихся до географии, истории и этнографии среднеазиатских государств и в особенности киргизского народа. Для собрания этих материалов Валиханов не щадил ни труда, ни жертвований: тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа, изучал среднеазиатские наречия, дорогою ценою скупал древности, находимые туземцами в старых развалинах и моги-

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 388.

⁴ Там же. С. 347—348.

лах, с опасностью для жизни проникал в буддийские монастыри и доставал там редкие рукописи»⁵.

Думается, глубокая научная оценка вклада Ч. Ч. Валиханова в востоковедение станет возможной при более основательном изучении его наследия. Пока же мы не можем ответить на многие вопросы. Но бесспорно одно: его работы о Кашгарии, Киргизии заняли достойное место в науке о Востоке еще в середине XIX в. «История полувековой деятельности Русского Географического общества 1846—1895 гг.,— писал П. П. Семенов-Тянь-Шанский,— закрепила первенство Валиханова в исследовании Кашгара для мировой науки»⁶. Неоценимый вклад в востоковедение внесли и его работы по истории, этнографии, фольклористике, искусству, лингвистике казахов, киргизов, узбеков, уйгуров, монголов и других народов Средней, Центральной Азии, Казахстана и Сибири.

Еще при жизни Ч. Валиханова его работы публиковались в научных журналах. А в 1904 г. Н. И. Веселовским был издан сборник его работ.

Европейская научная общественность проявляла большой интерес к его трудам по Восточному Туркестану: «Очерки Джунгарии», «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии)». Последователи А. Гумбольдта и К. Риттера Ерман и Питтерман способствовали распространению трудов казахского ученого в Австрии и Германии. Братья Джон и Роберт Митчел перевели их на английский язык и снабдили это издание вступительными комментариями, в которых сообщались краткие биографические сведения о Валиханове и давалась оценка научным исследованиям. «Его описание Кашгарии и политического положения Восточного Туркестана,— подчеркивалось в статье,— служит важным вкладом в скудные сведения, которыми мы располагали об этой стране»⁷.

Фрунцузский публицист Эмиль Жанво сделал перевод и публикацию отрывков из указанных работ Валиханова и дал высокую оценку подвигу ученого-путешественника. «После Марко Поло и иезуита Гоеса один только путешественник осмелился пробраться в эти

⁵ Там же. Т. 5. С. 275.

⁶ Семенов-Тянь-Шанский П. П. История полувековой деятельности Русского Географического общества. Спб., 1896. Ч. 1. С. 276.

⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 100.

негостеприимные страны (Восточный Туркестан). Это был несчастный Адольф Шлагинтвейнт, который заплатил жизнью за свое отважное предприятие. Этот пример не охладил предприимчивости последователей, и благодаря трудам русского офицера Валиханова мы имеем теперь драгоценные данные для истории и уяснения политического положения (Восточного Туркестана)»⁸. Труды Валиханова были хорошо известны крупному французскому ученому-географу Э. Реклю, английским ученым и журналистам Мервину, Роулинсону, Троттеру, Бидольфу и др.

Интерес науки к Восточному Туркестану был вполне объясним. Он являлся средоточием древней индо-иранской и китайской цивилизации, местом сплава кочевого тюркского мира и оседло-земледельческой, оазисной культуры, пестрым котлом разнообразных этнических общностей, культур и религий, названным еще Птолемеем легендарной Сериндией. Здесь в древности проходили караваны с шелком, сюда проникали когда-то великие путешественники Сюань Цзянь, Марко Поло и др.

В фундаментальных трудах, дневниках и путевых заметках ученого содержатся исключительно глубокие по степени своего проникновения в предмет исследования суждения и выводы об образе жизни тюркского населения, воздействии на него китайской культуры и усвоении им культурных инноваций из Средней Азии и Индии. Впервые в мировой науке Ч. Валихановым была дана всеобъемлющая картина современного ему политического, социально-экономического и культурного положения в Кашгарии, вскрыты и показаны особенности цивилизации, многие аспекты этнической истории, этнокультурной ситуации в стране. Непревзойденным остается его очерк природы, климата, географических особенностей Кашгарии, бесценны сделанные на скорую руку и скрытно от местных жителей его портретные зарисовки.

За год до поездки в Кашгар по рекомендации выдающегося географа П. П. Семенова-Тян-Шанского Чокан Валиханов, как известно, в возрасте 22 лет был избран действительным членом Русского географического общества. Это было признанием его замечательных науч-

⁸ Там же. Т. 5. С. 282.

ных открытий, которые он сделал в своих поездках по Северному и Центральному Казахстану, Семиречью и Киргизии.

Свежо и остро звучат и поныне его кашгарские труды «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан Лу», «Очерк Джунгарии», в которых он воссоздал во всем объеме мрачную картину межнациональных, феодальных и религиозных распрей, грабежа и насилия, тяжелейшее положение трудящихся масс, какой-то патологический кризис развития, приведший население на грань дикости и религиозного фанатизма.

На протяжении всей своей деятельности и особенно в последние годы Ч. Ч. Валиханов борется в своих остро-публицистических статьях и записках против насаждения религии, дальнейшей реформы местного судопроизводства. Просвещенный ходатай своего народа, состоявший «с Магометом ... в личной вражде», не мог равнодушно смотреть на то, как мусульманская религия гасит в народе «всякую искру самобытности, всякую национальность». С горечью писал он о трудностях борьбы с религией и мистикой: «Истина, как бы она ни была светла, не может изгнать самых неверных заблуждений, когда они освещены временем»⁹.

Ч. Ч. Валиханов в «Записке о судебной реформе» поднялся до понимания классовой противоположности и непримиримости между баями и султанами, с одной стороны, и беднейшей массой большинства, небогатых, нечиновных и нетитулованных простых казахов — с другой.

В творческом наследии Ч. Валиханова о Востоке привлекает идея его дальнейшего глубокого изучения. Как истинный представитель просветительства, он видел перспективу развития своего народа в приобщении к знаниям и культуре.

⁹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 5. С. 153.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ ОБ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Б. А. АХМЕДОВ,
академик АН Узбекской ССР (Ташкент)

Чокан Валиханов поистине принадлежит к плеяде выдающихся ученых XIX столетия, оставивших после себя богатейшее научное наследие, охватывающее историю, географию и экономику Средней и Центральной Азии, многие из районов которых он посетил во время своих нелегких путешествий.

Весьма заметный вклад ученый внес в изучение Средней Азии — ее политической истории, государственного устройства Кокандского ханства, его торговых и политических связей с другими странами, жизни, быта и нравов населявших Среднюю Азию народов и племен. Богатые сведения об этом содержатся в следующих трудах ученого: «Записки о киргизах», «Дневник поездки на Иссык-Куль», «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии)», «Очерки Джунгарии», «Записки об организации поездки в Кашгар», «Записки о Кокандском ханстве» и др.

Большое место в трудах Чокана Валиханова занимает изучение истории киргизского народа в самом широком плане. С присущей ему тщательностью он описал территорию Киргизии, родоплеменной состав, жизнь, быт и нравы киргизского народа, его историю и определил его место в социально-политической истории народов Средней и Центральной Азии. Большое значение имел вывод ученого об автохтонном происхождении киргизского народа. К этому выводу он пришел на основе изучения многочисленных преданий киргизов, которые «по характеру своему чрезвычайно древние»¹. При изучении персоязычных и тюркоязычных сочинений XVI—XIX вв. мы обнаруживаем много фактического материала, подтверждающего выводы Ч. Ч. Валиханова о том, что киргизы обитали в окрестных с Андижаном и Ошем

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5-ти т. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 54.

горах еще в XV в.² Но считать, что вопрос этот исчерпан, нельзя — он требует дальнейшего всестороннего изучения на основе письменных и других источников. Можно сказать одно — первым к такому выводу пришел Чокан Валиханов, которого «с полным основанием можно считать основоположником киргизской историографии»³.

Важные сведения содержат труды Ч. Ч. Валиханова о торгово-экономических, политических и культурных связях Средней Азии с Россией и Восточным Туркестаном.

Говоря о торговых связях среднеазиатских ханств (в большей части Кокандского ханства) с Восточным Туркестаном, Ч. Ч. Валиханов приводит чрезвычайно интересные, ценные сведения. Эти факты касаются как состава иностранцев в городах Восточного Туркестана, занятых в основном ремеслом и торговлей, так и самой среднеазиатской торговли в городах этой страны. «...По численности и значению первое место принадлежит кокандцам, потом бухарцам, затем следуют бадахшанцы, кашмирцы и балти. Последние три народа живут преимущественно в Еркенде и Хотане. Кроме того, много авганов (кабульцы и логаны), евреев (бухарских), индусов, персиян, ширванцев и татар. Все иностранцы, кроме бадахшанцев, кашмирцев и балти, которые имеют своих старшин, известны китайцам под именем «Аньцзи-джан» (андижанцев)⁴ и, согласно договору⁵, подчинены кокандскому аксакалу, живущему в Кашгаре, который имеет права резидента и консула». Интересны и сведения, приведенные ученым о численности иностранцев в Восточном Туркестане: «Самое большое число их в Кашгаре... полагали до шести тысяч одних андижанцев... После Кашгара второе место по распространению иностранцев принадлежит Хотану, потом Еркенду, менее всего иностранцев в Аксу и Уу-Турфане. В Кашгаре думают, что число иностранцев равняется 1/4 части

² Ахмедов Б. А. К изучению политической истории Киргизии XV века. ОНУ, 1961. № 5. С. 29—34.

³ Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Чокан Валиханов-востоковед. Алма-Ата, 1985. С. 75.

⁴ В другом месте (Кашгарский дневник//Собр. соч. Т. 3. С. 44) всех среднеазиатцев называют андижанцами.

⁵ Речь идет о китайско-кокандском договоре 1831 г. Подробно см. ниже.

туземного населения, следовательно около 145 тыс. душ»⁶.

Важны сведения ученого о главном предмете среднеазиатской и кашгарской торговли. Согласно приведенным им данным, главную статью среднеазиатской торговли в Восточном Туркестане составляли дараи, золотая парча, индиго, шелковые материи, мерлушка, скот, опиум, табак и другие изделия среднеазиатского ремесла, из Восточного же Туркестана вывозили чай, даба, хлопок, шелк, бязь, ковры, войлок, фарфоровую посуду и серебро.⁷ Надо сказать, что купцы из Средней Азии вели там торговлю и западноевропейскими товарами: швейцарские, французские и английские ситцы ярко-красного и алого цвета, английские и американские коленкоры, английский красный бумажный кашемир, белый муслин и др.⁸

Среднеазиатские купцы, особенно кокандские, посредничали и в русской торговле в Восточном Туркестане. «Русские товары,— свидетельствует Чокан Валиханов,— достигают Кашгара через Коканд и Кульджу»⁹. В Кашгар привозили следующие изделия русских мануфактур: сукно, драдедам, ситцы, нанки, миткаль, зон (вид коленкора), холстинка, муслины для чалмы, шелковые материи, парчи, рижский бархат, зеркала, кошинеель, перец, гвоздика, нашатырь, ртуть, киноварь, различные металлы (железо, медь, олово) и металлические изделия (самовары, чайники, тарелки, тазы, котлы, подносы, подсвечники, замки) и др. «Все выгоды кашгарской торговли находятся в руках кокандцев»,— заключает Чокан Валиханов¹⁰.

Таковую же роль для Средней Азии, России и стран Среднего Востока играл Восточный Туркестан в торговле с Китаем. Об этом сообщается в рапорте графа Нессельроде, управляющего Министерством иностранных дел, от 5 декабря 1826 г., приведенном Ч. Ч. Валихановым¹¹.

⁶ Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии) // Собр. соч. Т. 3. С. 160—161, 162.

⁷ Там же. С. 199, 200—212.

⁸ Там же. С. 207—209.

⁹ Там же. С. 209.

¹⁰ Там же. С. 205—206, 213.

¹¹ Валиханов Ч. Ч. Черновой материал о восстании в Кашгаре в 1825 г. // Собр. соч. Т. 2. С. 320.

Ученый уделяет большое внимание вопросам политических взаимоотношений между Средней Азией и Восточным Туркестаном. Из приведенного им материала хорошо прослеживается политика и Кокандского ханства, и Цинского Китая по отношению к Восточному Туркестану. У него, в частности, читаем: «...Представляя Коканду обширные привилегии, богдыханское правительство требует от них одного — иметь надзор за ходжами и не позволять им предпринимать газат (священную войну.— Б. А.)»¹². Такая договоренность была достигнута в 1831 г. и была обусловлена интересами обеих сторон: кокандское правительство стремилось, по крайней мере, удержать цинскую экспансию на рубеже Восточного Туркестана, а Цинский Китай — любыми средствами удержать в своих руках этот важный во всех отношениях регион Центральной Азии.

Труды Ч. Ч. Валиханова содержат также важные сведения о политических, торговых связях Бухарского и Кокандского ханств с Россией. Мы находим их в статьях ученого: «Дело о возвращении из Тибета татар Абдрашитова и Сейфуллина, сопутствовавших надворному советнику Рафаилову» (говорится о посвящении бухарских купцов Загура (Зухура) Зарипова и Муса-хана Петербурга и о сборе каравана в Семипалатинске во главе с ташкентским купцом мулла Мансуром Мамасеитовым для отправки в Кашгар и дальше в Тибет), «Сведения о войне кокандцев с Китаем в Кашгаре в 1830 г.» (говорится об отправлении кокандским ханом осенью 1830 г. посольства в Россию во главе с Мухаммад 'Али-ханом), «О кокандском посольстве» (говорится о прибытии в Акмолинск и Петропавловск кокандского посольства), «Записки об организации поездки в Кашгар» (содержатся сведения о торговле андижанцев в Семипалатинске) и др.¹³

На внутреннем положении Кокандского ханства Ч. Ч. Валиханов специально не останавливается. Тем не менее то немногое, что мы находим у него об этом, весьма важно. Так, например, кратко, но четко изложил ученый политическое положение Кокандского ханства при Шерали (1258/1842—1261/1845), первом правлении Худайара (1261/1845—1275/1858) и Малла-хане (1275/

¹² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 184—185.

¹³ Там же. Т. 2. С. 316—318, 352. Т. 3. С. 44, 46, 308—312.

/1858—1278/1862), уделив при этом особое внимание изучению межфеодальной борьбы и династийных распрей; показал административное устройство этого государства, останавливаясь на бухарско-кокандских отношениях после 1856 г.¹⁴ Говорит также и о тяжелом положении киргизов и покорении их Кокандским ханством во времена Мухаммад-Али-хана (1237/1821—22—1258/1842), вернее в первой половине правления его. При этом ученому удалось установить, что «вообще власть кокандцев (среди киргизов) поддерживается только особенной политикой и уступчивостью, к которой нынешний комендант (укрепления Куртки, основанного в 1832 г. кокандским мингбаши Хаккули в верховьях Нарына.— Б. А.), по-видимому, очень привык. Для поддержания своей власти он имеет аманатов (залог) из хорошей фамилии, поддерживает посредством подарков и наущений постоянную вражду между начальниками родов»¹⁵. Об интересе ученого к Кокандскому ханству свидетельствует также его «Генеалогическая таблица кокандских правителей» и приводимые в его работах многочисленные маршруты, как-то из Кашгара в Ош, Коканд и Ташкент¹⁶.

Труды Чокана Валиханова богаты и этнографическими сведениями, особенно о народах Средней и Центральной Азии. При этом его интересует не только племенной состав того или иного народа, но и расселение этих народов¹⁷. Вот например, показывает он состав и расселение узбекских племен и родов: «Узбеки туркестанские, как видно из родового деления их, составляли также союз племен, но союз гораздо обширный, нежели союз казахов. Вот роды узбеков бухарских: конрад (конгурат)— в Карши, мангыт — в Бухаре, хитай — в Яр-Кургане, кыпчак — в Талекане, найман — в Зеидине (Зийааддине), джалаир — в Пунджшамбе (Пянджшамбе), сари и йабу — в Карши, сары-кита — в Кургане, диахли, минг, митан, бахрин, буркут, катаган, чендер, каракалпак и др. Кроме бухарских род юз — в Коканде,

¹⁴ Валиханов Ч. Ч. Записка о Кокандском ханстве // Собр. соч. Т. 3. С. 314—322.

¹⁵ Валиханов Ч. Ч. Кашгарский дневник 1 // Собр. соч. Т. 3. С. 30—33, 34.

¹⁶ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 245—249, 257—265, 313—314.

¹⁷ Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах // Собр. соч. Т. 2. С. 154—155.

лакай и юз — в Гисаре, конгурат в Байсуне и Ургянже — Хиве, дурман — в Кубадиане, катаган — в Кундузе, мойтан — в Кумуше, канезы — в Гейбаке (Хайбаке) и Ташкенте, кыпчак — в Болоре, Хиве, Коканде, ябу — тоже в Болоре»¹⁸. Правда, им перечислены не все племена и роды узбекские — согласно «Насаб-наме-йи узбек» и «Асами-йи наваду ду фирка-йи узбек» — их 92¹⁹. Тем не менее, эти сведения Чокана Валиханова, особенно то, что указывает он на расселение этих родов и племен, будут полезны исследователям при разработке этнической истории узбеков.

Несколько слов об источниковедческой базе трудов Чокана Валиханова, об отношении его к различного рода источникам.

Прежде всего надо сказать, что Ч. Ч. Валиханов, когда ему приходилось говорить о прошлом, не повторяет своего предшественника, а по мере возможности поправляет и дополняет его, обращает при этом особое внимание на быт, нравы, обычаи и культуру народов, коих ему приходилось посещать. Так, в «Очерках Джунгарии» читаем: «Физический характер этих местностей (Семиречья, Заилийского края и озера Иссык-Куль. — Б. А.) хорошо уже известен по прекрасным съемкам Сибирского штаба и в научном отношении исследован гг. Шренком, Влангали, Семеновым и Голубевым. Впрочем, известия эти ограничивались только предметами физической географии и совершенно не касались этнографии... Я буду говорить только о том, что было пропущено или не замечено...»²⁰

Многие труды ученого, как например, «Записки о киргизах», «Очерки Джунгарии», «О состоянии Алтышара», «Записка о Кокандском ханстве», «Сведения о войне кокандцев с Китаем в Кашгаре в 1830 г.» и др., написаны на основе разного рода источников: на местном письменном источнике, устной информации сведущих лиц, народных преданий и официальных документов как местной, так и русской администрации Западной Сибири. В основу его работ легли также собранные им во время путешествий сведения.

Словом, труды Чокана Валиханова отличает широ-

¹⁸ Там же. С. 154—155.

¹⁹ Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии С. 129—131.

²⁰ Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии//Собр. соч. Т. 3. С. 328.

кая документированность. В них мы видим материал, почерпнутый из работ Джувеини (1226—1283), Рашид ад-Дина (1247—1318), Мирзы Мухаммед Хайдара (1500—1551), Али ибн Хусейн Кашифи (ум. в 1532 г.) и др. (посредством Дегины, Д'Оссона, Бартольда, Вельяминова-Зернова), китайских источников (посредством Клапрота, Бичурина и др.). Источниками же на узбекском и уйгурском языках (Абулгази Бахадур-хана, Мухаммед Садык Кашгари, Джалаири и др.) он свободно пользовался и хорошо их знал, о чем свидетельствуют его изыскания над «Джами'ат-таварих» (Сборник летописей), составленным Джалаири, служившим при Ураз Мухаммед-хане, племяннике казахского хана Таваккеля, впоследствии правителя г. Касимова²¹, и его замечания относительно изданных И. Н. Березиным (1818—1896) в 1850 г. ярлыков Тохтамыша (1381—1406), Тимур-Кутлука (1395—1400), Саадат-Гирея (1523—1527) и Давлет-Гирея (1551—1577)²².

Ч. Ч. Валиханов придавал большое значение и народным преданиям как важному этнографическому источнику, в котором «лучше всего выражается характер народного быта и нравов»²³. Дошедшими преданиями и легендами ученый пользовался, в частности, для обоснования происхождения казахов («Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды»), киргизов («Дневник поездки на Иссык-Куль», «Записки о киргизах», «Очерки Джунгарии») и др.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

А. А. САДЫКОВ,
член-корр. АН Киргизской ССР (г. Фрунзе)

Действительный член Русского географического общества, талантливый казахский ученый Чокан Чингисович Валиханов оставил потомкам труды по исследованию истории и культуры киргизского народа.

²¹ Валиханов Ч. Ч. Письмо проф. И. Н. Березину // Собр. соч. Т. 1. С. 163—172. С. 228—254.

²² Там же. С. 104—114.

²³ Там же. С. 163.

Киргизский и казахский народы — народы братья, издавна живущие по соседству, имеющие много общего в языке, культуре, традициях и обычаях. Отсюда ясно, почему Ч. Валиханов в одинаковой мере интересовался историей и культурой казахского и киргизского народов. В результате двух поездок по Киргизии он написал: «Дневник поездки на Иссык-Куль» (1856), «Записка о киргизах» (1856) и «Очерки Джунгарии» (1860). В этих работах подробно описана природа края и изложены его научные взгляды по истории, географии и культуре киргизского народа.

Труды Валиханова широко известны киргизским ученым и служат бесценными источниками в их научных изысканиях. Исследуя историю Киргизии, ученый прежде всего отмечает, что киргизы являются одним из древних народов Средней Азии, известных за сотни лет до нашей эры под именами кянь-кунь¹, хякас, киликидзы. Он собрал обширный материал из летописей, других письменных источников, а также предания и легенды, касающиеся проблемы этногенеза киргизского народа.

В середине XIX в. существовали различные толкования об этногенезе киргизского народа. Одни считали киргизов исконными жителями Тянь-Шаня или, как выразился Чокан Валиханов, «Андижанских гор». Другие утверждали, что киргизы — народ, перекочевавший с Енисея. Чокан Валиханов разделяет первое мнение. В доказательство он приводит сведения киргизского эпоса. «Предания киргизского народа, — пишет ученый, — с точностью достойной вероятия, отрицают господствовавшее мнение, почти фактически подтвержденное многими учеными о них, как о переселенных сибирских киргизах»².

Ч. Валиханов, говоря о дикокаменных киргизах, издавна живущих на нынешних местах, т. е. в горах от Кашгара до Андижана³, тем не менее не отрицает когда-то существовавших связей между енисейскими и тянь-шанскими киргизами. При этом Чокан Валиханов определенно отождествляет енисейских киргизов с хакасами. Вот основное заключение его о киргизах: «1. Народ, означаемый именем дикокаменных, черных киргиз, называет себя просто *киргиз*, или, как сами они произ-

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 347.

² Там же. С. 359.

³ Там же. С. 356.

носят, *кыргызы*. Название *бурут*, данное им калмыками и китайцами, совершенно им не известно. 2. Киргизы считают своей первой родиной Андижанские горы. 3. Предания о переселении из Южной Сибири между ними не сохранилось, но есть предание о том, что они кочевками своими с юга на севере распространялись до Черного Иртыша, Алтая и Хангая, а на восток до Урумчи»⁴.

Размышление Чокана Валиханова об этногенезе киргизского народа во многом совпадает с позицией современных историков Киргизии.

Авторы многотомной «Истории Киргизской ССР» высказывают мнение о том, что «процесс формирования киргизской народности как этнополитической общности протекал в основном на ныне занимаемой киргизским народом территории, уходит своими истоками в 2—3-тысячелетнюю давность и завершается к XVI веку... — енисейские киргизы не являются прямыми и непосредственными предками киргизского народа, на их этнической основе сложилась хакасская народность... Сложность заключается в том, — отмечается в данном многотомном труде, — что источниками засвидетельствовано существование двух общностей под названием «кыргызы» — в Южной Сибири и в горах Тянь-Шаня и Памир-Алая»⁵. Как видите, Ч. Валиханов был прав по основному вопросу этногенеза киргизского народа, считая киргизов коренными жителями Тянь-Шаня.

При описании традиций и обычаев, различных обрядов киргизского народа Чокан Валиханов выступает как большой знаток. «Дикокаменные киргизы по отдаленности и неприступности своих кочевков до сих пор сохраняют тот беззаботный пастушеский быт, какой имели, может быть, за несколько сот лет»⁶.

Объезжая территории Киргизии, Чокан Валиханов обратил внимание на архитектуру могил, расценивая ее как памятник культуры. «Если у киргизов есть свое художество, архитектура, — отмечал он, — то это, нет сомнения, есть архитектура монументальная, могильная»⁷.

⁴ Там же. 416.

⁵ История Киргизской ССР. Фрунзе: Кыргызстан, 1984. Т. 1. С. 50.

⁶ Там же. С. 47.

⁷ Там же. С. 253.

Особая заслуга принадлежит Валиханову в изучении киргизского устного народного поэтического творчества. Он интересовался фольклором, начиная с его малых жанров, как кошоки (плачи-причитания), кончая монументальным эпосом «Манас», который считал «замечательным в народе сказанием».

Фольклор Чокан Валиханов рассматривает как один из источников изучения истории и этнографии народов. Собирая и изучая материалы народного творчества, он обратил внимание на тот факт, когда «поэтические предания, вследствие смежности кочевьев и при сходстве языка, легко переходят и заимствуются одним народом у другого»⁸, т. е. Валиханов хорошо знал так называемый «кочующий сюжет» в фольклоре.

В собраниях сочинений Валиханова мы встречаем много легенд и преданий («Легенда об Иссык-Куле» и «Қырккызе»), использованных им для подтверждения своих мыслей и различных научных гипотез. У киргизов «единственные памятники умственного развития народа составляют изустные эпические сказания в формах прозаической и в стихе»⁹, — отмечает Валиханов. Из прозаических произведений он особо останавливается на сказках. Тут он охарактеризовал жанрово-тематическую особенность их на примере сказки об «Эр Тоштюке».

Переходя к характеристике эпоса «Манас», Чокан Валиханов пишет: «Манас» есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее»¹⁰. Очень точное и емкое высказывание! С первого знакомства с эпосом так глубоко научно и обобщенно может сказать только ученый, обладающий талантом и хорошо знакомый с мировой культурой. «Хотя эта эпическая сага, очевидно, и подвергалась вставкам и исправлениям в позднейшее время, — пишет Валиханов, — но все-таки сюжет ее, или основание, конечно, имеет собственные задушевные воспоминания

⁸ Там же. С. 420.

⁹ Там же. С. 366.

¹⁰ Там же. С. 420.

киргизского народа, судя по чрезвычайной любви и уважению их к этому степному эпосу»¹¹.

На основе высказываний Чокана Валиханова о «Манасе» можно построить целое исследование, которое должны выполнить и выполняют киргизские манасоведы. Вот другая его тезисная, но богатая содержанием мысль: «Поэма эта, по нашему мнению, очевидно, подвергалась новейшим добавлениям и изменениям. Может быть, самое сложение ее из прозаических джумаков (сказок) в одно целое есть дело позднейших времен»¹².

«Манас» состоит из отдельных законченных эпизодов, как правильно заметил Чокан Валиханов, сгруппированных вокруг главного героя «Манаса». После смерти Манаса его дело продолжает его сын Семетей, окончательно покоря давнишних врагов киргизского народа. Вторую часть эпоса «Манас»—«Семетей»—Валиханов называет бурутской «Одиссеей», исходя из последовательности развертывания сюжетной линии поэмы. «Киргизы говорят,—продолжает свою мысль ученый,—что трех ночей недостаточно, чтобы выслушать «Манас» и что столько же нужно для «Семетей», но это, вероятно, преувеличение»¹³.

Валиханов правильно понял основную идею эпоса и его поэтическую особенность. «Манас», как верно заметил Валиханов, продукт многих тысячелетий и он выражение ума и таланта целого народа, хотя его ядро, сюжетная основа создана когда-то одним человеком. На протяжении долгого времени он оформлялся и отшлифовался, получив форму целостного произведения.

Ученые-манасоведы дискутируют об авторе этого древнего сказания. Имеется ряд гипотез по этой проблеме. Одна из них выдвинута академиком М. О. Ауэзовым, который предполагает, что этот сказитель может быть Ырамандын ырчи уулу (певец сын Ырмана). Ведь он в качестве одного из сорока джигитов сопровождал Манаса везде и всюду, являясь свидетелем его радостей и неудач.

«Манас» интересен и как источник изучения этнографии народа. Отрывок «Смерть Кукотай-хана и его поминки» ученый считает «самым замечательным эпизодом в «Манасе» именно в отношении передачи особенностей

¹¹ Там же. С. 358.

¹² Там же. С. 420.

¹³ Там же. 421.

быта и нравов киргизов. Он записал этот эпизод, перевел его в прозаическом изложении на русский язык и опубликовал в Записках Русского географического общества в 1904 г. Валиханов отмечает, что это «вероятно, первая киргизская речь, переданная на бумаге»¹⁴. Так, киргизский эпос стал известен всему цивилизованному миру, благодаря Валиханову и другим востоковедам-тюркологам.

Перевод был осуществлен блестяще, и он в свое время был высоко оценен русскими востоковедами. А поэтический текст отрывка, записанный Валихановым, был найден и опубликован академиком Академии наук Казахской ССР А. Маргуланом в его книге «Чокан и «Манас»¹⁵.

Заслуга Чокана Валиханова в изучении истории, этнографии, природы и фольклора киргизского народа огромна. Впервые в истории Валиханов записал эпос «Манас», и цивилизованный мир узнал о существовании величайшего киргизского сказания наравне с такими всемирно известными творениями, как «Одиссея» и «Илиада». Существенны также высказывания Валиханова о месте и значении эпоса «Манас» в истории мировой культуры.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

И. Б. МОЛДОБАЕВ,

кандидат исторических наук (г. Фрунзе)

В научном наследии Ч. Валиханова важное место отводится изучению истории и культуры киргизского народа. Впервые он познакомился с киргизами в 1856 г., после того, как ему представилась возможность принять участие в крупной военно-научной экспедиции. Во время этой поездки он впервые встретился с неизвестным киргизским сказителем и записал отрывок из эпоса «Манас».

¹⁴ Там же.

¹⁵ Маргулан А. Шокан жэне «Манас». Жазушы, 1971.

По мнению исследователей творчества Валиханова, он был осведомлен о «Манасе» еще во время учебы в Омском кадетском корпусе. Поэтому, по всей вероятности, ждал такого случая. Как известно, отдельные эпизоды из эпоса «Манас» в прозаической форме отражены в таджикоязычном сочинении «Маджму ат-таварих» («Собрание историй»). Оно написано в начале XVI в. Сайф ад-дином Ахсикенды и его сыном Наруз-Мухамедом. Однако в целом разные списки этого произведения, хранящиеся в Ленинграде и Фрунзе, еще не в полной мере вошли в научный обиход. Как утверждает первый исследователь этого произведения А. Т. Тагирджанов, оно написано «в форме эпических сказаний». И все же пока мы не знаем, каким образом эпизоды из эпоса «Манас» отразились в таджикоязычном сочинении начала XVI в. Именно поэтому значение записей Валиханова очень велико. Важно и то, что отрывок записан непосредственно из уст киргизского сказителя. Причем, как пишет А. Х. Маргулан, киргизский сказитель, имя которого остается для нас неизвестным, сам отыскал лагерь отряда Валиханова. В этой связи отметим заслугу А. Х. Маргулана, он обнаружил потерянную еще в XIX в. рукопись Валиханова, познакомил с ней научный мир, написав специальную работу на казахском языке, издал этот отрывок «Манаса», выполнив перевод с киргизского на казахский язык.

Значение записи Валиханова видно и по публикации английского ученого А. Хатто, который по фотокопии отрывка сумел дать киргизский текст в латинской графике и сделать прозаический перевод на английском языке. Однако, как утверждает К. Ботояров, английский исследователь допустил ошибки текстологического порядка, хотя в целом его работа оценивается высоко.

Валиханов рассматривал «Манас» как разносторонний источник, в котором отражены сведения по истории культуры киргизского народа в дореволюционном прошлом. Это наглядно видно из его общеизвестного высказывания: «Манас» есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее.

И действительно, сейчас доказано, что «Манас» является выдающимся памятником устного творчества. Ученые писали, что по объему он — самый крупный эпос в мире. Например, по подсчетам А. Садыкова, только первая часть трилогии эпоса «Манас», по варианту С. Орозбокова, составляет более 180000 строк. Если сделать экскурс по работам Валиханова, то нетрудно заметить, что почти везде, где говорится о киргизах, он стремится использовать информацию из «Манаса». Особенно это заметно в его трудах «Очерки Джунгарии», «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Киргизы». Известно, что он проявлял большой интерес к проблеме происхождения киргизского народа.

Валиханов верно отмечал связь киргизов с ногайцами, что отражена в поэтических строках «Манаса». Вероятно, до знакомства с эпосом, он не думал, что киргизы, как и казахи, имеют отношение к так называемому ногайскому периоду. Потому немаловажный интерес вызывают размышления о нойгайских преданиях, которые, по его мнению, относятся к концу XIV—XVI вв. «Предания эти имеют эпический характер,— писал он,— и поются рифмованными стихами и потому принадлежат к области народной устной литературы. Они замечательны как выражение народного духа, понятий, обычаев, нравов, образа жизни, замечательны также в филологическом отношении и не лишены исторического интереса»¹. Эта мысль Валиханова продолжена в наше время в исследованиях киргизских фольклористов. Так, в книге Р. З. Кыдырбаевой «Генезис эпоса «Манас» (Фрунзе, 1980) ногайлинская тематика разработана довольно убедительно.

Еще до встречи с киргизским сказителем — 21 мая 1856 г.— Валиханов пишет в своем «Дневнике поездки на Иссык-Куль» о географическом названии Манастын «Боз-Добеси» в долине Каркара. Опираясь на предания, он пишет, что богатырь Манас — герой замечательного в народе эпического сказания — имел на ней свой лагерь во время войны с калмыками. Следует заметить, что топоним «Каркыра» упоминается во многих вариантах эпоса «Манас», в том числе в «Маджму ат-таварих», в котором повествуется, что Токтамыш-хан «для Манаса город построил, назвал тот город «Манасия». Город под

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 3. С. 349.

названием Манас находится в Восточном Туркестане и сохранил свое название до сегодняшних дней.

Записанный Валихановым эпизод из «Манаса» вполне может стать немаловажным источником при исследовании самых различных вопросов истории, культуры и быта, а также философских взглядов киргизского народа в дореволюционном прошлом. О значении такого источника, как устное народное творчество, удачно сказал сам Валиханов: «История народов кочевых и вообще народов, не имеющих письменности, заключается (прежде всего) в их полубаснословных преданиях нежели в фактах. Все кочевые племена имеют обыкновение сохранять в поэтической форме предания о деяниях своих героев и о важных происшествиях (в народе) и передавать их в виде домашних воспоминаний позднему потомству»². Эта мысль Валиханова подтверждается при анализе записанного им отрывка, не говоря уже о материалах полных вариантов эпоса «Манас».

В валихановской записи «Манаса» есть сведения, которые могут стать источником изучения хозяйства киргизов. Хотя они были в прошлом кочевниками, судя по эпосу, наряду со скотоводством знали и земледелие. В тексте Валиханова отражено множество географических названий, при сравнительном изучении которого с другими, более полными вариантами эпоса «Манас», можно получить представление об ареале киргизов, а также диапазоне их связей с сопредельными народами.

Отметим, что географический ареал «Манаса» охватывает обширные районы Центральной и Средней Азии, Тибета, Гималаев и других отдаленных территорий. Названия географических объектов в маршруте самого Валиханова находят почти полную аналогию в топонимии различных вариантов эпоса «Манас». События, описанные в нем, вероятно, происходили и на нынешней территории Казахской ССР. Например, озеро Алаколь в Семипалатинской области идентифицировано нами с эпическим озером Алаколь.

Эпос «Манас», на наш взгляд,— важный источник изучения этнокультурных связей киргизов. Только в эпизоде поминок по Кукотаю, записанном Валихановым, упоминаются следующие этнонимы: аргын, казак, калмак, калча, кытай, ногой, сары ногой, озбек, сарт,

² Там же. Т. 2. С. 45—46.

солон. Эти названия народов дополняют сведения других вариантов «Манаса». Следует отметить, что этнонимы эпоса также могут стать неплохим источником при установлении собственно этнических и этногенетических контактов киргизов. Так, в сагымбаевском варианте содержатся сведения примерно о 120 этнонимах, причем самых различных, а порой и трудноинтерпретируемых. Однако при тщательном анализе можно дать объяснение почти всем этнонимам эпоса. Например, можно указать на встречающийся в полном варианте «Манаса» этноним *тарса*. Как выяснилось из различных источников, несториан в Центральной Азии называли *тарса*.

Отрывок Валиханова содержит сведения по материальной и духовной культуре киргизов, народным знаниям, обычаям и нравам киргизов. Неменьший интерес вызывают данные эпоса о вооружении киргизских воинов. Например, хочется обратить внимание на одно боевое одеяние под названием белдемчи. Согласно толкованию К. К. Юдахина, в основном значении белдемчи переводится как женская юбка с разрезом от пояса, а во втором значении — это металлический панцирь, прикрывающий талию и часть ребер. Именно в этом значении следует истолковывать этот термин в «Манасе». Следует еще отметить, что в этнографической литературе об этом боевом одеянии нет ни одной работы.

Небезынтересные сведения по народной медицине содержит эпизод, записанный Валихановым. В нем говорится об остановке кровотечения жженой кошмой (кийиз), а также описывается способ лечения шкурами только что зарезанных волов. Все эти способы лечения были известны киргизам в далеком прошлом. И материалы эпоса «Манас» могут стать подспорным источником при изучении этнографических аспектов народной медицины, тем более, что в этой области исторической этнографии киргизов также почти отсутствуют специальные работы. Эпизод, записанный Валихановым, содержит ряд другой историко-этнографической, лингвистической, философской и т. п. информации, подробное изучение которой дает в руки исследователей ценный материал.

Материалами «Манаса» Валиханов воспользовался и при общей характеристике фольклора киргизского народа. Он сделал попытку классифицировать устное народное творчество, разделив его на 3 вида: сказки,

эпические рассказы, игровые и обрядовые песни. Конечно, всегда нужно учитывать, что специально этим вопросом он не занимался. И все же его мнение не потеряло еще своего значения, ибо киргизский фольклор до сих пор нуждается в серьезной научной классификации. Вероятно, Валиханов полагал, что у киргизов есть только один эпос — «Манас». Об этом он писал несколько раз. Так, в работе «Киргизы» он отмечал: «Нет сомнения, что главное и едва ли не единственное произведение народного гения дикокаменных киргиз в стихотворной форме есть сага «О Манасе». Сейчас уже доказано, что у киргизов были развиты все жанры устного поэтического творчества. И, кроме эпоса «Манас», до наших дней дошли еще свыше 20 эпических произведений, часть которых до сих пор не опубликована. Нуждается в корректировке его мнение о том, что у киргизов нет импровизирующих певцов и что «вообще начатки поэзии в этом более воинственном народе гораздо слабее, чем у кайсаков». Однако в целом он правильно оценил роль устного творчества киргизского народа в их жизни и быту.

При изложении этнических аспектов Валиханов невольно замечает, что киргизский и казахский народы находятся в тесных этнокультурных контактах. Особенно его удивляет сведение о казахах в эпосе «Манас», где киргизы и казахи представлены «в виде двух соседственных и дружественных с ногаями, но отдельных народов». По этнонимии киргизов и казахов, а также по полным вариантам эпоса нами установлено, что у этих народов совпадали по названию около 40 этнонимов и генонимов.

Значительный интерес вызывают киргизско-казахские фольклорные связи. В киргизском фольклоре очень много произведений об Асан-Кайгы. Валиханов верно назвал Асан-Кайгы «кочевым философом» и писал о нем: «Знаменитый в народных воспоминаниях кочевой философ «Асан Горемычный», по преданиям киргиз, кочевал на Джиргалане». Вероятно, Асан-Кайгы относится в одинаковой мере к казахскому, киргизскому и некоторым другим, в прошлом кочевым, народам Средней Азии. В киргизских преданиях и других фольклорных жанрах Асан-Кайгы всегда упоминается вместе с Джаныбек-ханом, что соответствует действительности. К тому же эти предания очень схожи по своему содержанию с казах-

скими. О казахско-киргизских фольклорных связях можно судить и по собранию Г. Н. Потанина, где имена героев казахских фольклорных произведений (Эр Косай, Эр Гокше, Алеуке-батыр и др.) находят параллели в именах персонажей эпоса «Манас».

Таким образом, записанный Валихановым крупный эпизод из эпоса «Манас», а также его личный вклад в использование материалов киргизского эпоса в качестве разностороннего источника имеет огромную научную и познавательную ценность. Она состоит в том, что он зафиксирован до революции, когда в тексте его еще были незначительны «наслоения», накопившиеся в позднейших вариантах эпоса. Таким образом, этот эпизод «Манаса» дает в руки исследователей немало ценного в плане сопоставления его материалов с другими многочисленными вариантами и неполными записями эпоса «Манас».

Несмотря на солидный накопившийся материал по эпосу «Манас», его историко-культурные, философские и лингвистические аспекты исследованы все еще слабо. В этом плане имеются лишь единичные работы. На наш взгляд, для этого необходимы совместные усилия филологов, историков, этнографов, лингвистов и специалистов других смежных дисциплин, киргизских и казахских обществоведов.

ЗНАЧЕНИЕ РАБОТ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ КИРГИЗСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Р. КЫДЫРБАЕВА,

доктор филологических наук (Фрунзе)

В истории становления киргизской фольклористики имя Ч. Ч. Валиханова связывается в первую очередь с записью монументального эпоса «Манас». По сути дела казахский ученый стоит у истоков манасоведения, киргизской фольклористики. Будучи в составе военной экспедиции М. М. Хоментовского, Валиханов посетил в 1856 г. Иссык-Куль и записал из уст киргизского сказителя из рода бугу эпизод из эпоса «Манас» — «Кукотай-

дун ашы» («Поминки по Кукотаю»). Это был, пожалуй, один из первых случаев переложения устного сказа «Манаса» на бумагу, до Валиханова записи отдельных сюжетных линий эпоса встречаются в памятнике XVI в. «Маджму-ат таварих» («Собрание историй»)¹. Сам Чокан Валиханов уже тогда отмечал, что, по-видимому, это первая киргизская речь, переложенная на бумагу. Думается, что он прослушал не один эпизод из эпоса. Но то, что он выбрал для записи именно эту часть «Манаса», говорит о многом: он уловил в отрывке те моменты, которые были ценны как познавательный материал. «Произведения, вылившиеся из уст всего народа как от лица одного существа, не лишены исторического, филологического и психологического интереса»², — писал он. Общеизвестно, что этот эпизод выделяется детальным описанием быта, а также обычаев киргизского народа: скачки, единоборство на копьях, стрельба по джамбе и др. Отсюда и вывод Чокана Валиханова о том, «что «Манас» есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады»³.

Ученый прозорливо уловил «чрезвычайную древность киргизской саги», которая сохранилась «со следами позднейших добавлений и украшений», и свои догадки он затем подкрепил изучением исторических материалов, извлекая из них основное зерно, касающееся истории древних киргизов. Как известно, он обращался и к китайским летописям-хронологиям, к трудам французского ученого Абея Ремюзы, немецких ученых Клапорта, Риттера, к записям итальянского монаха Плано Карпини, к трудам Иакинфа, к «Тарихи-Рашиди» Мухаммеда Хайдара, «Родословному древу тюрок» Абулгази.

Сравнивая древнюю историю киргизов со средневековой и новой, ученый приходит к выводу о том, что «Южная Сибирь была постоянным местом их первобытного кочевания. Это неоспоримые факты. Во всяком случае, как кажется мне, — отмечает Ч. Валиханов, — совершенно отделять киргизский народ от киргизов

¹ Собрание историй (Маджму-ат таварих)/Под ред. А. Тагирджанова. Л., 1948.

² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 388.

³ Там же. С. 420.

древних... нет достаточного основания, а напротив — непременная связь их по одному только имени — уже очевидна. Это не пустое этимологическое сходство и созвучие»⁴.

Гипотеза об этногенезе киргизов Чокана Валиханова, выдвинутая впервые во второй половине XIX в., получает свое постепенное подтверждение в последующих трудах историков, археологов, лингвистов, фольклористов, в частности в трудах киргизского археолога И. Кожомбердиева, лингвистов И. А. Батманова, С. Кудайбергеннова, фольклористов; в исследованиях русских ученых С. Абрамзона, И. М. Золотаревой, Л. П. Потапова как бы продолжена и развита дальше историческая гипотеза Ч. Валиханова об этногенезе киргизов.

«Крупная роль в формировании киргизской народности принадлежит центрально-азиатскому элементу⁵... такие народы, как казахи, киргизы, разные группы алтайцев, относятся к южносибирскому антропологическому типу»⁶, — отмечают советские этнографы и антропологи. Аналогии с киргизами находят этнографы у алтайцев: «их много в характере народного календаря, в народных играх, народной медицине, музыкальных инструментах, в фольклоре»⁷. Археологи видят «широкий круг аналогии в манере скифо-сибирского звериного стиля, так наскальные изображения Саймалы-Таша (Ферганский хребет) и Чаар-Таша (горы Сусамыра) археологи считают синхронными с наскальными изображениями на территории Южной Сибири»⁸.

Лингвисты утверждают, что «несмотря на территориальную отдаленность современных киргизов и южносибирских тюрков, в языке их наблюдается значительная общность грамматических форм, не повторяющихся в других языках тюркской семьи»⁹. И, по мнению фольк-

⁴ Там же. С. 360.

⁵ Абрамзон С. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 65.

⁶ Золотарева И. М. Антропологические материалы к проблеме этногенеза калмыков // В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста, 1974. С. 195.

⁷ Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. С. 41—42.

⁸ Кожомбердиев И. Искусство саков Тянь-Шаня // Вопросы истории. 1972. № 1. С. 192.

⁹ Кудайбергеннов С. Киргизский язык и южно-сибирские тюркские языки // Известия АН Кирг. ССР. 1979. № 1.

лористов, целая серия аналогий киргизского устного творчества (в поэтике, сюжете, мотивах) заключена в народных устных произведениях алтайцев, хакасов, якутов¹⁰.

То есть предположение Ч. Валиханова получило свое развитие в трудах современных ученых. Однако у гипотезы об этногенезе киргизов есть свои противники, и она остается актуальной и по сегодняшний день и ждет своих новых исследователей.

Внимательное прочтение истории позволило Ч. Валиханову опровергнуть ложные взгляды, господствовавшие в то время в Европе о том, что кочевья тюрков, в том числе и киргизов — есть только свирепые орды, варвары, беспорядочные дикари, а между прочим, — как отмечал он, — большая часть этих варваров имеет свою литературу и сказания, письменные и устные.

Исходя из подобных позиций, глубоко уважая и ценя духовное наследие кочевых народов, Ч. Ч. Валиханов подходит и к оценке эпоса «Манас» и его значения. Хорошо понимая и чувствуя киргизскую речь, он подмечает, что «в этом наречии чрезвычайно мало, можно сказать почти нет арабских и персидских слов, зато много монгольских и первообразных тюркских»¹¹. Все это позволяет констатировать факт о том, что киргизская речь, в первую очередь словарный состав эпоса «Манас», несут в своих пластах много элементов древнетюркской речи, что в ее составе законсервировано немало рудиментарных форм. Так, касаясь вопроса рифмы в устных народных произведениях, Ч. Ч. Валиханов отмечает, что «хотя в произведениях киргизских бардов нельзя заметить в строгом смысле той правильности стиха, как у поэзии арабов, но все-таки и они имеют известное правило и рифму»¹². Этим самым ученый утверждает мысль о древности тюркской рифмы, о том, что богатейший стиховой материал устной поэзии есть неотъемлемая часть стиховой культуры киргизов, что поэзия, чувство ритма, рифмы жило в крови кочевника. Он называет устную поэзию «самородной словесностью», отмечает «хитрость стихосложения», обилие звучных сравнений, акцентирует на том, что аллитерационная

¹⁰ Кыдырбаева Р. Генезис эпоса «Манас». Фрунзе, 1980. С. 91.

¹¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 422.

¹² Там же. С. 390.

система стиха полностью удовлетворяет требованиям закона метрологии.

Впервые в истории манасоведения Ч. Ч. Валиханов высказал и мысль о сказителях. Он придавал большое значение «удивительной памяти импровизаторов, которые обессмертили в памяти народа замечательные произведения своей эпохи.., составляя полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа, которые дают нам возможность к пополнению известных исторических данных и к определению их происхождения»¹³. Все это дает нам право судить о том, что Ч. Валиханов ценил устойчивую устную традицию, благодаря которой стало возможным сохранить и донести до последующих поколений и строки древнего эпоса «Манас»: «Изумительно, с какою свежестью сохранили киргизы свои древние предания и поверия, и еще изумительнее, что во всех отдаленнейших концах степи, особенно стихотворные саги, передаются одинаково и при сличении были буквально тождественны, как списки одной рукописи. Как ни странна кажется подобная невероятная точность изустных источников кочевой, безграмотной орды, тем не менее это действительный факт, не подлежащий сомнению»¹⁴.

Положение, отмеченное Валихановым относительно казахских сказителей, бардов, имеет принципиальное значение и в наши дни, ибо некоторые известные исследователи (В. Радлов, современный английский ученый А. Т. Хатто), касаясь киргизского эпоса, утверждают, что текст его в каждом новом исполнении подвержен значительным изменениям. Так, В. Радлов, которому посчастливилось застать эпос киргизский в естественной еще широко бытующей стадии, сумел проникнуть в природу сказа, понять его подвижную, вечно живую жизненную силу, вместе с тем, верно уловив динамику сказа, ученый, как нам думается, делает чрезмерный упор на эти его свойства, отмечая следующее: «Предания не записанные дословно, будут подвержены постоянным изменениям и уже по истечении 10 лет переменятся совершенно»¹⁵.

¹³ Там же. С. 390.

¹⁴ Там же. С. 391.

¹⁵ Радлов В. Предисловие к 5 тому «Образцов народной лит-ры северных тюркских племен», изданному в 1885 г. в С-Петербурге. // См.: В кн.: «Манас» — героический эпос киргизского народа / Фрунзе: Илим, 1968.

Человеку, впервые соприкоснувшемуся со сказительской традицией манасчи, казалось, что в условиях устного бытования эпоса невозможно сохранить столь грандиозный текст в определенной стабильности. Подобное утверждению В. Радлова мнение высказывает и английский исследователь А. Т. Хатто. В своем столетологическом исследовании эпоса «Манас» он пишет: «...различие между многочисленными сказителями должно быть огромным»¹⁶. Подобные суждения возникают из-за сложных, подчас не поддающихся с первого взгляда специфических особенностей сказительской традиции, когда один человек запоминает и воспроизводит более полумиллиона стихотворных строк. Эпос состоит из ряда стабильных формул (сюда относятся и мотивы, и поэтические сюжетные линии), которые есть незыблемый каркас эпоса, залог его сохранности.

Последние наши наблюдения сюжетного и поэтического строя эпоса, его вариантов, начиная от «Маджму-ат таварих» (XVI в.), записей Ч. Ч. Валиханова, В. Радлова и кончая вариантами Сагымбая, Саякбая, Мамбета, говорят об иной картине изменяемости текста эпоса. Естественно, у каждого сказителя, в зависимости от его таланта и умения, могут быть свои особенности в манере подачи сюжета, в способах использования традиционного текста и поэтики, но остается незыблемым главное — содержание и отшлифованная временем формульная поэтика. Движение сюжета может быть и размеренно подробным — с детальным описанием батальных и бытовых сцен, с обязательными эпическими повторами, но этот же сюжет в устах другого манасчи может быть усеченным или уплотненным.

Все эти особенности зависят от умения сказителя пользоваться готовыми частями эпического повествования. Так, со времени первой фиксации текста эпоса «Манас» в собрании историй «Маджму-ат таварих» прошло почти четыре столетия. Но как в этих текстах, так и в дошедших до нас вариантах не претерпели существенных изменений сюжет эпоса и даже эпические названия — сохранены эпизоды отравления Манаса, еди-

¹⁶ Hatto A. T. The memorial feast for Kōkōtōy — khan (Kōkōtōy-dun asi). A Kirghiz Epic Poem. Edited of the unique manuscript with translation and commentary by A. J. Hatto. Oxford University Press. London, 1977.

ноборство богатыря с Джолоем, помощь Айходжи Манасу, однотипны названия вражеских племен — солон, шибе, калмак и многое другое.

От записей В. Радлова и Ч. Валиханова нас отделяет время более века, однако все сюжетные коллизии и поэтический строй языка эпоса, зафиксированные этими учеными, повторяются и дошли до нас через посредство вариантов Сагымбая, Саякбая и других манасчи без существенных изменений, то есть опираясь на верные суждения Ч. Ч. Валиханова, высказанные еще во второй половине XIX в., можно констатировать, что устно-поэтическим произведениям кочевого народа в силу ряда закономерностей его бытования не грозило забвение, тем более полная замена сюжетного и поэтического строя.

Интересен и еще один аспект творческого влияния личности Ч. Валиханова на современный ход фольклористической мысли. Обозревая и анализируя отдельные эпические мотивы эпоса «Манас», Валиханов находит параллели этим мотивам и в эпическом наследии греков. Так, циклопа Полифема он сближает и сравнивает с одноглазым циклопом-людоедом из киргизского эпоса. Такой подход к эпосу предвосхитил, по сути дела, последующее направление в фольклористике — сравнительно-сопоставительное изучение родственных сюжетных линий.

Надо сказать, что Ч. Валиханов в вопросах исследования устно-поэтических произведений стоял у истоков проблем взаимосвязей и взаимовлияния. Приглядываясь к историческим пластам эпоса «Манас», он обнаруживает удивительно тождественные мотивы о ногаях, как в эпосе «Манас», так и в преданиях и эпосе казахского народа (кайсаков, как он называет их), он отмечает дружественные связи казахов и киргизов, кочевавших по соседству по Чу, Или, землям Ташкента, а также в Прииссыккулье. Опираясь на исследования Ч. Валиханова, можно говорить о том, что ногайлинское время, которое объединяло в себе пестрое множество родов и племен, определило и наличие общих тем, сюжетов, имен в устно-поэтическом творчестве двух народов (Асан-Кайгы, Жамгырчы, Кара Ногай, Урмамбет-бий, Шигай, Едиге). В «гигантском котле» ногайлинского времени происходила кристаллизация тюркских народностей, этот «котел» вмещал в себе целый ряд духовных начал,

которые, сплавляясь, образовывали много общих традиций.

Таким образом, даже беглое перечисление проблем, которых коснулся Ч. Валиханов в связи с анализом устного народного творчества, позволяет говорить о нем как о глубоком исследователе.

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УЙГУРОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Г. М. ИСХАКОВ,

кандидат исторических наук (Алма-Ата)

Проблемы этнической истории принадлежат к числу сложных аспектов истории уйгуров, которые привлекали внимание русских, западноевропейских, восточных историков, географов, китайских хронистов. Они исследовали различные стороны этнической истории уйгуров.

Основоположниками изучения этнической истории уйгуров по праву считаются ученые России и в их первых рядах стоит Ч. Валиханов. Как востоковед он осветил на основе изучения многочисленных источников историю сложения уйгурского народа. Он считал, что в истоках этногенетического процесса развития уйгуров преобладали древнеиранские племена. Результаты исследования этногенеза уйгуров он выразил в схеме, согласно которой современные уйгуры по происхождению разделены на три группы: потомки древних уйгуров; доланы, обитающие в Аксуйском, Яркендском и Карашарском округах; полукочевое племя нюгейт, расселившееся у подножия Музарта¹.

Эти данные важны в связи с тем, что в настоящее время среди уйгуров Восточного Туркестана выделяются две этнографические группы — лобнорцы и долоны. В схеме Ч. Валиханова отражен сложный и длительный процесс сложения уйгуров в народность. Это был процесс развития не только уйгурских племен, но и тех этнических компонентов, которые ассимилировались

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1962. Т. 2. С. 338—339.

уйгурами в течение веков. Одни предшественники входили незначительными компонентами, тогда как другие явились основным ядром, последовательно сменявшим свое название и представлявшим новую ступень развития этнической общности. Такими предшественниками уйгуров были: чиди—динлин—гаогюй-тейле—хуэйхэ—уйгуры. Что касается нюгейтов, то они, по всей вероятности, происходили от могульского племени нойгутов².

На наш взгляд, отнесение нюгейтов, Ч. Валихановым к уйгурскому этногенезу не случайно. Ибо исследования ученых показывают, что отражением этнических отношений киргизов с уйгурами служит этноним «уйгур», зарегистрированный в Южной Киргизии, и далее, «уйгур» есть самостоятельное племенное подразделение племени тейит, с которым связывает нойгутов общность происхождения³.

Изучая этническую историю уйгуров, Ч. Валиханов обратил внимание на необходимость уточнения названия страны обитания этого народа. В восточной и западной литературе бытовали различные ее наименования, одни называли Алтышар, Малой Бухарией, другие — Татарией, Китайским Туркестаном и т. д. Сам Ч. Валиханов называл эту страну Уйгурстаном; одновременно, сравнив различные варианты, он пришел к выводу, что название Восточный Туркестан есть наиболее верное. Ч. Валиханов понимал, что проблемы происхождения народа смыкаются с вопросами истории культуры, формирования и развития хозяйственно-культурных особенностей. Эти важные аспекты не ускользают от его внимания при изучении уйгуров Илийского края и Кашгарии. Важно отметить и тот момент в исследованиях Ч. Валиханова, когда он говорит о чертах сходства в хозяйстве, материальной и духовной культуре уйгуров с народами Средней Азии, что отражает необходимость рассмотрения этнической истории уйгуров в рамках среднеазиатско-восточно-туркестанского этнокультурного региона, который сформировался еще в древности.

² Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов// Изв. АН КазССР. Сер. общест. 1965. Вып. 3. С. 62.

³ Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 43.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ-УЙГУРОВЕД

Г. С. САДВАКАСОВ,

доктор филологических наук,

Г. М. ИСХАКОВ,

кандидат исторических наук (Алма-Ата)

Изучение исторического прошлого и памятников культуры уйгурского народа привело к созданию отрасли востоковедческой науки — уйгуроведения и в ее развитии весьма огромна роль русских и советских ученых. История нашей науки богата именами ученых, внесших свою лепту в разработку многих проблем уйгуроведения. Одним из таких ученых является известный востоковед XIX в. Чокан Чингисович Валиханов.

В течение XIX в. изучение Восточного Туркестана находилось под влиянием практических интересов русского государства. Именно этим обстоятельством объясняется организация экспедиций в эту страну, где русские интересы сталкивались с британскими. Но в связи с этим следует иметь в виду, что серьезные экспедиции, «замышлявшиеся и организованные в правительственных кругах для казенных целей, проводились затем руками людей, очень далеких от казенной идеологии, руками людей прогрессивного образа мыслей»¹. Именно таким человеком был Ч. Валиханов, заложивший основы научного исследования истории и культуры уйгуров Восточного Туркестана. Одновременно он явился первым исследователем, открывшим для европейской науки древнюю родину уйгурского народа. Признавая приоритет в научном открытии Восточного Туркестана и высоко оценивая собранные Ч. Валихановым материалы, П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал: «Во всяком случае путь к исследованию ближайших к нам частей Тянь-Шаня был проложен. Уже в 1858 г... Ч. Валиханов... пробрался... с торговым караваном через Заукинский перевал в Кашгарию и собрал там весьма много интересных научных, как этнографических, так и статистических данных...»²

Деятельность Ч. Валиханова в области уйгуроведения является одной из ярких страниц в его научной биогра-

¹ Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966. С. 12.

² Семенов-Тянь-Шанский П. П. История полувековой деятельности РГО (1845—1895). Спб., 1896. Ч. 1. С. 26.

фии. Первые сведения об уйгурах он почерпнул из рукописей Рашид ад-Дина «Джами'ат-таварих», Мухаммед Хайдара «Тарихи-Рашиди» и «Ханских ярлыков», переводом которых занимался известный русский востоковед И. Н. Березин. Изучив ярлык хана Тохтамыша к польскому королю Ягайло, Ч. Валиханов в своих заметках отметил, что он «писан на древнетюркском языке уйгурскими письменами»³.

Знакомство с историческими источниками предопределило его интерес к уйгурам, одному из древних тюркских народов Центральной Азии, их стране — Восточному Туркестану. Обосновывая необходимость исследования сопредельных стран, он отмечал: «Над Средней Азией нависла до сих пор какая-то таинственная завеса. Несмотря на близкое соседство..., большая часть ее все-таки остается недоступною... сбивчивые и противоречивые данные, существующие в нашей географической литературе о Средней Азии, делают эту страну, если не совершенно «terra incognita», как говорилось в старину, то по крайней мере, трудным научным ребусом, а о среднеазиатском человеке мы почти ничего не знаем»⁴. В этих словах ученого содержится характеристика состояния изученности Средней Азии, в которую он включил и Восточный Туркестан. Изучение народов этих регионов, истории, быта и культуры их обитателей было непреодолимым желанием Ч. Валиханова.

Ч. Валиханов понимал, что проблемы происхождения, сложения народа смыкаются с вопросами истории культуры, формирования и развития хозяйственно-культурных особенностей. И эти важные аспекты не ускользают от его внимания как при изучении уйгуров Илийского края, так и Кашгарии. Он изучил этнический состав Илийского края, хозяйство и материальную культуру населения в период своего пребывания здесь в 1856 г. Но его постоянно влекло в глубь страны, в Кашгарию, где в древности культура была на высокой ступени развития, где в самом тесном взаимодействии сошлись культуры Запада и Востока, где, по преданию, в древности только на площади между Хотаном, Аксу и Лобнором существовало 23 города и 360 селений, а от г. Кучи до Лобнора можно было пройти по крышам домов.

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 131.

⁴ Там же. С. 392.

Важным этапом в научной биографии Ч. Валиханова является его путешествие в 1858—1959 гг. в Кашгарию, результаты которого оказались значительной вехой в развитии русского востоковедения, а уйгуроведения в особенности. В Кашгаре он пробыл пять месяцев. Это были месяцы напряженной стационарной работы ученого. Считая, что элементарным условием настоящего изучения страны, ее истории, культуры и быта народа является знание языка, Ч. Валиханов совершенствуется в этом деле. Он был не только первым исследователем этнографии уйгуров, но и первым человеком с европейским образованием, достаточно хорошо изучившим уйгурский язык. «Я старался во время своего пребывания в Кашгаре изучить уйгурский язык, ...на котором говорят в Кашгаре, язык этот совершенно неизвестен европейским ученым, они знакомы лишь несколько с книжным языком, похожим на джагатайский»⁵. Знание языка как одного из классифицирующих признаков этноса, как одного из источников исследования исторических связей между народами имеет большое значение. И это знание у Ч. Валиханова было, что помогло ему установить контакт с местным населением, способствовало более глубокому пониманию национально-бытовых особенностей уйгурского народа. «Дружеские связи с туземцами (уйгурами.— Авт.), учеными и чиновниками, свободные разъезды по окрестностям дали мне возможность обозреть вполне эту замечательную страну»⁶.

Во время пребывания в Кашгаре он кропотливо и вдумчиво собирал материалы по языку, истории, этнографии и культуре уйгуров. Добытые им материалы в условиях стационарного изучения имеют для нас большую ценность, ибо собраны современником, опиравшимся в своих изысканиях не на традицию, не на устные сообщения о прошлом, а на собственные наблюдения и данные очевидцев. В данном случае он сам является первоисточником.

Круг вопросов, получивших освещение в исследованиях Ч. Валиханова, весьма широк — начиная с языка, хозяйственной деятельности и кончая духовной культурой уйгурского народа. В связи с этим очень важно отметить тот момент в исследованиях Ч. Валиханова,

⁵ Там же. С. 403.

⁶ Там же. С. 402.

когда он говорит о чертах сходства в хозяйстве, материальной и духовной культуре уйгуров с народами Средней Азии, что было обусловлено не столько экологическими условиями, сколько тесными этногенетическими связями.

Большой научный интерес представляет исследование Ч. Валиханова по истории религии. Историю проникновения и смены религий на территории Восточного Туркестана он изучал на основе источников. «Нельзя положительно сказать, в какое время буддизм водворился в Восточном Туркестане,— писал он,— по свидетельству китайских писателей, он существовал там еще при династии Хань. В 140 г. до р. х. города Восточного Туркестана составляли отдельные владения и исповедовали буддийскую веру»⁷. Ч. Валиханов сообщает, что ислам в Восточный Туркестан начал проникать в VIII в. В последующие столетия он насаждался «огнем и мечом». Характеризуя религиозную приверженность уйгуров 50-х годов XIX в., Ч. Валиханов отмечал отсутствие у них фанатизма в противоположность жителям Западного Туркестана. И в связи с этим он писал: «Всего лучше кашгарская умеренность выражается выгодным положением женщин в домашнем и общественном быту. Женщины... занимают почетное место в обществе, и многие из них приобрели историческую известность... Женщины принимают участие в удовольствиях своих мужей, и в собрании присутствие их считается необходимым»⁸. Это сообщение представляет огромную важность при исследовании истории семейно-брачных отношений у уйгуров в древности, когда женщина играла главенствующую роль в жизнеобеспечении семьи.

Ч. Валиханов обратил внимание на изучение уйгурской литературы и фольклора, при этом подчеркивал необходимость собирания фольклорного материала, так как в нем находит выражение характер народа, его быт и нравы. Он старался записать народные песни. Интересные сведения сообщает он о музыкальном искусстве уйгуров, при этом подчеркивает большую любовь народа к музыке, песне, танцам. Он описал ряд музыкальных инструментов: дутар, саттар, гиджак, равап, даб. Ч. Валиханов особо отмечал, что уйгуры «относительно музы-

⁷ Там же. Т. 2. С. 298—299.

⁸ Там же. С. 348.

ки пользуются у всех среднеазиатцев почетом». Интересно и такое его замечание: «Куда бы вы ни приехали, не может быть угощения без танцовщиц, которые удивительно нежно поют любимую в Кашгаре поэму о Лейле и Меджнуне»⁹.

Заметный вклад внес ученый в этнопсихологию. В своих исследованиях он писал о психическом складе народа в целом и чертах характера жителей отдельных городов.

Известный интерес для науки представляют данные Ч. Валиханова о переселении уйгуров в Среднюю Азию в тяжелые периоды своей истории. По его сообщению, после поражения восстания Джохангира (1825 г.) в Кашгарии на территорию Коканда, Шахрихана и других городов Ферганской долины переселилось до 70 тысяч уйгуров, в последующем число эмигрировавших достигло 300 тысяч человек¹⁰. В 50-х годах XIX в. в Коканд переехало еще 15 тысяч человек, в местности между Шахриханом и Карасу осела этнографическая группа уйгуров — доланы (9 тыс. человек).

Некоторые исследователи истории русского востоковедения отмечают, что «...общим и особенно серьезным недостатком дореволюционного русского востоковедения явилось слабое внимание, уделявшееся им жизни современных ему стран Востока и народным движениям в этих странах»¹¹.

Ч. Валиханов, будучи представителем русской школы востоковедения, избежал этих недостатков. Он считал необходимым проследить ход общественно-политического развития Восточного Туркестана, проанализировать зародившиеся здесь религиозные течения, основные этапы национально-освободительного движения. От его взора не ускользнули и другие вопросы из области социально-экономической истории уйгурского народа, без которых программа уйгуроведческих исследований в Восточном Туркестане не была бы полноценной.

Ч. Валиханов, воспитанный на прогрессивных демократических традициях русского востоковедения, был не безразличен к исторической судьбе уйгурского народа. В общественном строе уйгуров Ч. Валиханова особо

⁹ Там же. С. 115.

¹⁰ Там же. С. 172.

¹¹ *Лунин Б. В.* Средняя Азия в дореволюционном и современном востоковедении. Ташкент, 1965. С. 664.

интересовали семейные и сословно-классовые отношения. Он хорошо разобрался в сословной иерархии, выявил права и привилегии господствующего класса. Замечательную черту этой стороны исследования составляет то, что он четко определил образовавшуюся пропасть между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

Огромная исследовательская работа Ч. Валиханова в области уйгуроведения имеет немалую ценность для современной науки. Достоверность собранных им данных не вызывает сомнений, ибо в научной деятельности он был на редкость добросовестным и резко критиковал дилетантизм. Ценность собранных им материалов определяется тем, что они состоят из его личных наблюдений и из «сведений и материалов, полученных от людей, достойных вероятия, и проверенных другими показаниями, и, наконец, из письменных источников, полученных от купцов, чиновников, из туземных официальных документов и книг»¹².

Исследования Ч. Валиханова внесли ясность в вопрос об обитателях Восточного Туркестана, этот край и его жители перестали быть загадкой для науки.

Суждения ученого о национальных особенностях и самобытности жизни, нравов, обычаев уйгурского народа, о необходимости конкретно-исторического подхода к его судьбам имеют большое значение в истории изучения уйгуров. Он первый поставил и в основном правильно решил ряд важных вопросов истории уйгуров, ввел в научный оборот уйгурские рукописи, которые до него не были известны.

Стремление изучить историю, этнографию и культуру уйгуров, осмыслить историю Восточного Туркестана и его древних обитателей, выяснить их взаимоотношения с соседними народами было характерно для Ч. Валиханова как уйгуроведа.

¹² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 402.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ О КИТАЙСКИХ ГРАМОТАХ

К. Ш. ХАФИЗОВА,

кандидат исторических наук (Алма-Ата)

В рукописном наследии великого ученого сохранилось множество заметок, наметок, записок, планов и материалов, свидетельствующих о его замыслах и разносторонних научных интересах. Среди них имеется небольшой черновой набросок о древних грамотах, составляющий всего 7 страниц¹, но для нас ценна каждая его строка.

Как известно, грамоты восточных правителей, в том числе китайские грамоты, направленные в казахские ханства, не сохранились до настоящего времени. В руках Чокана Валиханова оказалось пять грамот, подлинность которых не вызывает сомнения: 1) тарханная грамота джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрэна бию и батыру Малайсары; 2) грамота императора Цяньлуна² к султану Среднего жуза Аблаю; 3) грамота Цяньлуна султану Вали; 4) грамота Цзяцина хану Вали; 5) грамота Дасгуана внуку Аблая — султану Губайдулле.

Речь будет идти о четырех из пяти грамот, направленных из Пекина дому хана Аблая. Ч. Валиханов заявляет, что 2, 3 и 4 грамоты «принадлежат собственно нам», т. е. ему тоже как представителю ханского дома. Он занимался ими в силу своих научных интересов и в немалой степени служебных обязанностей. Составители первого издания Собрания сочинений считают, что набросок находится в тесной связи с другой работой Чокана — «Аблай»³, написанной для Энциклопедического словаря, а работа над грамотами начата была по заданию Императорского русского географического общества.

В статье «Аблай» Ч. Валиханов выразил свой взгляд на историю развития отношений своего прадеда с Китаем. Эта статья не потеряла своей свежести и в наше столетие, а введенные в научный оборот новые китайские материалы подтверждают некоторые выводы ученого, к

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 3. С. 300—304.

² По принятой в Китае традиции императоры приводятся под названием их правления.

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 111—116.

примеру, об истории торговых связей казахов, о причинах установления ханом дипломатических контактов с Китаем.

Описание Ч. Валихановым внешнего вида грамот подтверждает их подлинность и позволяет сделать вывод, что Чокан был, возможно, последним ученым, державшим их в руках. Уже в то время были стерты некоторые слова, «не уцелевшие по причине хрупкости бумаги и неосторожного с нею обращения», у некоторых грамот оборваны края, стерты слова восстановлены красными чернилами.

Грамоты составляли, по словам Чокана, «продолговатый лист», т. е. свиток. Возможно, свиток вкладывался в футляр красного цвета и производил впечатление ножа в ножнах.

Ч. Валиханов замечает, что грамота Цяньлуна к султану Аблаю «писана на продолговатом листе из тонкой шелковой материи, навошенной каким-то составом желтого цвета, с разукрашенной каймой, на которой изображены драконы». А грамота 3 «писана на оранжевой бумаге с золотыми пронизками, кайма из драконов, рисованных золотом», грамота 4 «писана на желтой бумаге с золотой же каймой, как третья грамота»⁴.

Из описаний грамот мы видим, что их всех объединяет цвет материала, на который наносилось письмо. Будь это дорогой шелк или бумага, они имели желтый цвет, цвет императорского дома, в данном случае маньчжурской династии Цин, правившей в Китае в 1644—1911 гг. Изображения драконов на бумаге или по ее краям также могли быть только на грамотах императоров.

Пятую грамоту Ч. Валиханов не видел, но имел с нее тюркский список.

Замечания ученого о языке, на котором написан текст китайских грамот, имеют большой интерес для исследователей. Так, он пишет, что грамота Цяньлуна к султану Аблаю (ханом Среднего жуза он был избран в 1771 г. и уже на следующий год получил признание цинского двора) была написана на маньчжурском и калмыцком языках. Действительно, уже первая грамота Цинов, направленная к султану в 1755 г., была по прика-

⁴ Там же. Т. 3. С. 300.

зу императора переведена на монгольский язык⁵. Китайских послов в Казахстан тогда сопровождали монгольские переводчики и проводники. Имеются сведения, что Аблай и сам неплохо владел монгольским языком.

Но уже грамота того же Цяньлуна к Вали и все последующие были написаны на трех языках: маньчжурском, китайском и тюркском. Весьма ценным является то, что Валиханов определил язык как малобухарское, или кашгарское, наречие.

В Цинской империи было три государственных языка: маньчжурский, китайский и монгольский. Дворцовая хроника, официальные документы обычно писались на всех трех языках. В Восточном Туркестане положение было такое же, китайский язык занимал прочное место в учреждениях. Однако от Валиханова нам становится известно, что в дипломатической переписке с владельцами Средней Азии и Казахстана китайцы пользовались новоуйгурским языком, который постепенно вытеснил монгольский язык.

Работая над тюркскими текстами грамот, Ч. Валиханов имел перед собой не только подлинники, но и переводы текстов с маньчжурского и калмыцкого, сделанные Габбасовым, т. е. сыном Габбаса (или Аббаса) Аблаем, который продолжительное время находился в Китае, выполняя дипломатические поручения хана Вали. Помимо того, Ч. Валиханов просил кого-то (кто остался неизвестным) проверить перевод с монгольского языка. Сам ученый делал перевод с тюркского (новоуйгурского текста) и отметил, что «хотя существенной разницы между маньчжурским и калмыцким текстами мало, но... подлинник писан на китайском языке, потому что в маньчжурском языке грамоты заметна такая же подчиненность влиянию китайского». Ч. Валиханов сверил тюркский текст с переводными и заключает: «...сеем думать, что последнее мнение сего весьма основательно, ибо текст включает в себе очень много китайских слов и имеет совершенно китайскую конструкцию словорасположения, которая, впрочем, теперь окончательно принята в Китайском Туркестане для бумаг»⁶.

Как уже отмечалось выше, мы не располагаем под-

⁵ Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе. Чжэнбянь (Высочайше утвержденное описание умиротворения джунгар// Основные записи, б/м, 1772. (Далее ПЧФЧ).

⁶ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 301.

линниками китайских грамот в Средний жуз, равно не располагаем и грамотами дома Аблая в Китай. Однако в наших архивах имеются грамоты казахских правителей, направленные в Санкт-Петербург.⁷

Ч. Валиханов планировал опубликовать тексты грамот на всех языках, затем дать перевод. Последнюю, наиболее значительную часть работы должен был составить обширный научный комментарий исторического и филологического характера. Однако он успел сделать комментарий только ко 2-й грамоте. Здесь мы можем видеть, что Ч. Валиханов прежде всего составлял обзор о состоянии казахско-китайских отношений ко времени получения грамоты, давал историческую справку о казахском правителе, которому адресована грамота, в данном случае о султанах Аблае, о том, каким образом были начаты его дипломатические связи с цинской династией, кем и когда была привезена грамота, в связи с чем. Далее шла наиболее кропотливая работа над самим текстом: перевод, научный анализ и сравнение маньчжурской, китайской, калмыцкой и тюркской терминологии; уточнение исторической персоналии.

В наброске Чокана Валиханова не приведено содержание китайских грамот. Возможно, в будущем они будут обнаружены в каком-нибудь фонде. Поэтому единственной ниточкой, которая может в данное время привести нас к ним, является китайский источник. Вспомним также, что казахский ученый, который работал над всеми параллельными текстами грамот или их переводами, очень четко сформировал свое мнение о подчиненности их китайскому тексту. Ориентирами же для определения упомянутых Чоканом грамот являются его отрывочные замечания о них.

О грамоте 2 он говорит, что она датирована 1762 г. и привезена в 1763 г. племянником Аблая Давлет-Гиреем (Даулет-керей.— К. Х.), что это, вероятно, та самая грамота, «о получении которой говорит переводчик Гордеев, посланный в 1763 г. из Оренбурга к Аблаю-султану для разведывания о состоянии Средней орды и окрестных земель, в особенности же о китайцах»⁸. Далее Ч. Валиханов говорит, что хотя «наружное описание»

⁷ Факсимиле некоторых грамот помещены в сборнике документов «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв.» (Алма-Ата, 1961).

⁸ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 303.

грамоты Ф. Гордеева совпадает с приметами грамоты, бывшей в его руках, содержание ее «во многом противоречит нашему и заключает много такого, чего нет на нашей грамоте». Ученый указал, в чем именно заключалось главное существенное противоречие: «В грамоте Цянь-Лун (орфография Ч. Валиханова.— К. Х.) пишет, чтобы киргизы (т. е. казахи.— К. Х.) не переходили через Тарбагатай, а (по) Гордееву, напротив, сообщили, что император дозволил киргизам занять кочевьями земли, оставшиеся пустыми после избиения олетов»⁹. Затем Чокан объясняет, почему оренбургский переводчик получил неверные сведения по очень важному для казахов вопросу об овладении кочевьями, опустевшими после разгрома Джунгарского ханства Цинской империей: «Вероятно Аблай... (что) бы скрыть то, что было неприятно для него в письме, прихвастнул тем, чего не было». Это далеко не первый случай, когда Аблай вводил в заблуждение оренбургские власти или казахских владетелей по поводу предмета переписки с Китаем. Поэтому следует тщательно сверять «скаски» толмачей, купцов, беженцев и других людей, доставлявших сведения о внешнеполитических контактах султана с официальными документами, в данном случае с содержанием китайских грамот. Не углубляясь в этот вопрос, скажем, что замечания Ч. Валиханова о грамоте 2 позволяют нам определить, что речь идет о грамоте из Китая к Аблаю от 27 года правления Цяньлун, 8 луна, 12 число, т. е. 29 сентября 1762 г.¹⁰

О грамоте 3 Чокан пишет только то, что она направлена «к хану Средней орды Валию». Это очень расплывчатый намек, так как других ориентиров, кроме того, что некоторые стершиеся слова восстановлены Габбасовым Аблаем (правнуком упомянутого выше Аблая), Чокан не приводит. К Вали-хану из Китая прибыло за время его правления несколько грамот. Здесь скорее всего может идти речь о первой грамоте Цяньлуна к Вали, которая была направлена после смерти его отца. Такое предположение возникает в связи с тем, что Чокан пишет о последующих грамотах, присланных цинскими императорами: 4-я — к хану Валию и сыну его султану Аббасу («Габбасу»), признанному китайским правительством

⁹ Там же.

¹⁰ ПЧФЧ. 18. Л. 5—6; Да Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу, 667. Л. 13—14.

наследником Валия и гуном» ..., 5-я грамота — к султану Абайдулле (Габайдулле, Губайдулле) на ханское звание после смерти Валия¹¹. Отсюда видно, что содержание всех грамот, кроме 2, касается вопросов официального признания китайским правительством наследников хана Среднего жуза Аблая, который был поднят на белой кошме в 1771 г. в ущерб интересам прямых потомков ханствовавшего перед ним Абулмамбета.

Вышеприведенные замечания Чокана дают нам основание определить оставшиеся три грамоты, 3-я грамота, над которой он работал, это — грамота от июля 1781 г., направленная Цяньлуном в 1782 г.¹² Полный текст 4 грамоты не обнаружен, но имеется указ от 5 лун 5-го года правления Цзяцин (13 июля 1800 г.) синьцзянскому наместнику Бао Нину направить грамоту Вали, в которой объявлялось признание цинским правительством его преемником старшего сына Габбаса¹³. Из наброска Чокана мы видим, что грамота была доставлена в Казахстан.

Текст 5 грамоты также обнаружен¹⁴. Он датируется декабрем 1823 г. В ней император Даогуан уведомляет Губайдулла о своем приказе Синьцзянскому наместнику направить в Средний жуз представителей для проведения от его имени поминок по умершему хану Вали и о признании Губайдуллы его наследником.

Нет возможности привести тексты всех грамот, что целесообразно сделать только в сопровождении полнейшего научного комментария. Можно только указать, что китайцы придавали большое политическое значение проведению обряда поминок по умершему правителю и официальному признанию его преемника. В свою очередь в условиях феодальной междоусобицы, в связи с недавним завоеванием ханского трона Аблаем и его потомками, относящимися к младшей ханской ветви, последние также были заинтересованы во внешнеполитическом признании их наследных прав. К тому же это было условием благоприятного приема торговых караванов казахских правителей в соседних странах.

Китайские грамоты имеют большое значение для

¹¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 303.

¹² Шичао Дунхуа лу. Цяньлунчао. Пекин 1899. Гл. 93. Л. 21.

¹³ Да Цин Жэньцзун жуйхуанди шилу. Токио, 1937. Гл. 68. Л. 8.

¹⁴ Да Цин Сюаньцзун Чэнхуанди шилу. Токио, 1937. Гл. 61. Л. 39—41.

понимания международной обстановки в Центральной Азии и роли в ней Казахстана. Кроме того, они могут быть полезны в изучении казахского общества XVIII—XIX вв., формирования этнической территории казахов, родословной казахских правителей и многих других вопросов. Сам Чокан Валиханов придавал большое значение изучению этих документов. «Так как источники для изучения Киргизской степи очень скудны и [сохранились] главнейшим образом в тех разноречивых известиях и слухах, которые записывались в Оренбурге и на Сибирской линии, то акты эти как новые данные для бытоописания киргизских орд бесспорно заслуживают внимания отечественных ученых, занимающихся изучением народов Средней Азии и отношениями нашими к Китаю, и тем более, что они могут служить к разъяснению положения китайцев в отношении соседних кочевых племен. Сверх того, грамоты эти написаны на маньчжурском, калмыцком (добавим еще на китайском.— К. Х.) и на так мало известном (тюркском) языке и потому имеют немалый интерес для наших ориенталистов»¹⁵.

Согласимся, что научная перспектива проблемы, которую предвидел выдающийся ученый Ч. Ч. Валиханов, остается актуальной и сегодня.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ АЗИИ

Ю. С. ХУДЯКОВ,
кандидат исторических наук (Новосибирск)

В кругу научных интересов Ч. Валиханова наряду с различными вопросами истории и этнографии средневековых кочевников Средней и Центральной Азии оказались вооружение и военное искусство. Перу ученого принадлежит одна из первых на данную тему специальных работ, в которой дается описание оружия ближнего и дистанционного боя, а также снаряжения воинов-казахов в период позднего средневековья и этнографической

¹⁵ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 300.

современности¹. В статье кратко описаны различные виды холодного и огнестрельного оружия и снаряжения: сабли, палаши, кинжалы, копья, стрелы с различными типами наконечников, колчаны, саадаки, ружья, патрон-таши, нагайки и др.² Автор выделяет образцы вооружения, которое употреблялось в прошлом и продолжало меняться в его время, изготавливавшиеся самими каза-хами и приобретаемые у иноземцев.

Самостоятельный интерес представляют данные по военной терминологии, приводимые в статье, и зарисов-ки различных видов оружия, сделанные рукой Ч. Вали-ханова³. Статья положила начало изучению важной и перспективной темы в рамках отечественного кочевнико-ведения — военного дела кочевников средних веков и нового времени. Спустя столетие, работа Ч. Валиханова на материале казахского вооружения была продолжена А. Т. Кайдаровым, обобщившим фольклорные матери-алы по данной теме⁴, и В. П. Курылевым, описавшим коллекцию казахского оружия из собрания Музея антро-пологии и этнографии АН СССР⁵.

В настоящее время возможности изучения военного дела кочевых народов Азии в древности и средневековые значительно расширились. Если историки военного ис-кусства в прошлом при оценке уровня развития военного дела кочевников опирались исключительно на сведения письменных источников⁶, то в последние десятилетия для решения данной проблематики стали все шире прив-лекаться вещественные и изобразительные материалы. В 60—80-е годы был опубликован ряд работ по воору-жению древних кочевников степной полосы Восточной

¹ Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 463—468.

² Там же. С. 463—468.

³ Валиханов Ч. Ч. Зарисовки, этюды и чертежи // Там же. Т. 5. С. 98—99.

⁴ Кайдаров А. Т. Доспехи и вооружение батыра-воина в казах-ском эпосе и их этно-лингвистическое объяснение // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1973. С. 26—27.

⁵ Курылев В. П. Оружие казахов // См. кн.: Материальная куль-тура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана СМАЭ. Л., 1978. Т. 34. С. 4—22.

⁶ Иванин О. О военном искусстве и завоеваниях монголов. Спб., 1846; Иванов А. И. Походы монголов в Россию по официальной китайской истории Юань-ши // В кн.: Записки разряда военной архео-логии и археографии Русского военно-исторического общества. Пг., 1914. Т. 3.

Европы и Средней Азии: скифов, сарматов, саков, а также древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. С начала 70-х годов постоянным объектом научного исследования становится вооружение средневековых кочевников Северной и Центральной Азии: киргизов, древних тюрков, кимаков, киданей, монголов. Внимание оружейников привлекали данные по военному делу восточноазиатских соседей, центральноазиатских кочевников в древности. В научный оборот были введены материалы по вооружению средневекового населения Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В меньшей степени научными исследованиями были охвачены материалы позднего средневековья и этнографической современности. За исключением упоминавшихся работ по оружию казахов, отдельные статьи, основанные на лингвистическом и фольклорном материале, затрагивали вопросы изучения военного дела киргизов, монголов, тюркоязычного населения Южной Сибири. На данных этнографии основаны работы по отдельным видам оружия, применявшегося кочевниками Саяно-Алтая, таежными охотниками Западной Сибири и Дальнего Востока. Археологические материалы для решения данной тематики привлекались пока недостаточно. Имеются отдельные статьи по вооружению западносибирских татар и монголов⁷.

Со времени выхода в свет статьи Ч. Валиханова, явившейся одним из первых опытов описания оружия кочевников Азии, задачи описания, систематизации и ввода в научный оборот древнего и средневекового вооружения значительно усложнились. Многочисленность предметов вооружения в археологических коллекциях, в особенности такой серийной категории находок, как наконечники стрел, потребовали от составителей музейных каталогов классифицировать однородные объекты по типовому и типологическому составу. Первые опыты систематизированного описания оружия из музейных собраний Сибири были предприняты в конце XIX в. Д. А. Клеменцем⁸, а в 20-е годы XX — В. Г. Карцовым⁹.

⁷ *Конигов Б. А., Худяков Ю. С.* Наконечники стрел из искера // В кн.: *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.* Новосибирск, 1981. С. 182—188.

⁸ *Клеменц Д. А.* Древности Минусинского музея. Томск. 1896. С. 152—166.

⁹ *Карцов В. Г.* Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929. С. 48—50.

Для наиболее массовой категории предметов вооружения были выделены классификационные признаки: материал изготовления, сечение пера, форма пера. Однако, признаки, характеризующие форму пера, брались нередко произвольно. Например, у Д. А. Клеменца в качестве таковых присутствуют и форма острия, и размеры пера, и особенности его декоративного оформления. Прочие виды оружия как сравнительно немногочисленные описывались повествовательно, без выделения характерных признаков. Несмотря на определенные недочеты, работы Д. А. Клеменца и В. Г. Карцова явились для своего времени важным вкладом в изучение военного дела средневековых кочевников юга Сибири.

В конце 40-х годов увидел свет первый сводный очерк по военному делу одного из кочевых народов средневековья — енисейских кыргызов, принадлежащий перу Л. А. Евтюховой¹⁰. Автором обобщены немногочисленные исторические сведения, изображения воинов и археологические находки. Несмотря на свою краткость и неполноту, очерк явился важной вехой в изучении военного дела средневековых кочевников, поскольку тема впервые была выделена в самостоятельный раздел в рамках монографии о культуре енисейских кыргызов.

В работах А. И. Мелюковой, Е. В. Черненко, А. М. Хазанова, Б. А. Литвинского на примере военного дела скифов, сарматов, саков были решены вопросы классифицирования предметов вооружения, анализа комплекса боевых средств, прослежена эволюция отдельных видов оружия во времени¹¹. Важную роль для разработки данной тематики сыграли специальные работы по военному делу в античных городах Причерноморья, в Древней Руси и средневековом Согде¹². Попытки анализа эволюции отдельных видов оружия, в частности, сложносоставных луков предпринимались и на материале культур средневековых кочевников Южной Сибири.

¹⁰ *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. С. 103—106.

¹¹ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М., 1965; *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев, 1968; *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М., 1971; *Литвинский Б. А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1965, № 2. С. 75—91; *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

¹² *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. М., 1966; *Кириичников А. Н.* Древнерусское оружие. М., Л., 1966, вып. 1, 2; Л., 1971, вып. 3.

Решение оружейведческих проблем на материале кочевых культур Северной и Центральной Азии в силу ограниченности информативности письменных и изобразительных источников во многом основано на анализе вещественных данных. Поэтому вопросы систематизации и классифицирования артефактов имеют для сибирского и центральноазиатского оружейведения первостепенное значение. В этой связи естественно обращение сибирских археологов-оружиеведов к анализу представительных комплексов вооружения южно-сибирских культур древности и средневековья.

Особенности источниковой базы и задачи исследования были учтены при анализе комплекса вооружения енисейских кыргызов VI—XII вв. н. э., предпринятом в 70-х годах автором настоящей работы¹³.

Выбор данной темы для изучения базировался на состоянии источников и достигнутом уровне решения задач общесторической интерпретации культуры енисейских кыргызов. Характер вещественных изобразительных и письменных источников и осмысление возможностей реализации задач исследования позволили наметить очередность решения вопросов комплексного анализа: систематизацию материалов по вооружению, типологическую классификацию внутри отдельных видов оружия, сведение их в единый комплекс боевых средств, реконструкцию особенностей структуры военной организации и военного искусства. Обоснованность конкретных положений верифицировалась путем сопоставления с фактами военной истории¹⁴.

В ходе работы была отработана методика классифицирования предметов вооружения, рассмотрены теоретические вопросы классификации данной категории артефактов, произведено определение веса формальных признаков, обоснована последовательность выделения единиц классификации. Традиционная схема деления артефактов по степени всеобщности признаков таких, как материал изготовления, способ насада, сечение и форма рабочей части, получила рациональное обоснова-

¹³ Кулемзин А. М., Горский М. Р. Развитие тагарских бронзовых кинжалов и изменение механических свойств их перекрестий // В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. С. 53—59; Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв. Новосибирск, 1980.

¹⁴ Там же. С. 149—164.

ние. Была разработана методика верификации обоснованности выделения единиц классификации формально-логическими методами¹⁵.

Разработанная программа изучения военного дела оказалась применена для анализа материалов других культур средневековых кочевников.

Достигнутый уровень оружиеведческих исследований, обеспечение их фактическим материалом и методическими приемами, его анализ — все это требует осмысления основных результатов предшествующего изучения с целью дальнейшей рационализации имеющейся методики и определения новых задач в разработке проблем оружиеведения кочевников Азии. Первоочередной задачей оружиеведения азиатских кочевников остается пополнение фондовых материалов, их систематизация, типологическая классификация, реконструкция комплекса боевых средств, структуры военной организации и военного искусства конкретных кочевых культур.

Не менее существенной на текущий момент исследования является задача выявления региональных и всеобщих закономерностей и эволюции военного дела кочевников, выявление этапов изменений в комплексе боевых средств, особенностей организационной структуры войска и тактических возможностей военных сил кочевников. Важно и выяснение причинно-следственных связей и конкретного механизма трансформации оружейного комплекса во времени и пространстве, условий появления нововведений и исчезновения традиционных форм.

Остается актуальной задача дальнейшего усовершенствования методических приемов оружиеведческого анализа.

Важным резервом повышения эффективности оружиеведческих исследований является кооперация усилий отдельных ученых, занятых в данной области знания. Целенаправленные поиски совершенствования организационных форм развития оружиеведческой науки должны способствовать наиболее полному и всестороннему охвату научными изысканиями малоисследованных тем, остающихся за пределами внимания современных иссле-

¹⁵ Худяков Ю. С. Основные понятия оружиеведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI—XII вв. н. э. // См. В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 184—193.

дований. К числу таких проблем относится изучение военного дела кочевников в период позднего средневековья — в исторический момент смены холодного оружия огнестрельным, когда имманентному развитию военного искусства кочевников был положен предел самой эволюцией военной техники, совпавший с постепенным угасанием культурно-хозяйственного типа кочевых скотоводов на исторической арене. Тогда данная тематика, затронутая в историко-этнографическом аспекте Ч. Валиханова на одном из конкретных примеров, может быть вписана в качестве определенной ступени в представления об эволюции военного оружия кочевого общества.

ВКЛАД ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА В ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

И. В. ЕРОФЕЕВА,

кандидат исторических наук (Алма-Ата)

Научная деятельность выдающегося казахского ученого и просветителя Ч. Валиханова началась в 50-е годы XIX в., когда завершился процесс добровольного присоединения Казахстана к России, продолжавшийся более 100 лет и нашедший самое широкое отражение в дореволюционной публицистике и научной литературе. Многие ученые и политические деятели второй половины XIX в. (В. В. Григорьев, М. И. Венюков, М. А. Терентьев, Ф. Мартенс и др.) осмысливали итоги продолжительного движения России на Восток, искали его изначальные причины, судили и задумывались о последствиях присоединения края. Впервые в отечественном востоковедении тема присоединения Казахстана к России стала предметом научного анализа со стороны представителя казахского народа — Чокана Валиханова, человека, сочетавшего европейское образование с познаниями в области восточных культур.

Свои исследования по истории взаимоотношений Казахстана с Россией Ч. Валиханов основывал на солидном и разнообразном фундаменте источников, включающих документы Омского архива Пограничного управления Западной Сибири, фундаментальные труды русских и западноевропейских ученых XVIII—XIX вв., материалы русской и западноевропейской прессы. Но наибольший научно-практический интерес представляют непосредственные записи Ч. Валиханова многих образцов народного творчества казахов: исторических преданий, эпоса, фольклора и других источников, в которых запечатлелась память народа о трагических событиях джунгарского нашествия первых десятилетий XVIII в., героях

национально-освободительной борьбы казахского народа, выдающихся политических деятелях Центральной Азии XVIII в.

Одной из наиболее важных проблем присоединения Казахстана к России является выявление сложного комплекса объективных и субъективных факторов, определяющих формирование внешнеполитической ориентации казахских владетелей на рубеже XVII—XVIII вв. Этому вопросу Ч. Валиханов уделил наибольшее внимание в своих записях и научных статьях.

«Первое десятилетие XVIII в. было ужасным временем в жизни киргизского (казахского.— И. Е.) народа,— писал он в статье, посвященной хану Среднего жуза Аблаю,— преследуемые повсюду свирепыми джунгарами, киргизы, подобно стадам испуганных сайгаков... бегут на юг... и вступив во вражду с новыми соседями, киргизы обращаются к границам могущественной России, чтобы искать ее помощи и покровительства»¹. По мнению Ч. Валиханова, вторжения ойратских феодалов ускорили принятие казахами российского подданства. Однако исследуя исторические последствия «Актабан шубрунды», он не придавал внешнеполитическому фактору самодавлеющего значения в оформлении этого юридического акта. Неоднократно указывая, что казахи «связаны с русскими историческим и даже кровным родством», Ч. Валиханов расценивал джунгарское нашествие прежде всего как важный импульс к юридическому оформлению уже реально сложившихся издавна русско-казахских отношений.

При изучении истории развития этих взаимоотношений Ч. Валиханов постоянно обращал внимание на такие важные побудительные стимулы к сближению, как обоюдная заинтересованность сторон в торгово-экономических контактах, а также целесообразность оказания взаимной военной помощи в борьбе против внешних врагов. Важно отметить, что в своей концепции русско-казахских связей Чокан Валиханов глубже других дореволюционных исследователей подошел к научному объяснению предпосылок присоединения Казахстана к России, указав на первенство в этом процессе объективных сил. Его оценка общественно-политической обстановки в Казахстане в первой четверти XVIII в. сыграла

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 112.

важную роль в утверждении материалистического взгляда на характер и прогрессивные последствия вхождения казахского народа в состав России. В основных чертах она легла в основу современной концепции присоединения².

Важное научно-практическое значение для анализа политической истории Казахстана первой половины XVIII в. представляют оригинальные материалы Ч. Валиханова о роли казахских батыров в общественной жизни региона рассматриваемого периода, почерпнутые им из глубин народных эпических преданий и творчества известных импровизаторов — жырау. В сравнительно-историческом контексте с данными русских письменных источников исторические сведения о батырах XVIII в. (Букенбае, Жаныбеке, ханах Младшего и Среднего жузов Абулхаире и Аблае и др.), изложенные Ч. Валихановым, позволяют говорить о степени политического влияния различных социальных групп казахского общества на международные отношения той эпохи и вместе с тем на характер русско-казахских отношений. В комплексе они представляют убедительные свидетельства в пользу того мнения, что принятие ханом Абулхаиром российского подданства в 1731 г. не являлось политическим сговором царской администрации с правящей казахской верхушкой, как об этом настойчиво пытаются утверждать многие буржуазные историки, а было закономерным явлением, обусловленным логикой развития международных отношений в Центральной Азии и объективными политико-экономическими потребностями казахского общества в сближении с Россией.

Ценные мысли и наблюдения были высказаны Ч. Валихановым по вопросу о политической деятельности хана Аблая, стремившегося, как справедливо утверждал казахский ученый, к стабилизации внешнеполитической обстановки в Казахстане и обеспечению благоприятных условий транзитной торговли на караванных путях. В статье «Аблай» Ч. Валиханов убедительно показал, что с внешнеполитической стратегией этого авторитетного правителя были тесно связаны его попытки дипломатическим путем добиться относительно независимого существования казахских ханств, пресечения попыток извне навязать казахам чужеземный суверенитет. В этой

² История Казахской ССР Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 28—30.

связи Ч. Валиханов обратил внимание на одно важное обстоятельство.

В период активизации экспансии Цинов на юго-восточных рубежах казахов (конец 50-х — начало 60-х гг.) последние пытались примкнуть к национально-освободительной борьбе народов Центральной Азии, рассчитывая совместными усилиями противостоять натиску Цинов. «Киргизы,— пишет по этому поводу Ч. Валиханов,— хотя продолжали посылать в Пекин послов, но вместе с тем написали письмо к Ахмету-шаху и умоляли его подать помощь»³.

Это замечание казахского ученого полностью подтверждается сведениями русских источников, в которых с разных сторон показано стремление казахского, киргизского, уйгурского и других народов Восточного Туркестана совместными усилиями отстоять свой суверенитет⁴.

В «Записке о Кокандском ханстве» Ч. Валиханов обстоятельно анализирует современные ему политические события в Семиречье и Южном Казахстане, отмеченные сопротивлением казахского населения действиям кокандских феодалов и продвижением русских войск в Илийскую долину. Упрочение влияния России во вновь присоединенных областях рассматривается им на широком фоне исторических событий той эпохи и оценивается как глубоко прогрессивный акт, положивший начало ликвидации феодальных междоусобиц и торгово-экономическому освоению края.

Красной нитью через все исследования Ч. Валиханова по истории Казахстана XVIII — первой четверти XIX в. проходит последовательная мировоззренческая позиция автора: утверждается признание прогрессивного влияния процесса присоединения на исторические судьбы казахского народа. Ч. Валиханов был первым ученым из казахской среды, который аргументированно обосновал мысль об определяющей роли европейской культуры и просвещения в становлении материального и духовного прогресса своего народа, указал на огромное влияние европейской культуры в пробуждении социального и нравственного самосознания казахов,

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 323—324.

⁴ Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979. С. 187—199.

приобщения их к сфере передовых социально-политических и нравственных идей.

В наиболее целостном виде взгляды Чокана Валиханова по этому вопросу сформировалась в последние годы его жизни в статьях: «Записка о судебной реформе» и «О мусульманстве в степи». Эти работы позволяют говорить не только об идейной преемственности просветительских традиций русской востоковедческой литературы, но и о вкладе выдающегося казахского ученого в историографию Российского Просвещения. Впервые в отечественной ориенталистике разносторонне был обоснован критический взгляд на роль мусульманского духовенства в духовном развитии казахского народа и последовательно утверждалась демократическая мысль о том, что сближение уровня культурного развития двух народов может быть достигнуто только путем распространения в Казахстане европейских форм просвещения и культуры, пропаганды светских знаний «в энергической борьбе с препятствиями, мешающими достижению этой цели», т. е. путем борьбы с религиозными верованиями и предрассудками.

Признавая методологическую ограниченность исторических воззрений Ч. Ч. Валиханова на роль России в социально-экономическом и культурном прогрессе казахского народа, следует иметь в виду, что они составили совместно с другими просветительскими идеями XIX в. то ценное «наследство», которое заложило прочный фундамент для разработки диалектико-материалистической теории национальных отношений в нашей стране.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА

Н. Э. МАСАНОВ,

кандидат исторических наук (Алма-Ата)

В научном наследии выдающегося казахского ученого Ч. Ч. Валиханова выделяются особенно труды, в которых он анализирует некоторые сложные вопросы этнографии и истории народов Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Казахстана. Велик вклад Валиханова в разработку проблем этнической истории тюркских народов этого региона. Им впервые был высказан целый ряд интересных положений, сохраняющих свое значение по настоящее время, в том числе по этногенезу киргизов, казахов и уйгуров. Труды Ч. Ч. Валиханова по вопросам этногенеза тюркских народов вплоть до появления работы Н. А. Аристова не имели аналогов в мировой науке.

Не менее значителен вклад Ч. Ч. Валиханова в изучение проблемы происхождения казахского народа. Вплоть до середины XIX в. в историографии преобладало мнение, высказанное впервые Витзенем, согласно которому казахи произошли от енисейских кыргызов. П. И. Рычков считал, что казахи произошли от «алатай-киргизов», а Н. Я. Бичурин полагал, что казахи были приемниками древнего Кангюя. В свою очередь А. Н. Левшин считал, что казахи «народ древний», который составляет «одну из отраслей турецкого племени» и по древности «не уступает ни найманам, ни киргизам». Авторы в своих суждениях базировались в основном на домыслах, поскольку они не знали аутентичных источников. Ч. Ч. Валиханов и параллельно и независимо от него В. В. Вельяминов-Зернов впервые привлекли восточные нарративы и в особенности «Тарихи-Рашиди» Мухаммеда Хайдара, которые позволили дать научную интерпретацию завершающего этапа процесса этногенеза казахского народа. Казахский ученый впервые положил в основу исследовательского поиска анализ и сопоставление не только письменных источников, но и казахских генеалогических преданий и легенд, что позволило ему глубоко понять основные элементы этногенетического процесса.

В результате серьезного изучения большого фактического материала Ч. Ч. Валиханов пришел к выводу, что казахи «народ не древний». «Все данные, собиравшие которых я теперь занимаюсь... подтверждают, что народ казак... образовался от союза разных племен турецких и монгольских во время междоусобий в орде, начавшихся тотчас после смерти Бердибека [1359], а не народ древний, о котором писал Фирдоуси». Интересно отметить, что чуть позднее выдающийся венгерский ученый А. Вамбери попытался реанимировать точку зрения А. И. Левшина о домонгольском происхождении казахов, основываясь именно на сообщении Фирдоуси о казаках. Ч. Ч. Валиханов нашел несостоятельным данное суждение. В дальнейшем немало авторов, в частности М. Тынышпаев, Х. Адильгиреев, в той или иной форме пытались возродить гипотезу А. Вамбери, но современная историография придерживается точки зрения Ч. Ч. Валиханова.

Ч. Ч. Валиханов приурочил образование казахской народности ко времени возникновения «политической отдельной общины» из разноплеменных родов независимо от их происхождения, «соединившихся вследствие общих интересов и известных обстоятельств в одно политическое тело». Иначе говоря, завершающий процесс этногенеза, т. е. фазу его кристаллизации, Ч. Ч. Валиханов связывал с оформлением политического организма. В этой связи интересно заметить, что современные исследователи теории этноса, в частности Ю. В. Павленко, считают, что на завершающем этапе этногенеза этнос всегда стремится к созданию своего собственного политического, государственного организма. И здесь Ч. Ч. Валиханов во многом предвосхитил свое время, а его идеи находят подтверждение в современных теоретических исследованиях.

Существенно и то, что Ч. Ч. Валиханов практически впервые в русской историографии указал на специфику этнических процессов в среде кочевников, обусловленную кочевым образом жизни. Современные теоретики разделяют эту мысль ученого, который доказал, что накопление однотипных этнических признаков, т. е. собственно процесс этногенеза, базируется на специфическом типе хозяйственно-культурной деятельности в особых условиях среды обитания и строится на оппозиции «мы — они». Вследствие этого процесс этногенеза казахов ре-

конструируется как процесс накопления однотипных этнических признаков на базе кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности.

В конкретно-историческом плане Ч. Ч. Валиханов не совсем адекватно представлял себе этническую историю казахского народа. И это закономерно, поскольку в его распоряжении не было и сотой части тех источников, археологических, письменных, этнографических, которые имеются у современного исследователя. Вследствие этого его конкретно-исторические представления о процессе происхождения казахского народа кажутся сейчас наивными и поверхностными. Однако и в этом плане Ч. Ч. Валиханов внес немало нового и интересного в существующую историографию. Особенно замечательно то, что он практически первым указал на наличие мангытского (ногайлы) пласта в этногенезе казахов и высказал подтвердившееся более поздними исследованиями предположение о завершении процесса происхождения казахского народа в XV в.

Труды Ч. Ч. Валиханова, несмотря на то, что вплоть до середины нашего столетия они оставались по большей части не опубликованными, сыграли важную роль в изучении этнической истории казахов и являлись по сути дела первым опытом исследования процесса этногенеза, определения и выявления методов его анализа.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА РАБОТ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА ПО ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ

Н. А. АЛИМБАЕВ,

кандидат исторических наук (Алма-Ата)

В течение своей многолетней научной деятельности Ч. Ч. Валиханов никогда специально не занимался теоретическими вопросами этнической культуры казахского народа. Отсюда отсутствие в его трудах исторически и логически обоснованных определений, понятий и категорий, которые образуют концептуальную базу современной культурологии. Тем не менее все исследования казахского ученого — а все они в сущности культуроло-

гические — проникнуты весьма тщательно продуманным пониманием традиционной культуры казахского народа как всеобщего универсального определения, как сущностной характеристики кочевого образа жизни.

Для того, чтобы предметно и объемно представить культуру научного мышления ученого, концептуальную основу культурологического наследия, очевидно, требуется выход на уровень теоретического познания, ибо именно теоретический подход, базирующийся на основополагающих принципах марксистской методологии, позволяет видеть за «планом выражения» «план содержания» (М. М. Бахтин, А. Я. Гуревич).

Пожалуй, ни у кого не вызывает сомнения то очевидное и весьма примечательное обстоятельство, что все без исключения исследования Ч. Ч. Валиханова по истории, этнографии и культуре казахского народа так или иначе связаны прежде всего с традиционной культурой своего народа. И это вполне понятно. Культура в ее широком понимании мыслилась им той областью, в которой аккумулирован многовековой социальный опыт народа, являющийся своего рода системой генерализующих и регулятивных принципов жизнеобеспечения и жизнедеятельности данного этносоциального организма. При этом он достаточно определенно представлял, что именно в культуре однотипные этнодифференцирующие и этноинтегрирующие признаки жизни народа, этническое самосознание и саморазличение по основным социокультурным параметрам общественного строя проступают особенно рельефно, что находит свое концентрированное выражение в оппозиции «мы — они».

Замечательно и то, что Ч. Ч. Валиханов одним из первых высказал весьма плодотворную мысль об экологической обусловленности культуры кочевников (начиная от культуры производства материальных благ до культуры ношения одежды). Содержание его исследований подводит к выводу фундаментальной важности: корректирующее и регулирующее воздействие степной экосистемы на вещественно-субстратную основу культуры, т. е. собственно на элементы материальной культуры и духовной жизни кочевников функционально опосредуется системой материального производства. Поскольку культура в широком смысле является основой основ опредмечивания целеполагающей деятельности индивида, она в сущности и есть адаптивно-адапти-

рующий механизм этносоциального организма в данной экосреде.

Ч. Ч. Валиханов всегда проявлял живейший интерес к традиционной фольклорной культуре своего народа, систематически собирал и изучал многочисленные образцы устного народного творчества: эпические произведения, сказки, мифы, генеалогические и исторические легенды и предания. Фольклорная культура казахов в понимании ученого прежде всего есть социальная память народа, поскольку именно в ней как в фокусе отражаются основные социокультурные параметры жизнедеятельности кочевого общества. В многочисленных трудах Ч. Ч. Валиханова конкретно-исторически было продемонстрировано то важное обстоятельство, что памятники устного творчества, соотносимые с письменными и археологическими данными, послужат едва ли не единственно уникальным источником изучения социальной и этнической истории народа, в особенности его традиционного миропонимания. Вместе с тем ученым подчеркивается огромное познавательное значение элементов традиционной фольклорной культуры в изучении социокультурных норм и принципов общественного поведения.

Примечательно и то, что Ч. Ч. Валиханов одним из первых высказал мысль о значении культурной лексики, устойчивых словосочетаний — клише, фразеологизмов, этнонимов, эпонимов и т. п. в реконструкции этногенеза и этнической культуры народа. К сожалению, эта гипотеза, получившая научно обоснованное подтверждение в современных исследованиях по истории других народов¹, в казахстанской этнической историографии до сих пор незаслуженно обходится.

Особый интерес Ч. Ч. Валиханов проявляет к проблеме механизма воспроизводства духовной культуры в кочевой среде, т. е. механизма стереотипизации и трансмиссии культурных ценностей. В этой связи он изучает социально организованные (институционализированные) формы культурной системы, какими являются разнообраз-

¹ См., например: *Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968; *Иванов В. В.* Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976; *Он же.* Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках// В сб.: *Этимология*, 1967. М., 1969; *Клоусон Дж.* Лексико-статистическая оценка алтаиской теории// *Вопросы языкознания*. 1969, № 5; *Литвинский Б. А.* Кангюско-сарматский фарн. Душанбе, 1968 и др.

разные виды ритуально-обрядовых, религиозных действий, национальных игр и общественных предписаний кочевников. Именно социально организованные формы традиционной культуры, как это видно из контекста многочисленных работ ученого, выступают в роли своего рода стабилизатора в динамической структуре кочевого общества, т. е. они суть механизма производства и воспроизводства культурных ценностей.

Данная мысль конкретно-исторически вполне демонстрируется известной работой Ч. Ч. Валиханова «Следы шаманства у киргизов», являющейся едва ли не единственным и полным описанием этого древнейшего религиозного верования казахов. Подробно характеризуя *понятия, категории и принципы культовых отправления*, ученый отмечает причудливое переплетение в шаманизме разнохарактерных мировоззренческих структур — народных и религиозных. Поэтому в деле реконструкции традиционного миропонимания, космогонических представлений казахов изучение шаманизма приобретает особый познавательный смысл, что достаточно определенно подтверждается современными религиоведческими исследованиями².

В механизме производства и воспроизводства духовной культуры кочевников весьма активную роль играли салы, акыны-импровизаторы, сказители, жырау, народные шуты (сайкы), представители музыкально-песенного творчества (энші, куйші) — живые носители культурных ценностей. Поэтому исследованию их творчества Чокан Валиханов всегда придавал огромное значение. Он хорошо понимал методологическую важность изучения проблемы в том аспекте, что отношение мировоззрения носителя культурных ценностей — этнофора — к своему репертуару есть отношение плана к содержанию, а творческая биография этнофора является временной осью формирования его творческого репертуара. Этнофор, как это явствует из содержания работ Ч. Ч. Валиханова, в вертикальной (межпоколенной) и в горизонтальной (по схеме индивид—индивид, индивид—общество)

² См.: Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980; Он же. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (Опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск, 1984; Басилов В. Н. Избранники духов. М., 1984; Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма с древнейших времен по XVIII в. Новосибирск, 1980, и др.

ство, общество—индивид, община—община) структурах культурной системы как бы выступает в роли посредника-медиатора.

Решающая роль в межпоколенной организации, аккумуляции и трансляции социального опыта принадлежит семье, которая Ч. Валихановым по праву рассматривается как основной средообразовательный (медиапативный) фактор функционирования элементов культурной системы.

Такова вкратце далеко не полная теоретическая характеристика творческого вклада выдающегося ученого в разработку этнической культуры казахского народа, не утратившего своей огромной научной ценности и в настоящее время.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В РАБОТАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

*О. И. ИСМАГУЛОВ,
доктор исторических наук (Алма-Ата)*

Интерес к науке у Ч. Ч. Валиханова был разносторонним. Об этом говорит и его стремление, например, разобраться в вопросах исторической антропологии.

Как известно, в середине XIX в. антропологическая наука делала лишь свои первые шаги. При описании физических особенностей народов она опиралась в основном на визуальные характеристики. В этот период еще четко не оформились объективные представления о различиях между расами и народами, т. е. между биологической и исторической общностью людей. Генетическая близость между расовыми вариантами определялась без учета таксономических рангов на основе случайного сходства признаков. В целом многие аспекты современных воззрений науки о человеке еще находились в зародышевом состоянии.

Интерес Ч. Ч. Валиханова к естественной истории народов был достаточно глубоким. В оценке природы человека он оставался подлинным гуманистом.

В его работе содержится целый ряд высказываний,

замечаний, связанных с вопросами исторической антропологии края, большинство которых и сейчас не устарело.

В области исторической антропологии основное внимание Валиханова было направлено на изучение проблемы этногенеза и этнической истории народов среднеазиатско-казахстанского региона. Хотя он не создал специальных работ по антропологии, но знание ее основ и разносторонние поиски генезиса различных этнических групп позволили ему дать правильное определение антропологического типа среднеазиатских народов.

Из богатого научного наследия Ч. Валиханова мы хотели бы выделить лишь некоторые аспекты исторической антропологии, связанные с расогенезом народов Средней Азии и Казахстана. В антропологическом отношении наибольший интерес вызывает известный труд Ч. Ч. Валиханова «Очерки Джунгарии». Эта работа содержит не только исторический и этнографический материал, но и информацию об антропологической особенности народов Средней Азии. В ней автор сделал попытку антропологической дифференциации народов Средней Азии. Среди них он выделяет несколько расовых типов. «Вообще по устройству черепа и типу лица среднеазиатские народы,— писал Ч. Ч. Валиханов,— можно разделить на персиян, монголов и турков»¹. Здесь речь идет об антропологических типах таджиков, калмыков, казахов и др. Поскольку калмыки являются выходцами из Центральной Азии и относятся к монголоидной расе, то разделение аборигенного населения на две группы (таджики, турки) было довольно плодотворной дифференциацией для того времени.

В плане исторической антропологии заслуживают внимания замечания Ч. Ч. Валиханова, касающиеся локального различия таджиков. Среди них он выделил две локальные группы. Согласно его утверждениям, «персиане разделяются на горных — гальча и на низменных — таджик и относятся к кавказскому племени: таджики смуглые и черноволосые»². Как известно, население Западного Памира в то время (да и вплоть до начала XX в.) именовалось гальча. Исследователи конца XIX в. относили эту локальную группу таджиков к ветви альпийской расы (Уйфальви, Деникер, Стейн и др.). Пра-

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 1. С. 402.

² Там же.

вильно подмеченные Ч. Ч. Валихановым локальные антропологические различия таджиков нашли реальное отражение в трудах советских антропологов. Основные различия между горными и равнинными таджиками сводятся к тому, что первые характеризуются выраженными чертами европеоидной расы, а среди равнинных таджиков прослеживаются элементы монголоидной примеси.

В трудах Ч. Валиханова содержится антропологические сведения о других среднеазиатских народах, которые объединены под общим наименованием «тюрки». «Вообще в физическом виде этих народов заметна помесь, соединение черт кавказского племени с монгольским»³. Такая трактовка расового состава коренных насельников Средней Азии в трудах Ч. Ч. Валиханова вполне согласуется с основными итогами исследования советских антропологов.

Результаты современных исследований показали, что в антропологическом составе среднеазиатских народов главным образом выделяются две расовые группы: европеоидная и контактная, т. е. монголоидно-европеоидная. Первая широко представлена среди таджиков, что подтверждает мысли Ч. Ч. Валиханова. Что касается тюркоязычных народов, о которых пишет ученый, то здесь имеются в виду казахи и киргизы. Среди них преимущественно распространены смешанные черты монголоидно-европеоидной расы. Другие тюркоязычные народы, как узбеки, туркмены и др., также в известной мере смешанного происхождения. Среди них монголоидная примесь представлена в слабой степени. В целом в основе их физического облика лежит местный древний европеоидный расовый тип. Таким образом, современная антропологическая картина Средней Азии вполне определенно перекликается с основными идеями Ч. Валиханова о смешанном происхождении тюркоязычных народов данного региона.

Несмотря на то, что тюркоязычные народы Средней Азии представляли собой помесь европеоидной и монголоидной рас, они рассматривались Ч. Ч. Валихановым как исконные жители края. В этом заключалась одна из сильных сторон его научных воззрений в понимании этногенетического аспекта местных насельников. Как

³ Там же.

известно, до недавнего времени не всеми исследователями разделялось мнение о древности и автохтонности происхождения расовых типов местных популяций. Это прежде всего касалось антропологического типа казахов. Так, например, в конце XIX в. А. Н. Харузин считал, что процесс смешения и становления физического облика казахов находился за пределами их современного расселения, т. е. в Центральной Азии (Харузин, 1896). Другие исследователи считали, что поскольку в расовом типе казахов преобладают привнесенные монголоидные элементы, то они являются популяциями восточного происхождения (Гохман, 1973). Однако несостоятельность подобного рода рассуждений сталкивается с реальными антропологическими и археологическими фактами Казахстана от эпохи бронзы до позднего средневековья.

Глубоко волновала Ч. Ч. Валиханова проблема происхождения казахского народа. Это можно видеть из письма Ч. Валиханова к И. Н. Березину⁴. Он тщательно изучил всю историческую информацию, связанную с происхождением казахского народа, и пришел к выводу, что «народ этот образовался не ранее XIV века»⁵. Вместо с тем Ч. Валиханов указывал на происхождение казахов «от смешения тюрков и монголов, но со значительным перевесом монгольского корня»⁶. Правда, в его трудах нет прямых указаний на то, какой из них более древний и местный.

Эти и другие высказывания Ч. Валиханова о происхождении и времени сложения казахской народности в целом находятся в соответствии с основными данными исторической антропологии Казахстана. Так, в эпоху бронзы, согласно палеоантропологическим данным, насельники Казахстана относились к различным вариантам древней европеоидной расы.

Антропологические изменения древних насельников Казахстана прослеживаются, начиная с раннего железного века в связи с проникновением монголоидных групп. Об этом можно судить по величине условной доли монголоидных элементов в антропологическом составе местных популяций того времени. Отмечается нарастание этой доли на различных этапах историко-культур-

⁴ Там же. С. 129—130.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 210.

ного развития населения Казахстана. Удельный вес монголоидных элементов в физическом облике местных насельников возрастал постепенно и стал превалировать над европеоидными лишь в период позднего средневековья Казахстана. Следовательно, в этот период население края, в сущности, пережило очередной этап метисационного процесса в своем расогенетическом развитии.

В целом характерный для современных казахов антропологический тип, как об этом свидетельствуют краниологические данные, сформировался на обширной территории Казахстана в середине II тысячелетия н. э. Такая хронология становления расового типа казахов вполне соответствует периоду образования их этнической общности, на который указывал Ч. Ч. Валиханов. Таким образом, историческая антропология Казахстана в целом подтверждает плодотворность мысли Ч. Ч. Валиханова не только о времени сложения казахской народности, но и о ее смешанном происхождении, генетически восходящем к глубокой древности.

Заслуживают внимания замечания Ч. Ч. Валиханова, касающиеся антропологической особенности народов Восточного Туркестана, которых он наблюдал лично. В целом правильно определен Ч. Ч. Валихановым расовый тип коренных жителей Восточного Туркестана. «По лицу же своему туркестанцы,— писал Ч. Ч. Валиханов,— напоминают тип индоперсидский и очень походят на среднеазиатских таджиков, которые считают себя аборигенами страны еще до прихода тюрок...»⁷ Такая характеристика вполне подтверждается современной антропологической классификацией народов Средней Азии. Эти и другие изыскания Ч. Ч. Валиханова сыграли важную роль в создании научных основ исторической этнографии и антропологии народов Восточного Туркестана.

Таким образом, проводимая в этноисторических исследованиях Ч. Ч. Валиханова идея развития антропологической особенности народов Средней Азии и Казахстана сохранила до сего времени свое научное значение, и она продолжает оказывать плодотворное влияние в разработке проблемы исторической антропологии обширного региона Евразии.

⁷ Там же. Т. 2. С. 78.

**ТРУДЫ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ
А. Х. МАРГУЛАНА**

*М. С. МУКАНОВ,
кандидат исторических наук (Алма-Ата)*

А. Х. Маргулан относится к той плеяде ученых, которым выпала трудная, но счастливая доля быть первооткрывателями в науке и усилиями которых культура казахского народа стала достоянием всего человечества.

Еще во второй половине XIX в. П. П. Семенов-Тянь-Шанский, К. К. Гутковский, Ф. Р. Остен-Сакен, Г. Н. Потанин стремились воздать должное научному подвигу Ч. Ч. Валиханова — издать его сочинения, но эта благородная задача, кроме публикации нескольких работ, не была осуществлена. И только в 1904 г. профессору Петербургского университета, востоковеду Н. И. Веселовскому удалось издать основные произведения Ч. Ч. Валиханова. Но это издание не давало всеобъемлющего представления о научном наследии Ч. Ч. Валиханова.

Многоплановая научная разработка наследия Ч. Ч. Валиханова осуществлена в наше время. В 1941 г. А. Х. Маргулан опубликовал интересную статью¹, где представил Ч. Ч. Валиханова как исследователя истории народов Средней Азии. Эту работу можно считать прелюдией к будущему изданию трудов Ч. Ч. Валиханова.

Рукописное наследие Ч. Ч. Валиханова хранится во многих архивах нашей страны (в Москве, Ленинграде, Омске, Томске), и нужно было выявить неизвестные рукописи, исследовать их, дать научные комментарии и биографические справки, чтобы подготовить академическое издание. Достаточно сказать, что место нахождения рукописей основных работ Ч. Ч. Валиханова, изданных проф. Н. И. Веселовским в 1904 г., не было известно, и группе чокановедов во главе с А. Х. Маргуланом удалось разыскать их. Сверка изданного Н. И. Веселовским с автографами Ч. Валиханова выявила в некоторых работах существенную разницу. Например, Н. И. Весе-

¹ Маргулан Э. Х. Шоқан Уәлиханов — Орта Азия халықтарының тарихи зерттеуші // Коммунист. 1941. № 4. 37—42-б.

ловским были выброшены целые абзацы, ряд мест подвергся сокращению и даже значительному изменению («Очерки Джунгарии», «Дневник поездки в Кашгар», «Записка о судебной реформе» и др.). И. А. Х. Маргулану с группой чокановедов стоило большого, упорного труда восстановить и донести до читателя авторский замысел ученого. «Главная сложность заключалась в том,— писал А. Х. Маргулан,— что автографы Валиханова имеют особую специфику, в них много условных обозначений, затрудняющих правильное чтение текстов. Ч. Валиханов часто писал сокращенно, на полях и в тексте делал многочисленные вставки и приписки на различных восточных языках, поэтому его рукописи местами нельзя прочитать»².

Годы упорных изысканий увенчались тем, что было выявлено около 300 названий рукописей, где наряду с законченными исследованиями имелись черновые наброски и тезисы неосуществленных замыслов ученого, переводы, выписки из архивов, источников, зарисовки и чертежи, сделанные рукой Ч. Ч. Валиханова во время путешествий, и т. д. Предстояла кропотливая работа: тщательная сверка текстов ученого с первоисточниками, заполнение лакун отдельных рукописей, уточнение неясных мест текста и т. д.

Особенно велика заслуга А. Х. Маргулана в подготовке к печати ранее не опубликованных работ Ч. Валиханова. К ним относятся такие, как «Письмо к профессору И. Н. Березину», «Извлечение из Джами'ат-таварих», «Песни Урака», «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Заметки по истории южносибирских племен», «Из Тарихи-Рашиди» и т. д. Задача состояла не только в издании сочинений Ч. Валиханова, но и в сопровождении их научными комментариями, отвечающими современному уровню развития науки. Комментарии А. Х. Маргулана следует считать научным трудом, позволяющим в полной мере понять мысль Ч. Валиханова. Без комментариев А. Х. Маргулана невозможно понять, например, некоторые строки отрывка из героического эпоса киргизского народа «Манас»—«Смерть Кукотай-хана и его поминки», классически переведенного Ч. Валихановым³.

Многие рукописи Ч. Валиханова, относящиеся к Вос-

² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 6.

³ Там же. С. 670.

точному Туркестану, выявлены и опубликованы благодаря группе чокановедов, руководимых А. Х. Маргуланом: «Западный край Китайской империи и город Кульджа», «О Западном крае Китайской империи» [«О торговле в Кульдже и Чугучаке»].

В 1902 г. на заседании Восточного отделения Русского археологического общества Н. И. Веселовский сделал сообщение, в котором изложил содержание эпоса «Манас» по записи Ч. Валиханова и констатировал, что киргизский текст не найден. Спустя шесть десятилетий А. Х. Маргулану удалось обнаружить автограф Ч. Валиханова этого героического эпоса⁴.

Значительной заслугой А. Х. Маргулана явилась подготовка к публикации черновых работ, заметок, отрывков из дневника и т. д. из архивного наследия Ч. Валиханова. Без научной апробации и комментариев публикация некоторых черновых работ Ч. Валиханова не представлялась возможной, так как нужно было понять мысль ученого, привести в соответствие и последовательность его черновые наброски и дополнения на полях, исправить некоторые абзацы и т. д. Эрудиция А. Х. Маргулана и многолетнее кропотливое изучение особенностей стиля Ч. Валиханова позволили ему придать черновым наброскам научную стройность, сопроводив их соответствующими комментариями. Благодаря усилиям А. Х. Маргулана и группы чокановедов, можно иметь представление о казахах Большой орды, о хлебопашестве и переносных жилищах казахов и т. д., которые отражены в статьях Ч. Валиханова, впервые опубликованных в наше время.

Большой вклад внес А. Х. Маргулан в разработку биографии Ч. Ч. Валиханова. Его можно смело назвать биографом, заполнившим пробелы в жизни и деятельности великого ученого. Новые материалы были обнаружены в различных архивах нашей страны. Например, в докладной министра иностранных дел А. М. Горчакова на имя Александра II содержится просьба о причислении Ч. Валиханова к Азиатскому департаменту, который может быть полезным... своими специальными сведениями». На докладной резолюции Александра II: «Испол-

⁴ Маргулан А. Х. Ч. Ч. Валиханов по отзывам русских и западноевропейских ученых // Вестник АН КазССР. 1966. № 10. С. 35. Прим. 142.

нить»⁵. В связи с переводом Ч. Валиханова имеется обширная переписка (330 листов) между Азиатским департаментом и различными учреждениями, где говорится о Ч. Валиханове как путешественнике и ученом.

Благодаря изысканиям А. Х. Маргулана и группы чокановедов удалось установить, какой была деятельность Ч. Валиханова в Петербурге, которая сосредоточилась в трех учреждениях: в Военно-учебном комитете Генерального штаба, Географическом обществе и в высшей школе при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В Азиатском департаменте Ч. Валиханов преподавал восточные языки, о чем узнаем по архивам Н. П. Игнатьева, в Географическом обществе читал лекции о Центральной и Средней Азии, что подтверждается воспоминаниями П. П. Семенова-Тян-Шанского, как опубликованными, так и хранящимися в архиве.

В архивах обнаружены письма ученых, писателей, путешественников, дипломатов, чиновников различного ранга, упоминающих имя Ч. Валиханова, отмечающих его деятельность и научный подвиг. Достаточно сослаться на такие авторитеты, как Семенов-Тян-Шанский, Потанин, Ядринцев, Достоевский, Врангель. Ценными являются биографии Ч. Валиханова, написанные его другом Г. Н. Потаниным и ставшие известными благодаря поискам А. Х. Маргулана. О дружбе Г. Н. Потанина и Ч. Валиханова рассказывает переписка Потанина с братьями А. Н. и В. Н. Белослюдовыми, которая впервые обнаружена А. Х. Маргуланом.

Архивные находки позволили А. Х. Маргулану описать целостную картину жизни и научной деятельности Ч. Валиханова, открывающую первое издание собраний сочинений великого ученого.

О личности Ч. Валиханова, его взглядах, круге интересов, взаимоотношениях с людьми разных социальных слоев общества говорит его эпистолярное наследие. Известна его переписка с Ф. М. Достоевским, А. Н. Бекетовым, А. Н. Майковым, Г. Н. Потаниным и др. А. Х. Маргулану посчастливилось разыскать три письма Ч. Валиханова отцу и одно брату Жакупу. Впервые эти письма были опубликованы в журнале «Простор» в

⁵ Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. 4. Оп. 27. Д. 225. Л. 3.

1960 г. А. Х. Маргулан исследовал эти письма с позиции историка и филолога. Он установил в письмах к отцу своеобразие стилистических приемов Ч. Валиханова, тесно связанных с традициями чагатайской книжной литературы. В такой традиции писались письма в грамотной среде казахского общества. В отличие от них письма к брату написаны живым разговорным языком.

Письма Ч. Валиханова существенно дополняют биографию великого ученого-просветителя. В первом письме из Омска (1857 г.) Ч. Валиханов намекает отцу о своей предстоящей поездке в Кашгар («Гасфорт охотно одобряет мою поездку»). Во втором письме к отцу из Петербурга (9 августа 1860 г.) Ч. Валиханов пишет о подготовке к печати своих научных трудов, о царских сановниках, с которыми он общался.

А. Х. Маргулан обратил внимание, что в этом письме Чокан упоминает только тех, кто занимал высшие административные должности (министры) и в этом, как верно подметил А. Х. Маргулан, «видно стремление Чокана подладиться под вкусы и привычки отца, воспитанного в духе чинопочитания и карьеризма»⁶. И еще надо было бы отметить (тоже в духе угождения отцу) одну строку из письма Ч. Валиханова. Оправдываясь в своих денежных расходах, Ч. Валиханов писал: «Чтобы представить императору, ездить на обед к высокопоставленным лицам, нужно было нанимать карету»⁷.

Анализируя третье письмо Ч. Валиханова к отцу (4 ноября 1860 г.), А. Х. Маргулан находит подтверждение о его поездке в Париж («... через месяц выеду из Петербурга в Париж»⁸), о чем до сих пор имелось единственное подтверждение⁹.

А. Х. Маргулан посвятил десятки статей Ч. Валиханову, явившихся новым словом в чокановедении. Достаточно указать названия некоторых исследований, чтобы понять глубину проблем, поставленных автором¹⁰.

⁶ Простор. 1960. № 9. С. 141.

⁷ Там же. С. 143.

⁸ Там же. С. 144.

⁹ Там же.

¹⁰ *Маргулан А. Х.* Неизвестные рукописи Чокана // *Казақ әдебиеті*. 1957. 7 июнь: Чокан Валиханов и его Кульдзинский дневник // *Дружба народов*. 1958. № 12. С. 156—160; Новые письма Чокана // *Жулдыз*. 1960. № 2. 135—145-б.; Чокан Валиханов — первый казахский ученый // *Білім және еңбек*. 1961. № 12. 4—6-б.; Найден список эпоса «Манас», записанный Ч. Валихановым // *Казақ әдебиеті*.

В 1984—1985 гг. к 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова Академией наук КазССР было подготовлено новое издание собрания сочинений великого ученого в пяти томах, ответственным редактором которого вновь был назначен А. Х. Маргулан. Это было связано с тем, что более чем за 20 лет многие научные проблемы решены значительно глубже, наследие ученого пополнилось новым фактическим материалом. Благодаря усилиям казахских ученых, писателей, краеведов найдены новые документы, более углубленно изучены мировоззрение, научная и просветительская деятельность Ч. Ч. Валиханова.

В отличие от издания 1961—1972 гг. в основу нового собрания сочинений положен хронологический принцип. В него включены ранее не известные статьи и письма, внесены поправки и уточнения в текст статей, комментарии в некоторых местах подверглись исправлению и дополнению в свете новых достижений исторической науки.

Собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова, осуществленные в 1961—1972 гг. и в 1984—1985 гг., являются важным вкладом в мировое востоковедение. Многие годы упорного труда группа чокановедов во главе с А. Х. Маргуланом посвятила поискам рукописей выдающегося ученого, а также материалов, говорящих о его жизни и деятельности. Академические издания сочинений Ч. Ч. Валиханова, осуществленные под научным руководством А. Х. Маргулана, еще многие годы будут настольной книгой для историков, географов, филологов и ученых других научных дисциплин. Также не теряют своей ценности публикации А. Х. Маргулана, в которых исследовано научное наследие Ч. Ч. Валиханова.

1965. 9 апрель; Ч. Ч. Валиханов по отзывам русских и западноевропейских ученых//Вестник АН КазССР. 1966. № 10. С. 16—41; Незавершенные замыслы Ч. Валиханова//Казақ әдебиеті. 1980. 4 янв.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

ДОКУМЕНТЫ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА В СОБРАНИИ АРХИВА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

Т. П. МАТВЕЕВА,

кандидат географических наук (Ленинград)

Практически все из обнаруженных до сих пор в архиве Географического общества документов, связанных с именем Чокана Чингисовича Валиханова, опубликованы и хорошо известны исследователям его жизни и творчества. И все же кратко стоит еще раз напомнить об этих документах, ибо именно в них хорошо отражены связи Валиханова с Географическим обществом, с его видными деятелями, те связи, которыми во многом определялось направление творчества ученого в последние восемь лет его короткой жизни.

Начало этим связям было положено в 1856 г. в Омске встречей Ч. Ч. Валиханова с П. П. Семеновым, тогда уже видным деятелем Русского географического общества. Это знакомство очень скоро вылилось в творческое, взаимно обогащающее сотрудничество на почве общих научных интересов.

Документальные свидетельства отношения Семенова к Валиханову как к высоко одаренному исследователю широкого географического профиля мы находим в деле об избрании его в действительные члены Географического общества¹. Оно состоялось в феврале 1857 г. вскоре после поездки Семенова в Кульджу, в которой принимал участие и Валиханов. Из текста представления к избранию, поданного П. П. Семеновым и секретарем Общества Е. И. Ламанским, видно, что вопрос о вступлении Валиханова в Географическое общество обсуждался с ним в 1856 г. во время встреч с Семеновым и что со стороны Валиханова выражалась готовность активно участвовать в Обществе.

¹ АГО. Ф—1—1857. Оп. 1. № 7.

Представление благожелательно рассматривалось 23 февраля на Ученом совете Общества под председательством Ф. П. Литке и при участии представителя отделения физической географии А. Д. Озерского, председателя отделения статистики П. И. Кеппена, секретаря общества Е. И. Ламанского, видных ученых Г. Н. Гельмерсена, К. С. Веселовского, Ю. А. Гегемейстера, государственного деятеля, члена-учредителя Общества А. И. Левшина. Избрание Ч. Ч. Валиханова в действительные члены Русского географического общества проходило на общем собрании Общества 27 февраля. Валиханову не было тогда и двадцати двух лет. Примечательно, что в таком же возрасте действительным членом Географического общества стал его друг П. П. Семенов.

В свое знаменитое путешествие в Восточный Туркестан, в подготовке которого инициативное участие принимал П. П. Семенов и которое впоследствии было оценено в кругах Географического общества как «замечательный географический подвиг»², Валиханов отправился полным сознания своей принадлежности к славному объединению географов России, своей непосредственной причастности к проводимым Географическим обществом исследованиям в Азии. Из отчетов Ч. Валиханова о поездке в Кашгар видно, что с результатами путешествия П. П. Семенова Валиханов ознакомился, надо думать, в ходе личных контактов, задолго до того, как они стали широко известными (впервые доклад П. П. Семенова «Первая поездка на Тянь-Шань, или «Небесный хребет» был зачитан на общем собрании Общества в марте 1858 г.) и что в своей поездке в Восточный Туркестан он усматривал продолжение изысканий, проведенных его ученым товарищем по Обществу.

Хорошо известно, каким вниманием был окружен Валиханов в среде Географического общества во время своего кратковременного пребывания в Петербурге. Все, кого интересовал Восток, встречали с его стороны готовность делиться своими обширными познаниями в области географии, истории, этнографии, фольклора, хозяйственного устройства его родных казахских степей. Об этом говорят несколько характерных примеров своего рода консультативной помощи, нашедшей отражение в

² Отчет ИРГО за 1865 г.

печати. Помещая в «Записках ИРГО» (1861 г., книга первая) сообщение члена-сотрудника Общества П. А. Кельберга о поливных полях в Забайкальском крае, редактор «Записок» А. Н. Бекетов обратил внимание на отсутствие пояснений об устройстве упоминающегося в сообщении водопровода, подающего воду вверх на горы. Пояснение было получено от Валиханова, которому была хорошо известна действовавшая система горного водопровода в Залийском крае у Царского моста при Коксуйской станции. Информация Валиханова помещена в подстрочном примечании к сообщению Кельберга.

Менее чем полтора года, проведенные Валихановым в Петербурге, были временем его исключительно напряженной деятельности, во многом связанной с подготовкой к публикации материалов его кашгарского путешествия.

Так случилось, что по каким-то причинам рукописи работ Валиханова, опубликованных в «Записках ИРГО» в 1861 г., в Архив Географического общества не поступили. Относится это, в частности, к «Очеркам Джунгарии» и к двум разделам капитального сочинения «О состоянии Алтышара...» — к географическому и историческому очеркам. Поступили в Архив лишь рукописи неопубликованных в том году разделов «О состоянии Алтышара...». Хранятся они в двух папках в виде тетрадей большого журнального формата, заполненных рукой переписчика. В первой папке³ заключены вводные разделы отчета: развернутый его план под названием «Описание Алтышара или Кашгарии», предисловие и «Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавский округ». По-видимому, эти рукописи вместе с опубликованными в 1861 г. рукописями географического и исторического очерков были переданы в редакцию «Записок-ИРГО» Валихановым. Из них Географическое общество в 1868 г. опубликовало лишь отрывок, содержащий описание пути от Заукинского прохода до Кашгара и обратно до Верного, но со значительными пропусками и некоторыми искажениями. Помещен этот отрывок в IV томе «Известий ИРГО» с небольшим предисловием редактора под названием «Поездка Ч. Ч. Валиханова в Кашгар».

³ АГО. Р. 65. Оп. 1. № 19. Л. 53.

Во второй более объемистой папке⁴ содержится авторизованная копия рукописи трех последних отделов отчета Валиханова: III. Народонаселение. IV. Правительственная система и политическое состояние края. V. Промышленность и торговля. На первом листе значится страница 292. Это означает, что перед нами часть, отделенная от большого сочинения, имевшего сплошную нумерацию страниц. Между тем, в копии рукописи, заключенной в первой папке, 108 страниц. До 292 страницы недостает 184, именно того количества страниц, которые могли быть заполнены опубликованными в 1861 г. разделами отчета — географическим и историческим очерками, рукописи которых не поступили после публикации в архив. Все это заставляет думать, что Валихановым была передана Географическому обществу копия полного отчета о его путешествии в Кашгар, причем, просмотренная и подписанная им. На последней, 485-й странице имеется автограф: «Поручик Валиханов».

Последние три раздела отчета Валиханова о его путешествии в Кашгар впервые увидели свет через 40 лет после смерти автора, в 1904 г. на страницах XXIX тома «Записок Географического общества», целиком отданного трудам казахского ученого.

Из хранящихся в Архиве Географического общества документов Валиханова особое внимание привлекает так называемый «Кашгарский дневник П», снабженный надписью: «Эта книжка с собственноручными заметками Чеккана Чингисовича Валиханова. П. Семенов»⁵. Представляет он собой скорее рабочую тетрадь для записей, связанных с творческой работой. В тетради несколько разномемных разделов, между которыми оставлено много свободных листов, словно в расчете на дальнейшие добавления к каждому из них.

Из содержания тетради 1904 г. были опубликованы в уже упомянутом XXIX томе «Записок Географического общества» раздел «Маршруты, собранные мною во время путешествия в Кашгар» и небольшая часть заметок, относящихся к этому путешествию. При этом, как отмечает редактор тома Н. И. Веселовский, материалы печатались не по автографу, а по списку «крайне неудовлетворительному». Полностью содержание тетради было

⁴ Там же. № 21. Л. 97.

⁵ Там же. № 72.

опубликовано по черновому автографу лишь в 1962—1964 гг. во втором и третьем томах изданного в Алма-Ате пятитомного собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова.

Несколько слов еще об одной хранящейся в Архиве Географического общества тетради Валиханова⁶. Речь идет о его сравнительно легко читаемом автографе «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи», снабженном прекрасными рисунками, и белой копии рукописи «Следы шаманства у киргизов». Последняя, с редкими стилистическими правками, сделана Н. И. Веселовским, готовившим рукопись к изданию. Обе содержащиеся в тетради работы были впервые опубликованы в 1904 г. в «Записках Географического общества».

Труды Валиханова по географии, истории, экономике, этнографии Средней Азии впервые были высоко оценены в среде Географического общества. И это не удивительно, что именно Географическое общество, принявшее в свои ряды молодого талантливого исследователя, проявляло особую заботу об издании его во многом первопроходческих работ. При жизни ученого через общество увидела свет значительная часть его капитального исследования «Описание Алтышара или Кашгара». Вскоре после его смерти в обществе стал активно обсуждаться вопрос об издании оставшихся рукописей. По мнению П. П. Семенова было бы всего удобнее напечатать труды Валиханова в Записках общества, а именно в третьем томе Записок по общей географии, причем он изъявил готовность принять на себя редакцию всего издания. Совет принял предложение П. П. Семенова с искреннейшей признательностью и определил: по напечатании трудов Валиханова предоставить до 400 экземпляров в собственность ближайшим родственникам покойного.

Трудно сейчас назвать причину, помешавшую своевременно реализовать данное решение Совета. Частичным его выполнением явилась публикация упомянутого отрывка из отчета Валиханова в IV томе «Известий» общества в 1868 г. Примечательно, что в редакторском предисловии к отрывку (издавались «Известия» под редакцией секретаря общества Ф. Р. Остен-Сакена) выражена забота о признании за Валихановым приоритета в изучении Восточного Туркестана.

⁶ Там же. Р. 64. Оп. 1. № 15. С. 32.

Думается, небезуспешными могут оказаться поиски новых документальных свидетельств о Чокане Валиханове в фондах Архива Географического общества, в особенности в личных фондах деятелей общества, с которыми он тесно общался в период своего короткого пребывания в Петербурге.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ — ПУТЕШЕСТВЕННИК И ГЕОГРАФ

А. С. БЕЙСЕНОВА,

доктор географических наук (Алма-Ата)

Выдающаяся роль Ч. Ч. Валиханова в развитии науки получила отражение в трудах наших ученых-обществоведов. Однако, к великому сожалению, о Валиханове как о географе до сих пор нет еще специального исследования. Как путешественник он представлен в двух небольших брошюрах Ю. Н. Бессонова, В. Я. Якубовича и И. Забелина.

Поэтому охарактеризуем Чокана Чингисовича Валиханова как географа-путешественника и наряду с этим сделаем краткий анализ его географического наследия.

Среди написанных им работ большой интерес представляют исследования, посвященные историко-географическому обзору Семиречья, оз. Иссык-Куль, Тянь-Шаня и Восточного Туркестана, которые нашли отражение в «Очерках Джунгарии», «Записках о киргизах», «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии)».

Исследования Ч. Валиханова можно разделить на два этапа: первый включает путь по Джунгарии (Семиреченский и Заилийский край) и на оз. Иссык-Куль; второй этап научных изысканий начинается в верховьях реки Нарын, главного притока реки Сырдарьи. Этот этап путешествия Валиханова является наиболее плодотворным и богатым географическими открытиями.

При изучении географических особенностей исследуемой территории Валиханов прежде всего выявляет характер строения поверхности и особенностей природных условий района вообще. Таковы его наблюдения о «солонцеватой безводной степи» Семипалатинского края,

Аркатской возвышенности, долинах и хребтах Джунгарского Алатау, Северного Тянь-Шаня и Восточного Туркестана.

Значительный интерес вызывают наблюдения Валиханова за рельефом Внутреннего Тянь-Шаня. Геоморфологический тип этого района он определяет как плоскогорный, платообразный или, по выражению ученого, сыртовый. Им отмечено, что такой тип рельефа в значительной степени преобладает к востоку от меридиана Кашгара. Сходные взгляды на тяньшанскую орографию высказал позже выдающийся исследователь природы Средней Азии и Казахстана Н. А. Северцов, повторивший маршрут Валиханова по Тянь-Шаню.

Ч. Ч. Валиханов по пути в Кашгарию прошел по гребням Центрального Тянь-Шаня и пересек его почти по меридиану с севера на юг. При этом он впервые дал полное географическое описание гор Джетим Чоку, Чахрохорум; рек Нарын, Карасай, Каракол и др. При описании речных долин он стоит на позиции экономгеографа, учитывающего природные особенности этих районов, дает оценку природных ресурсов их, указывает на большие возможности для хозяйственного использования и освоения этих долин.

Ч. Валиханов в своих работах сообщает важные сведения относительно речной сети Джунгарского Алатау, Северного и Внутреннего Тянь-Шаня. Наряду с общей характеристикой рек, Чокан определил геологическое строение, морфологию долин, характер течения, описал климат, а также животный и растительный мир. С полной уверенностью можно говорить о том, что истоки Алатауских рек с такой подробностью и пунктуальностью не были описаны не только до Чокана Валиханова, но и в известной степени после него. В этом отношении Чокан стоит в ряду первооткрывателей.

Из озер Средней Азии и Казахстана наибольшее внимание Валиханов обращает на Алаколь, Балхаш и Иссык-Куль. Одним из первых он приводит сведения о динамике режима и генезисе котловин этих озер. На обратном пути из Кашгара Чокан впервые открыл высокогорное озеро Чатыр-Кель.

Замечательным фактом является также то, что современные географы могут почерпнуть из трудов Ч. Ч. Валиханова богатейший палеогеографический материал. Так, например, он указывает, что озера Алаколь и Бал-

хаш совсем недавно имели один общий бассейн, что подтверждается позднейшими исследованиями.

Интересные наблюдения сделаны Валихановым за особенностями географического распределения растительности и животных. Во время поездки на оз. Иссык-Куль он собрал орнитологическую и энтомологическую коллекции, отправленные потом, по его свидетельству, в Дрезден.

Ч. Ч. Валиханову принадлежит также приоритет в изучении фауны Тянь-Шаня и первая схема вертикальной поясности. По данным ученого, в горной полосе Джунгарского Алатау и Тянь-Шаня водятся млекопитающие, свойственные горным странам Южной Сибири и Киргизской степи. Отличительные особенности Джунгарской фауны от фауны киргизских степей он находит в отсутствии некоторых видов, характеризующих киргизскую фауну. Кроме того, он впервые выделяет ареалы видов и наряду с этим приводит сведения о миграциях животных.

Существенный вклад внес Валиханов в картографию исследуемых территорий. В его архиве хранятся многочисленные чертежи, зарисовки, картосхемы, многие из которых до настоящего времени не расшифрованы и не реконструированы.

Им составлены схематические карты долины реки Каркары, перевалов Северного Тянь-Шаня, карта пути от Алтын-Эмельского хребта до г. Кульджи, схема Тянь-Шанского Сырта, схематический план окрестностей Кашгара и др. Ряд карт составлен Ч. Валихановым на основе изучения исторических источников в период подготовки к путешествиям. Таковыми, например, являются «Схематическая карта Моголистана», составленная по книге «Тарихи-Рашиди», «Маршруты М. Габдулмажитова от Иссык-Куля до Кашгара» и др.

Как мы знаем, Валиханов знал ряд восточных языков и европейских, поэтому ему были доступны почти все европейские и восточные источники. Неслучайно он один из первых обратил внимание на Каталонскую карту, составленную в Италии в 1375 г. и изданную в 1742 г. во Франции. Для изучения территории Казахстана и Средней Азии Каталонская карта имела огромное значение и служила важным и редким источником по исторической топографии территорий Казахстана.

Наибольший интерес вызывает карта Центральной

Азии, сделанная Чоканом на страницах одного из его дневников. Это была первая достоверная карта Кашгарии и граничащих с ней районов. Следует отметить, что на этой карте с большой точностью показаны ориентация и направления основных горных хребтов, окружающих Кашгарию. Довольно подробно на карте обозначена гидрографическая сеть.

Среди картографических произведений великого казахского ученого большой интерес представляет «Карта казахской степи XVIII века» (1850). Карта удивительно полно охватывает почти всю территорию современной Казахской ССР. Ценность карты, на наш взгляд, заключается в том, что Валиханов на основе исторических данных восстановил наиболее важные географические объекты на территории Казахстана, известные в XVIII в., и прежде всего: гидрографическую сеть, устройство рельефа и главные транспортные артерии, пересекающие территорию казахской степи с севера на юг.

Большого внимания заслуживает «Карта казахских степей середины XIX века». По сравнению с другими картами Валиханова, у этой есть одно важное преимущество — относительное соблюдение масштабности, что делает карту более ценной в практическом применении.

Следует также отметить, что Ч. Ч. Валиханов во время поездок в основном опирался на глазомерные съемки. А в путешествии в Кашгарию вообще не было возможности пользоваться геодезическими или астрономическими инструментами. Именно при таких обстоятельствах Чокан обнаружил мастерское умение в описании и характеристике виденных им местностей и нанесении их на карты.

Картографические работы Ч. Валиханова еще не собраны полностью. Они разбросаны в разных архивах страны. Сбор воедино этих материалов и их изучение — дело будущего.

В период, когда усиленно развивались экономические связи России со странами Востока, работы Ч. Валиханова с картографическими приложениями явились важным справочным пособием для многих русских ученых и государственных деятелей.

Пока не увенчались успехом поиски зоологических, геологических и других коллекций Ч. Ч. Валиханова, собранных и переданных им в научные учреждения. О наличии их свидетельствуют многие ученые. Так, на-

пример, И. В. Мушкетов писал, что Валиханов во время путешествия через Центральный Тянь—Шань собрал коллекцию горных пород.

Географическое наследие Ч. Ч. Валиханова характеризует его как путешественника и ученого, преданного науке. Географические характеристики его отличались широтой охвата явлений. В отношении точности и подробности характеристик изученных территорий, детальности описания природных компонентов работы Ч. Валиханова намного превышают труды многих его современников. Уже в то время он осуществил комплексный подход и дал сравнительный анализ исследуемых территорий. Поэтому он заслуженно стоит в ряду выдающихся ученых своей эпохи.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРИРОДЫ ТЯНЬ-ШАНЯ И СЕМИРЕЧЬЯ

М. Ж. ЖАПБАСБАЕВ,

кандидат географических наук (Алма-Ата)

Ч. Ч. Валиханов — первый казах, получивший разностороннее образование, чтобы быть вполне подготовленным к географическим путешествиям, открытиям и исследованиям. В его трудах имеются материалы как для физической, так и для современной социальной и экономической географии.

Конец 50-х и начало 60-х годов XIX в., т. е. период наиболее активной деятельности Ч. Валиханова, ознаменовался завершением присоединения Казахстана к России. Благодаря этому русской науке был предоставлен доступ к исследованию природы Казахстана и Средней Азии и сопредельных стран Востока.

Еще в 1850 г., будучи в кадетском корпусе, Чокан самостоятельно проводил полевую геодезическую съемку Тургайской и Ишимской степей. Таким образом, еще в годы учебы определилась судьба Чокана Валиханова — не только офицера русской армии, но и будущего путешественника и исследователя.

В этот период в России появились картографические работы и обобщающие издания по Казахстану и Средней

Азии. Крупной картографической работой этого периода считается «Карта Киргиз-Кайсацкой степи и Туркестана» (1831) А. К. Тимофеева. Хотя на ней все территории были показаны в основном правильно, но расположение некоторых объектов не соответствовало действительности. Например, территории Туркестана были показаны схематично, оз. Иссык-Куль вытянуто с севера на юг и окаймлено горными цепями Кунгей-Алатау и Терской-Алатау. Неправильно показано также, что из озера Иссык-Куль вытекает р. Чу. Реки, стекающие с Тянь-Шаня, изображены прямолинейно.

Другой обобщающей картой была «Карта средней Киргиз-Кайсацкой орды и сопредельных с нею орд и владений», составленная в 1833 г. в Омске Бабыковым. И эта карта не отличалась полнотой и точностью. Карта Тимофеева была опубликована в приложении к книге А. И. Левшина «Описание Киргиз-Казачьих или Киргиз-Кайсацких орд и степей» (1832).

Изучение природы Семиречья Ч. Валихановым началось с 1854 г., когда он, будучи участником экспедиции полковника К. К. Гутковского, впервые посетил Капальские укрепления. В 1855 г. Ч. Валиханов принял участие в поездке Г. Х. Гасфорта и совершил путешествие по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. Маршрут его пролегал от Омска на Семипалатинск, оттуда через Аягуз и Капал в Заилийский Алатау. На обратном пути Чокан совершил поездку к Джунгарским воротам, путешествовал в районе оз. Алаколь и по Тарбагатаю, затем направился в Центральный Казахстан и, следуя через Каркаралы, Баянаул и Кокчетав, осенью вернулся в Омск, где и приступил к обобщению собранных материалов. Эти путешествия положили начало научному изучению природы Казахстана и Семиречья в особенности.

Дальнейшее изучение природы Семиречья и первое посещение Ч. Валихановым загадочного в то время Тянь-Шаня происходило в 1856 г. Он принимал участие в крупной военно-научной экспедиции, организованной под руководством М. М. Хоментовского. Целью экспедиции было ознакомление с киргизским народом и топографическая съемка бассейна оз. Иссык-Куля. Маршрут путешествия начался с оз. Алаколя. Вначале Чокан посетил Джунгарию, далее Заилийский Алатау и через его перевалы прошел на Кунгей, а затем на Терской-Алатау,

побывал на северном и восточном побережье оз. Иссык-Куль, затем по долине р. Джиргалан поднялся к вершинам Центрального Тянь-Шаня. Во время путешествия Чокан собрал орнитологическую и энтомологическую коллекции¹, образцы горных пород, составил гербарий, изучил флору и фауну Семиречья и Иссык-Куля, принял участие в топографической съемке Иссык-Куля. На новой карте форма и контуры оз. Иссык-Куль имели современные черты, т. е. были исправлены ошибки, имевшие место на картах Тимофеева. Свои непосредственные наблюдения над особенностями природы Валиханов записывал в экспедиционных дневниках.

По возвращении с Иссык-Куля, в августе 1856 г., Ч. Валиханов направился в Кульджу, в качестве доверенного лица от России на переговорах с Китаем по вопросу налаживания торговых отношений. В Кульджинском крае Ч. Валиханов пробыл около трех месяцев.

В конце 1857 г. Ч. Валиханов вновь совершил поездку на Тянь-Шань и в Семиречье. Эта экспедиция продлилась до лета 1858 г. Научные результаты этих первых путешествий приведены в его замечательных работах «Географический очерк Заилийского края» (1855 г.), «Дневник поездки на Иссык-Куль» (1856 г.), «Записки о киргизах» (1856 г.), «Западный край Китайской империи и город Кульджа (дневник поездки в Кульджу, 1856)». В этих работах имеются тонкие наблюдения над характером поверхности, описание речных сетей и озер, характеристики флоры и фауны. Они сопровождаются схематическими картами, зарисовками с натуры панорамами долины р. Или с видами гор Заилийского Алатау, Бугуты и Торайгыр, панорамы долины рек Чарын и Мерке, вершин Алатауских гор и Терской-Алатау, долины р. Или и оз. Иссык-Куль и др.

В работах Ч. Валиханова сделана попытка комплексного подхода к изучению природы Тянь-Шаня и Семиречья, уделено большое внимание связям между компонентами природы, дается сравнительная характеристика природным компонентам по всем маршрутам.

В дневнике поездки на Иссык-Куль Ч. Валиханов приводит много интересных данных о казахстанских

¹ Орнитологические, энтомологические коллекции — материал, собранный Ч. Валихановым во время поездки на Иссык-Куль, был отправлен в Дрезден. Однако Ч. Валиханов пишет: «...но известия о нем я еще не получал».

реках Аягуз, Аксу, Лепсы, Или, Чилик, Чарын и др. Наряду с общей характеристикой рек он дает морфологию их долины, характеристику течения, описывает климат, животный и растительный мир.

Из озер Средней Азии и Казахстана наибольшее внимание обращает Ч. Валиханов на Алаколь, Балхаш и Иссык-Куль. «Озера Алаколь и Балхаш, по всей вероятности, еще в весьма недавнее время,— пишет Ч. Валиханов,— составляли одно общее водохранилище, потому что и теперь, во время весенних разливов Алаколь, по словам киргиз, непосредственно сообщается с Балхашом через солончаковую полосу»².

В «Записках о киргизах» (1856 г.) Ч. Валиханов показывает глубокое знание географии Киргизии, дает географические границы и пространственное распространение киргизского племени. Он пишет: «Покорение дикоплеменных киргиз разбросаны своими кочевьями от Иссык-Куля до Гиссара и Бадахшана и от Сузака до Аксу и Уч-Турфана... распространяется, следовательно, по направлению и положению горных хребтов... Собственно землю дикокаменной орды составляет озеро Иссык-Куль и окружающие ее долины...»³ Уже в этих первых работах молодой Ч. Валиханов проявил себя как наблюдательный и эрудированный ученый, прекрасно знающий географию Тянь-Шаня и Семиречья.

Дальнейшее, более углубленное изучение природы Тянь-Шаня и Семиречья, Ч. Валиханов провел в 1858—1859 гг., когда он совершил свою знаменитую поездку в Кашгарию, принесшую ему славу отважного путешественника.

Экспедиция Ч. Валиханова в Кашгарию в составе торгового каравана началось в мае 1858 г. с подножия хр. Карамулы в 30 верстах от Капала (Аул Сарыбаса). Через Алтын-Эмельский хребет, р. Или, горы Сугуты, Торайгыра, горный джайлау Каркары, перевалы Сан-таш и Кзылкия, р. Джиргалан, Иссык-Кульскую долину, ущелья р. Зауку, Джетым-Асу, Тарагай, Чакыркурум, Келинтайгак, Кубергенты, Калмак-Учак, Чатыр-Таш, р. Аксай, и Теректинский горный проход 1 октября 1858 г. караван Ч. Валиханова прибыл в Кашгар.

Ч. Валиханов провел в Кашгаре и его окрестностях

² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 396.

³ Там же.

около полугода (с 1 октября 1858 г. по 11 марта 1859 г.). На обратном пути через перевал Тургарт Ч. Валиханов направился на замечательное по своей красоте высокогорное оз. Чатыр-Кель. До Чокана здесь не ступала нога ни одного исследователя. Оттуда через горы Ташрабат. долины рек Атбаша и Узгена Ч. Валиханов вышел за кокандское укрепление Куртка, расположенное на правом берегу Нарына. Далее караван следовал в северо-восточном направлении, вверх по Нарыну и через Заукинский проход и Иссыккульскую долину, 12 апреля 1859 г. прибыл в укрепление Верное (Алма-Ата). В ходе этой экспедиции Ч. Валиханов два раза пересек Центральный Тянь-Шань с севера на юг.

Ч. Валиханов привез из Кашгара богатый фактический материал по многим отраслям знания. Собрал горные породы, составил гербарий, сделал карандашные зарисовки природы и др. Он не успел издать всех результатов Кашгарской экспедиции. Однако опубликованные труды дают возможность судить о его вкладе в изучение природы Центрального Тянь-Шаня.

Ч. Валиханов знал, что обширное Тянь-Шаньское нагорье до него не посещал ни один путешественник, поэтому он проявил большой интерес к этой местности, вел тщательные наблюдения и записывал все виденное в дневнике. Впервые дал географическое описание и характеристику Тянь-Шаньского нагорья, охарактеризовал его природу: орографию, климат, флору и фауну. «Пространство от высоты Заукинского прохода до Теректы-Давана,— писал Ч. Валиханов,— представляет нагорье, прорезанное поперечными долинами значительной абсолютной высоты, имеющими характер небольших плато»⁴. По определению ученого, Общий сырт — это высокогорная пустыня; он расположен на высоте 4000 м, и этим объясняется суровость его климата. Там господствует «постоянный холод, земля всегда мерзлая, воздух редкий». Валиханов указывает на разнообразие флоры на северных склонах Тянь-Шаня, а в отношении его южного склона он пишет, что там «растут тощие травы или совершенно голы».

Больше сведений сообщает Ч. Валиханов о фауне посещенных им мест. Ему принадлежит приоритет в изучении фауны млекопитающих и птиц Тянь-Шаня и

⁴ Там же. Т. 5. С. 404.

первая схема их вертикального распределения. Основные виды животных он группирует по вертикальным поясам: горный, полугорный (или субальпийский) и равнинный. Обстоятельны и обоснованны описания и других компонентов природы.

Ч. Валиханов на пути в Кашгарию на Центральном Тянь-Шане открыл ряд местностей, не известных в науке (г. Джетым-Чоку, Чохр-Хорум, мыс Геджеге, верхние долины рек Нарын, Карасай, Каракол и др.) и дал им характеристику.

Во время путешествия по Внутреннему Тянь-Шаню Ч. Валиханов уточнил также отрывочные сведения о системах рек Сарыджаз, Кокшал и Нарын и установил существование целого ряда рек, не известных ранее русской и зарубежной науке (Аксай, Терек, Коккия, Шаркырами, Опарга, Малый Нарын и др.).

В общей сложности Ч. Валиханов в Семиречье был 6, а на Тянь-Шане — 4 раза. Он был одним из пионеров в исследовании Тянь-Шаня в Семиречье и внес свой весомый вклад в этом вопросе в приоритет русской науки. Современники высоко оценили исследование Ч. Ч. Валиханова о Тянь-Шане и о Кашгарии, считая его подлинным географическим открытием, трудом, восполняющим пробелы европейских ученых-географов⁵.

⁵ Доклад по Департаменту Генерального штаба. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 257. Л. 14—15.

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА В ТРУДАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

ОБРАЩЕНИЕ ЯЗЫКОВЕДОВ К РАБОТАМ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

*А. Т. КАЙДАРОВ,
академик АН Казахской ССР,*

*Ш. Ш. САРЫБАЕВ,
член-корреспондент АН Казахской ССР*

Из года в год в нашей стране наблюдается всевозрастающий интерес к творчеству Ч. Валиханова. Его произведения изучают философы, экономисты, историки, юристы, географы и литературоведы. В последнее время на его творчество стали обращать внимание и языковеды.

Лингвистические мысли, наблюдения, высказывания Чокана Валиханова рассеяны в многочисленных статьях разнообразного содержания. В них мы встречаем отдельные высказывания о различных языках, этимологические изыскания, толкования многих слов, лексикографические материалы (краткие двуязычные глоссарии) и т. д.

Чокан Валиханов в своих исследованиях употребляет такие лингвистические термины, как прилагательные, существительные, синоним, числительные, единственное и множественное число, именительный, родительный падежи, спряжение, и многие другие.

Прежде всего надо отметить, что Ч. Валиханов владел несколькими западно-европейскими и восточными языками. Успешному овладению этими языками способствовали его исключительная способность к языкам и феноменальная память. Прекрасно владел он и русским языком. Свидетельство тому — пятитомное собрание сочинений Чокана Валиханова. Он писал на русском языке. Его друзья Г. Потанин и Н. Ядринцев указывали, что он мог бы стать выдающимся писателем своего народа, если бы среди его соплеменников нашлась читающая публика. Современники Чокана в своих воспоминаниях утверждают, что он владел французским и немецким языками. Еще будучи учеником Омского кадетского

корпуса, учебная программа которого включала преподавание французского и немецкого языков¹, Ч. Валиханов изучал эти языки. Их он продолжал изучать в Петербурге. П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал, что Чокан, «обладая совершенно выдающимися способностями в Петербурге, под моим влиянием слушал лекции в университете и так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока, и в особенности народов, соплеменных киргизам»².

По-видимому, Ч. Валиханов владел и арабским языком. Как известно, первоначальное образование Чокан получил в Кушмуруне в казахской аульной школе, где «обычно занимались чтением на кыпчакском и чагатайском языках памятников средневековой литературы, упражнениями в разговорной арабской и персидской речи и декламацией стихов восточных поэтов»³. Изучение арабского языка он продолжал в стенах Омского кадетского корпуса. Н. М. Ядринцев пишет, что Чокан «любил арабские стихи и вместе с учителем своим Костылецким приходил в восторг от них»⁴. В своих работах Чокан использовал работы таких ученых средневековья, как Кашифи (псевдоним Ас-Сафи), первого арабского географа Абу-Абдаллах-Мухаммеда.

Чокан, по всей вероятности, изучал латынь, которую он успешно применял в своих работах, где наряду с русскими и казахскими терминами флоры и фауны приводил и латинские названия.

Что касается китайского языка, то Н. М. Ядринцев пишет: «Китайского языка он не знал еще и интересовался китайскими авторами в переводах». В словах Н. М. Ядринцева обращает на себя внимание слова «еще». Это наталкивает на предположение, что он впоследствии в какой-то степени овладел им и мог изъясняться. Чокан имел сведения об этом языке и, по-видимому, изучал его грамматику, о чем свидетель-

¹ Усов В. Н. Очерки по истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1884. С. 44—45.

² Семенов-Тянь-Шанский П. П. Встречи в Западной Сибири и Семиреченском корпусе//Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 4. С. 586—587.

³ Маргулан А. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова // Собр. соч. Алма-Ата. 1984. Т. 1. С. 19.

⁴ Ядринцев Н. М. Воспоминание о Чокане Валиханове. Соч. Ч. Ч. Валиханова. ЗРГО. Спб., 1904. Т. 29. С. 37.

ствуют его высказывания о китайском языке, довольно-таки пространные рассуждения, касающиеся тюрко-китайских языковых контактов, этимологии, толкования значений некоторых слов: «Китайский язык состоит из односложных звуков *у, ау, дау, хау, мау, зау* и пр. Каждый из этих звуков имеет несколько значений. Есть слова, имеющие 500 значений. Например, звук *хой*, встречающийся часто в китайском разговоре, имеет 214 значений. Китайская грамота и язык — вещи отдельные, без той связи, как у нас. Каждое значение, а не звук, имеет свое письмо. Звук *хой* имеет 214 разных писем, обуславливающих 214 его значений. Посему можно читать китайские книги, не зная языка.

При переводе встречаются очень часто слова, употребляемые не в прямом значении. Например, мы читаем правитель 10 тысяч семейств»⁵.

О его интересе к изучению китайского языка говорит составленный им «Словарь китайских, монгольских и тюркских слов»⁶. Это вернее глоссарии — список около 100 слов, которые сопровождаются переводом на русский язык. Подавляющее число реестровых слов составляют китайские слова, остальные — монгольские и тюркские.

Ч. Валиханов, по всей вероятности, имел сведения из монгольского языка. Трудно сейчас со всей определенностью утверждать о степени владения им этим языком. В его архиве сохранились десятки страниц, исписанных монгольской письменностью. В трудах Чокана мы находим много сравнительных фактов из монгольских языков, особенно при этимологизации отдельных казахских слов.

У Ч. Валиханова была своя точка зрения на родство алтайских языков. Как известно, вопрос о генетическом родстве алтайских языков до сих пор является объектом горячих споров среди ученых. В трудах Ч. Валиханова мы находим ряд высказываний. Например, в «Записке № 1» читаем: «Нет сомнения, что племена, финское, тюркское и монгольское, имеют нечто общее, как совокупности влияния их на развитие человечества в разные эпохи его жизни, так и в... языке. Родство языков

⁵ Валиханов Ч. Ч. Западный край китайской империи и город Кульджа//Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958. С. 397.

⁶ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1984. Т. 2. С. 248.

финского, тюркского и монгольского признано уже многими учеными, особенно же двух последних»⁷.

Говоря о том, что родство тюркских и монгольских языков признано многими учеными, Ч. Валиханов, по-видимому, имел в виду работу шведского ученого Н. Страленберга, который в своей работе «Das Nord und Ostliche Theil von Europe und Asia» (Стокгольм, 1730) тюркские и монгольские народы объединяет в «татарские народы» и указывает на их языковое родство. Имеется еще работа В. Шотта «Versuch über die Tatarischen sprachen» (Berlin, 1836), автор которой считает, что родство алтайских языков является очень вероятной гипотезой.

Для обозначения слов, общих как для тюркских, так и для монгольских языков, Ч. Валиханов предлагает термин «общетюркско-монгольские слова». Этот термин мы считаем очень удачным. Он вполне приемлем и сейчас при исследовании тюрко-монгольских языковых отношений. В настоящее время генетическое родство тюркских и монгольских языков признается многими учеными, что показала проведенная конференция по проблемам общности алтайских языков⁸.

Судя по данным, извлеченным из трудов казахских языковедов, в области общеказахско-монгольских элементов имеется масса общих элементов не только в области лексики, но и фонетики, грамматики. Общее отмечено в традиционных лексических пластах, относящихся к терминам «родство», «скотоводство», в словах, обозначающих особенности человеческого организма, явления природы. Отмечено много общего в области глаголов, различных аффиксов и т. д. Так как слова вышеприведенных тематических разделов лексики относятся к труднопроницаемой категории языка, то установление такого внушительного количества общих основ может свидетельствовать в пользу генетического родства тюрко-монгольских языков.

Что касается близкородственных уйгурского, киргизского, татарского и др., то, естественно, для Ч. Валиханова не представляло труда свободно изъясняться на этих языках. Он хорошо изучил и уйгурский язык и оставил после себя ряд высказываний, мыслей, наблю-

⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Спб., 1904. С. 179—180.

⁸ См.: Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971.

дений над этим языком: «Я старался во время своего пребывания в Кашгаре изучить уйгурский язык (так называет его Аб. Ремюза), на котором говорят в Кашгаре; язык этот совершенно неизвестен европейским ученым, они знакомы лишь несколько с книжным языком, похожим на джагатайский. В Малой Бухарии образовался под влиянием китайских форм еще язык канцелярский, которого образчики вскоре будут мною напечатаны в записках Восточного отделения Археологического общества. Я составил маленький словарь разговорного языка, примеры идиотизмов и записал много народных песен»⁹. Если бы Чокан не владел уйгурским языком, он бы, естественно, не смог бы говорить о различиях уйгурского языка от «книжного, похожего на джагатайский» и об образовании под влиянием китайских форм еще языка канцелярского. И к тому же, не зная уйгурского языка, Чокан не мог бы делить уйгуров по происхождению («по небольшим уклонам в языке») на три народности.

Заслугой Ч. Валиханова является то, что он впервые дал сведения о киргизском языке. Будучи участником крупной военно-научной экспедиции полковника М. М. Хоментовского, Ч. Валиханов пишет, что, находясь два месяца среди киргизов, «успели собрать разные положительные сведения, преимущественно изучая их предания и язык»¹⁰.

«Один эпизод из поэмы «Манас», именно тризна по Кукотай-хану,— пишет Ч. Валиханов,— записан мною со слов киргизского рапсода. Вероятно, это первая киргизская речь, переданная на бумагу. Я занимаюсь переводом этого произведения киргизской поэзии и хочу составить маленький словарь, чтобы познакомить ориенталистов с наречием, до сих пор совершенно неизвестным»¹¹. Далее читаем: «Язык дикокаменных киргиз есть наречие тюркское, более других близкое к разговорному языку, употребляемому в Малой Бухарии. В этом наречии чрезвычайно мало, можно сказать, почти нет арабских и персидских слов, зато много монгольских и первообразных тюркских»¹².

⁹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 403.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 304.

¹¹ Там же. С. 421—422.

¹² Там же. С. 422.

В рукописном фонде Ч. Валиханова¹³ мы натолкнулись на словарик (правда, очень краткий, по-видимому, это было только началом составления словаря), составленный в виде двуязычного киргизско-казахского словаря, где Чокан Валиханов, не ограничиваясь словарным материалом, иллюстрирует чередование некоторых звуков, образование производных глаголов путем аффиксации.

Труды Ч. Валиханова, его стремление, интерес к различным языкам постоянно свидетельствуют о том, как важно знать (хотя бы иметь) сведения о том языке, носителем которого является тот или иной народ. В одной из незаконченных статей Ч. Валиханов возмущался крайне поверхностным знанием некоторыми западноевропейскими учеными тюркских языков и высказывал требование отнестись к их изучению с научной добросовестностью¹⁴.

В своих поездках Чокан Валиханов особое внимание уделял сбору материалов, касающихся этнических реалий, безэквивалентной лексики, о чем свидетельствуют его лексические материалы, относящиеся к названиям частей юрты, различных прав и обычаев, военных доспехов, предметов быта. И очень большую пользу в объяснении и толковании их принесло то, что Чокан Валиханов их сопровождал рисунками, зарисовками. Встречается и толкование терминов, связанных с устным народным творчеством (См. Кара өлөң, песня и др.), с названиями звезд (Темір қазық, жеті қарақшы, үркер, шолпан и др.)¹⁵.

Чокан Валиханов в своих работах уделил большое внимание выяснению происхождения отдельных слов (чиновник, лашық, шешен, айналайын, киргизского сочетания Майнекен болайыні и др.). Имеются материалы о табу, запретных словах, по антропонимике и топонимии. Ч. Валиханов дает этимологию таких топонимов как «Баянауыл», «Торайгыр» и др. Все эти лексикологические данные могут быть использованы при составлении двуязычных, этимологических, топонимических и других типов словарей.

Чокан Валиханов по праву должен считаться ученым,

¹³ ЦГАЛИ. Ф. 23. Д. 6. С. 29.

¹⁴ Записки РГО по отделению этнографии. 1904. Т. 29. С. 13.

¹⁵ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 479—480.

который одним из первых применил в своих исследованиях сравнительно-исторический метод. Знание многих языков, обращение к трудам ученых иноязычных народов — это позволило ему широко использовать параллельные факты из других языков, сопоставлять, сравнивать данные тюркских языков и других, особенно неродственных языков. Существуют высказывания ученого о взаимоотношении, взаимовлиянии языков, записи наблюдений о китайско-тюркском смешанном языке на Кяхте. Приведя несколько примеров, Ч. Валиханов заключает: «Чрезвычайно любопытен для ориенталистов этот смешанный язык»¹⁶.

Какаясь названия *көк тәңірі* Чокан Валиханов пишет: «Прилагательное *көк* означает видимое, предметное, а существительное [тәңгри] обращено в синоним... [аллаха] и куда [худа]. Впрочем, в отдаленных краях степей, например, в Дикокаменной орде еще живет выражение *кукә-тянгри*, в виде набожного восклицания или призывания. Слово *тәңгри* еще при Чингисхане магометане переводили словом *алла*, а европейцы словом *deus*, так оно было в шаманстве близко к идее всемогущего существа, а в Малой Бухарии и теперь китайское *Тянь* переводят персидским словом *худа* — «бог».

Еще один пример. «Киргизы шамана называют *бахши*, что по-монгольски значит учитель, уйгуры *бахшами* называют своих грамотников, туркмены этим именем зовут своих певцов. *Команы* называли шамана *кам*, так называют его и теперь сибирские татары»¹⁷. Каз. слово «шенгел» Чокан сравнивает с англ. «*jungle*» («джунгли»), которое, по словам Чокана, происходит от перс. «*дженгел*»¹⁸.

У Ч. Валиханова мы находим высказывания относительно языка памятников устного народного творчества, интерпретации отдельных грамматических форм и древности языка этих памятников.

Указывая на большую роль памятников народной словесности для этнографии, Чокан отмечал, что «многие слова и обороты, не употребительные в настоящее

¹⁶ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 240.

¹⁷ Там же. Т. 3. С. 473.

¹⁸ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. СПб., 1904. С. 93.

время, показывают их древность (т. е. различных преданий, эпоса.— *Авт.*)»¹⁹

Знание ряда европейских и восточных языков дало возможность Ч. Валиханову изучить древние источники в их подлиннике. Особенно это касается памятников средневековья.

Ждет своего исследования и работа Ч. Валиханова в области руники, этнографии, расшифровки древних надписей, а также изыскания в области языка письменных памятников средневековья. В архиве сохранились исписанные листы на монгольском, арабском и других восточных языках, которые ждут расшифровки. Ряд наскальных изображений воспроизведен в пятитомном собрании сочинений Ч. Валиханова²⁰, который устанавливает принадлежность тамг в наскальных изображениях тому или иному киргизскому роду²¹. В статье «О туркменах» Ч. Валиханов пишет, что на Мангышлаке много могильных памятников с надписями [ми] и изображен [иями]»²².

Специально следует остановиться на переводческой деятельности Ч. Валиханова. Как известно, многие материалы, написанные на тюркских языках, были введены в научный оборот благодаря переводам Чокана. Современники, а также последующие исследователи дали высокую оценку этим переводам. Чокану принадлежат пространные переводы на русский язык таких крупных произведений, как киргизский эпос «Манас» (его часть), казахские эпические произведения «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», «Едыге и Тохтамыш» (не говоря уже о переводах на русский язык специальной казахской лексики, реалий, многочисленных этнографизмов).

По словам крупного востоковеда В. М. Жирмунского, оригинал рукописи Ч. Валиханова и его перевод сказания об Едыге и Тохтамыше «до сих пор остается наиболее надежным источником для изучения Сказания»²³. Касаясь перевода части эпоса «Манас», русские востоковеды восхищались тем, что Чокан «до такой степени

¹⁹ Валиханов Ч. Ч. Там же. С. 68.

²⁰ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 407—408.

²¹ Там же. С. 338—340.

²² Там же. Т. 3. С. 161.

²³ Жирмунский В. М. П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей» // Тюркологический сборник. М., 1973. С. 143.

силы и образности умел передать по-русски сжатую киргизскую речь»²⁴.

Ч. Валиханов первым из востоковедов высказал мнение о необходимости дополнительных исторических знаков для написания тюркских слов русским алфавитом. В работе «Заметки по истории южносибирских племен» он с сожалением отмечал, что «выражение звуков тюркских русской азбукой без особых фонетических знаков чрезвычайно их уродует...»²⁵

В работах Ч. Валиханова мы находим сведения о языке хакасов, чулымов, якутов. Касаясь их языка, Чокан считает, что эти языки близки к чагатайскому с некоторой примесью финских, тюркских и монгольских слов. Изучение этих языков, по словам Ч. Валиханова, было бы очень полезно для тех ученых, которые стараются определить родство финско-тюрко-монгольских языков.

Таковы вкратце некоторые высказывания Ч. Валиханова о языке, сведения о его лингвистических занятиях, вызванные различными поводами.

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ В ТРУДАХ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Т. ДЖАНУЗАКОВ,

доктор филологических наук (Алма-Ата)

В разнообразном по тематике творчестве Ч. Ч. Валиханова большое место занимают лингвистические проблемы, к числу которых относится ономастика тюркоязычных народов.

В таких известных трудах, как «Очерки Джунгарии», «Записки о киргизах», «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан Лу», «Кашгарский дневник», «Киргизское родословие», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой Орды», «О космологических понятиях киргизов» и других, ученый выступает не только как географ и

²⁴ Записки Восточного отделения русского археологического общества. Спб., 1903. Вып. 1. Т. 15.

²⁵ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 382.

естествоиспытатель, этнограф и фольклорист, но и как лингвист.

В этих трудах мы находим богатые материалы по топонимии, этнонимии, антропонимии, космонимии и астрономии, фитонимии и теонимии тюркских народов, детальное изучение которых представляет большой научный интерес. Но ономастические материалы Ч. Валиханова пока еще не изучены.

Ч. Ч. Валиханов хорошо знал, что собирание и изучение народных названий имеет большое научно-практическое значение, что в ономастических материалах сохраняется много данных, служащих ценными источниками для изучения истории языка и историко-культурной жизни народа, дающих богатые сведения о традициях, обычаях, мирозерцании, свойственных каждому народу.

Географические исследования занимали центральное место в деятельности Ч. Валиханова. В связи с этим он много внимания уделяет историко-географическому описанию и происхождению географических названий Центрального Казахстана, Семиречья, Иссык-Куля, Восточного Туркестана и Средней Азии.

Объясняя смысл и раскрывая этимологию тех или иных географических названий, ученый часто ссылается на народные легенды, предания и языковые источники (См., например, толкования топонимов Улытау, Бетпак-Дала — Голодная степь, Сырымбет, Кушмурун, Атасу, Сарысу, Аркалык, Каркаралы, Семейтау, Согеты, Каркара, Торайгыр, Мерке, Талгар, Или, Алтышар, Турфан, Кашгар, Кульджа, Иссык-Куль и многих других). Предварительные подсчеты показывают, что ученый в своих трудах использует более 3 тысяч топонимов, из которых 2600 являются тюркскими, относящимися к Центральному Казахстану, Семиречью, району Иссык-Куля, Восточному Туркестану, Средней Азии.

В 1855 г. ученый совершает свое первое путешествие по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. Маршрут его пролегает от Омска до Семипалатинска, оттуда через Аягуз и Капал в Заилийский Алатау. В материалах, описывающих этот маршрут, встречаются сотни топонимов, относящихся к нынешним Джезказганской, Карагандинской, Семипалатинской областям: Улькен Джезды-Кенгир, Сарысу, Акджал, Кичитау, Айыртау, Джезказган, Кара-Кенгир, Тобылгылы, Ко-

нур (пески), Орта Касуын (увал), Кент-Конур, Жаман-Кала (курган), Тамгалы-Жер (хребет), Каражар, Акжар, Кокала-джар (яры), Аркалык, Семейтау, Кокчетау (горы) и др.

В статье «Зимние кочевки волостей Каркаралинского внешнего округа» ученый описывает множество названий зимовок, летних стоянок-кочевков, принадлежащих волостям Каркаралинского округа. В этой статье дается полное описание зимовок 16 родов этого округа. Приведем одно из них: «1. Надан — Тобуктинская. Зимние кочевки при урочищах речки Карабулак, в заливе озера Балхаш, именуемом Дересин. Места эти находятся от места расположения приказа примерно за триста верст, а летние — начинаются к северу через урочища Джельтау, Кошкар, Казангап, Карачоку, Керегетас, Бесчоку до урочища Каракуль, гор Кент, отстоящего от Каркаралов на сорок верст. Оттоль обращаются на запад через урочища Корпетау, Нуртай, проходят через Токраун, урочища Кызыларай, Бектау-Ата, Конратчоку, Мандай-торгун, Кенелы, Уранхай, Басджамчи, Кызылтас и другие места»¹.

Далее ученый описывает названия зимовок и летовок родов: Киреев, Тарактинцев, Кучум-Баймурицев, Джагалбайлы-Баймурицев, Мамбет-Тобуктинцев, Джужбенбет-Тобуктинцев, Караул-Камбаровцев и др.

В этой интересной работе конкретно обозначено более 500 микротопонимов того времени, образованных от собственно казахских слов: Таскунгей, Кыземчек, Кайракты, Аркарлы, Койтас, Коян-Сойган, Ащису, Жыланды, Коктас, Караулчоки, Наршоккен, Кенасу, Майкудук, Буйрат, Суыкджал, Кенасу, Бассай и многие другие. Сбор и описание этого материала осуществлялись, видимо, в целях написания работы по истории Казахстана. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в число упомянутых топонимов входят названия, образованные от этнонимов «конрат», «тней», «джагалбайлы», носители которых обитали в Каркаралинском уезде. Таковы топонимы Конратчоку, Конратшат, Тней-аккудук и Джагалбайлы-Байбори.

Ценные историко-географические сведения об административном делении территории мы находим в статье

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 3. С. 200—214.

«О Баян-Аульском округе»: «Средняя Орда относительно правительственного деления разделена на две обширные области: Сибирских киргизов и Семипалатинскую. Области эти делятся на округа, округа на волости, а последние — на отделения и аулы»².

Многочисленные микротопонимы, отмеченные в сочинениях ученого, до него не были собраны и систематизированы. Сведения о них не проникали в печать. Так, Ч. Валиханов предоставил в распоряжение будущих исследователей обширный топонимический материал. Выполняя в 1981—1985 гг. плановую тему «Топонимы Центрального Казахстана», сотрудники отдела ономастики Института языкознания АН КазССР в полной мере использовали приведенные Ч. Валихановым микротопонимы волостей Каркаралинского округа.

Во всех трудах ученого ярко проявляется характерная особенность интерпретации ономастики тюркоязычных и других народов. Автор обычно не ограничивается объяснением или переводом тех или иных топонимов, он приводит связанные с ними легенды и предания.

Приведем примеры. Алтышар (букв. шестиградье или шесть городов)³, Бугульты (правильно Бугуты) происходит от слова бугу — олень. Там много оленей, Сугульты (правильно Согеты) есть ущелье, разделяющее на западе гору Сугульты от Бугульты, что примыкает к восточной стороне его. Название Сугульты (как объяснили киргизы) происходит от глагола сукмак — дуть. Там дуют постоянно сильные ветры⁴.

Далее объясняется значение некоторых топонимов китайского и монгольского происхождения: «Китайцы Пекин называют Бейцин, что значит Северная столица, Тянь-Шань — небесные горы, Хуанхэ — Желтая река, Хойбу — Уйгурия; калмыцкие: Лоб-Нор — Звездное море, Алтын-Емель название монгольское. Здесь много мест, которые до сих пор носят калмыцкие имена: Цагай-Бугу — белый олень, Чольтепе, Лабасы» и др.⁵.

Каркара — киргизы так называли перышки, султаны на голове двух молодых девушек — калмычек, захваченных у речки⁶.

² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 307.

³ Там же. Т. 3. С. 118.

⁴ Там же. Т. 1. С. 313.

⁵ Там же. С. 351.

⁶ Там же. Т. 1. С. 250.

Торайгыр — гнедой жеребец. Предание киргизов говорит, что когда киргизы изгнали из этих мест калмыков — зюнгар, то на этой горе нашли гнедого жеребца. Торайгыр есть лучшее зимовье абданов⁷.

Санташ — счетный камень. Проход этот получил свое название от груды камней, положенных в один курган. Высота кургана сажен в 3, окружность саженей 35. Предание гласит, что когда эмир Темир-Курган (эмир Темир-Куркан, так называют на Востоке Тамерлана) отправился в Китай для взятия себе в гарем дочери императора Каан-Чина, то приказал каждому из своих воинов положить в одно место по камню. По возвращении своем назад он велел всем солдатам взять по камню и положить на другое место. По оставшимся неподнятым камням он судил о своей потере. Место прежнего кургана лежит возле и теперь⁸.

Иссык-Куль означает на татарском языке «теплый». Теплым оно названо потому, что в продолжении круглого года не замерзает⁹. Приводится легенда о возникновении озера Иссык-Куль. Приведем отрывки из легенды: «Аллах был гневен на этот город за его разврат и безбожие. Аллах изрек: куп оряй куп! (да будет так!), и вода начала бить огромным столбом, и из колодца в одну ночь на месте города стало озеро — озеро Иссык-Куль»¹⁰.

Значительное место в трудах Ч. Валиханова уделено этнонимии. В трудах «Киргизское родословие», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «О Баянаульском округе», «Очерки Джунгарии», «Западный край китайской империи и город Кульджа», «Записки о киргизах» и др. исследованиях он подвергает историко-этимологическому анализу названия народов (казах, кыргыз, уйгур), а также племен (аргын, уйсун, дулат, албан, кыпчак, керей, найман, конурат, алчын, бугу, солты, сарыбагыш, кыдык и др.). Он писал: «В древности слово «казак» встречается в смысле вольный и вольница»... Казачество началось и развилось в Азии и перешло к русским от татар; в русских летописях (в Псковской) рязанские казаки упоминаются в 1444 г., когда они пришли на помощь Москве и (сражались) против татар, а в Украине 1517 г... У татар они должны были развиться ранее. Привольные и обширные степи

⁷ Там же. С. 238.

⁸ Там же. С. 325—326.

⁹ Там же. Т. 2. С. 13.

¹⁰ Там же. С. 26.

киргизские, как Украина для Руси, сделались местом стечения удалцов и батыров, искавших свободу и богатство в добычах... смутные времена междоусобий орды, выгоняя не отдельные личности, как на Руси, а целые племена, способствовали к образованию отдельной казачьей общины из разнородных племен: кочевая жизнь и хищнические наклонности — общее свойство и наследие племен степных кочевых, могло утвердить за новым союзом их новых поколений имя казак (قزاق), которое, как можно полагать из Шейбани-намэ, в то время имело значение довольно почтенное и означало возвышенность духа, здоровость — соответствовало европейскому рыцарству»¹¹.

Известно, что о происхождении этнонима *казах* сложились легенды, существуют также многочисленные гипотезы исследователей Л. И. Лаптева, В. В. Радлова, А. И. Левшина, В. В. Бартольда, А. Н. Самойловича, А. Н. Бернштама, С. К. Ибрагимова, А. Т. Кайдарова, М. Акынжанова и других. На наш взгляд, мнение Ч. Валиханова о происхождении и семантике этнонима *казах* является наиболее убедительным и научно достоверным по сравнению с мнениями его современников.

Ч. Ч. Валиханов исследует также этнонимы *киргиз* и *уйгур*. Киргизы в китайских летописях были известны, говорит Ч. Валиханов, под именем *кян-ху*, *хагас* и *кили-ки-дзи*. В описании истории киргизов ученый ссылается на труды своих предшественников — А. Ремюза, Риттера, Клапрота, Иакинфа (Бичурина) и др. Он впервые приводит список киргизских родов, кочевавших на территории озера Иссык-Куль, по рекам Чу, Талас и Нарын. Киргизские роды и племена таздар, саты, кыпчак-кыргыз, найман, канлы, конурат, керейт, алакчин, шапраш, серкеш, теле, катаган, сары, джагалмай, уйшун и др. наличествуют и в составе казахских родов и племен. По поводу таких параллельных родо-племенных названий Ч. Ч. Валиханов писал: «В союзе узбеков были манкиты (каракалпаки) и киргизы. Отличительная черта народов, происшедших из узбекских поколений, выражается явно родоподразделениями, в которых вы видите название разных монголоторкских народов, кипчаки существуют между узбеками, киргизами, ногайцами, найманами, тоже керейты»¹². Указанные параллели

¹¹ Там же. Т. 2. С. 152.

¹² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 209.

бытуют не только в родо-племенных названиях, но и в обычаях, обрядах, материальной и духовной культуре казахских и других тюркских племен.

Относительно этнонима *уйгур* ученый пишет: «В китайской истории под именем хой-ху, хой-хорь, хой-хой известен народ чужеземный, давший династию хой-нор и впоследствии занявший нынешний Восточный Туркестан. В восточных источниках народ этот известен под именем уйгур»¹³. Далее автор излагает подробную историю уйгуров.

Первые сведения о народных астрономических названиях и понятиях казахов принадлежат Ч. Ч. Валиханову. В статье «Космологические понятия киргизов» детально описываются понятие народа о происхождении звезд, обычаи и легенды, связанные с ними с древнейших времен. Значительный научно-познавательный интерес представляют наблюдения ученого в сфере народно-разговорных форм астрономов и сопоставительное изучение их с аналогичными лексемами монгольского и других языков. Ч. Валиханов подробно описывает и этимологизирует названия звезд: Полярная звезда (Темір Қазық), Плеяды (Үрке), Большая Медведица (Жеті қарақшы), Венера (Шолпан жұлдыз), Млечный путь (Құс жолы). Луна (Ай), Солнце (Күн), Небо (Аспан) и др.

В исследованиях Ч. Валиханова географические названия, этнонимы и космонимы получили подробное историко-географическое и этнолингвистическое описание.

В краткой статье мы не можем охватить другие отрасли ономастики — антропонимию, зоонимию, фитонию, теонимию, богато представленные в трудах ученого.

Полный сбор, систематизация и научное описание ономастических материалов ученого — дело будущего. Отдел ономастики ИЯ АН КазССР приступил к выявлению и систематизации ономастических материалов, в трудах Ч. Ч. Валиханова, в которых сохраняются реликтовые слова (корни), архаичные фонетико-морфологические формы, свидетельствующие о развитии общенародного языка, и много ценных сведений по истории тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана, Восточного Туркестана и соседних народов.

¹³ Там же.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ЗА ЯЗЫКОМ И СТИЛЕМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ч. ВАЛИХАНОВА

О. А. СУЛТАНЬЯЕВ

(г. Кокчетав)

Менее 10 лет было отдано Ч. Валихановым научной работе. Но поразительно многое он успел сделать за столь короткое время. Свыше ста научных трудов — от статей, заметок, рецензий до очерков и художественных зарисовок — оставил он в наследство. И все они без исключения отличаются не только свежестью материала, научных фактов, но и оригинальностью постановки проблем, тщательностью разработок, отточенным стилем описания.

Все, что написано казахским ученым, можно смело отнести к художественной публицистике. Здесь обращают на себя внимание точные, богатые и разнообразные художественно-изобразительные средства. По свидетельству А. Х. Маргулана, в дневниках ученого запечатлены его остроумные наблюдения и живые восприятия картин народного быта.

Известный географ Г. Н. Потанин, товарищ Ч. Ч. Валиханова по кадетскому корпусу, вспоминал, что его настоящим призванием было «сделаться публицистом или литератором, пишущим для киргизских читателей». В определенной степени Валиханову это удалось: в описании природы, характеристике людей он проявил литературные способности.

Основные произведения Ч. Валиханова — «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Записки о киргизах», «Заметки по истории южносибирских племен», «Дневник поездки в Кульджу», «Очерки Джунгарии», «Следы шаманства у киргизов», «Записка о судебной реформе» и некоторые другие — были в свое время нами проанализированы в лингвостилистическом плане¹. Подобный анализ убеждает, что у автора строгое повествование об увиденном, точные описания местности, быта и нравов аборигенов степи легко чередуются, перемежаются с увлекательным

¹ См.: Султаньяев О. А. Дружбы и братства опора (о русском языке в Казахстане). Алма-Ата: Мектеп, 1980. С. 40—97; Он же: Две статьи Ч. Валиханова (Опыт цельного лингвостилистического анализа) // Известия АН КазССР. Сер. филол. 1982. № 2. С. 14—20.

рассказом-характеристикой отдельных сторон жизни местного населения, со своей оценкой их действий, их поведения.

Для этого автор широко использует самые разнообразные художественно-изобразительные средства. публицистические приемы. Таковы: лирические отступления и меткие сравнения, восторженные эпитеты и умелое использование пословиц и поговорок, повторы и стилистическая синонимика, юмор и сатира. Явно заметны также, с одной стороны, влияние стихии родного языка, народного фольклора, с другой — связь с произведениями современников, в частности, через цитаты и даже отдельные характерные словосочетания из произведений Ф. М. Достоевского, Н. А. Добролюбова, М. Ю. Лермонтова и др.

Обратимся к произведениям Ч. Валиханова-публициста. Одна из ранних работ — «Дневник поездки на Иссык-Куль» (1856 г.). Здесь все атрибуты публицистического произведения. Сначала он, извинившись «за малое отступление», описывает берега, «благословенное течение Аягуза». Он мечтает оказаться у знаменитой могилы Козы-Корпеша в поэтический час, «утром при восходе солнца, когда жаворонок поет свою песнь, когда с одной стороны мрак и ночные тучи уходят на север, с другой — восстает утреннее багровое солнце и свет приятно освещает верхи дерев, воду каким-то чудным светом». Далее следует картина: крупные капли дождя, который шел всю ночь, истомленные лошади, скользя по грязи, перебирающиеся шажком, сплошная масса грязно-матовых облаков, промокший до костей ямщик...

Другая картина — иронического плана. Увидев русских, «бабы в ауле подняли шум. Аул зашумел. Из одной юрты в другую шныряли бабы». И далее: «Мы поехали дальше... Только далекое шавканье упомянутой бабы доходило до нас, — нет сомнения, она благодарила аллаха, что он спас своим всемогуществом ее барана от русских». Вот пример другой иронии — злой, беспощадной. В «Очерках Джунгарии» читаем, что Кашгар, который славился своими чаукенами, лучшим в мире янысарским хашишом (разновидность опиума. — О. С.), где можно встретить купцов со всего материка — тибетца с персианином, индуса с волжским татаринном, авганов, армян, жидов, цыган и даже беглого сибирского казака, теперь этот город стал славиться другим — строитель-

вом башен из человеческих голов: «начали резать людей так же обыденно, как режут только кур»².

В «Записках о киргизах» процедуру киргизского обеда иронически он называет «гомерической сценой», а способности киргиза — «таланом многоедания». Он иронизирует над невежеством и фанатизмом киргиза-степняка, когда пишет о пророке Мухаммеде: «в степи ни один батыр не знал, что за птица Мухаммед».

Во всех произведениях Ч. Валиханов мастерски использует синонимы. «Свита Карача состояла из нескольких оборванцев, вооруженных дубьем и копьями. Один рыжий копыеносец имел на себе только нижнее белье да войлочный плащ»³. В данном тексте «оборванец» и «копыеносец в нижнем белье» — контекстуальные синонимы. Жена Бурсука, как пишет автор, «восседала на телячьей коже»; жена же Буранбая «покоилась на телячьей коже». Раздоры в одном случае он называет «дракой», в другом — «потасовкой»⁴. В упомянутом выше «Дневнике» находим до двадцати синонимов с опорным словом «женщина»: баба, марджа, девка, жена, аяч, девушка, матрона, храмина, жертва, несчастная, мадам, хозяйка, дикокаменная красавица, ханша, молодая собеседница, степная амазонка и др.

Важным художественным средством у Ч. Валиханова являются пословицы и поговорки, фразеологические обороты. Их употребление не осложняет предложение по структуре, зато смысл всего повествования оказывается в большом выигрыше: «один остряк заметил, кстати, что смиренного Миколу — телята лижут»; «человек предполагает, но бог располагает — всю ночь крупные капли дождя стучали по зонту тарантаса»; «у нас в степи выборы... служат только к удовлетворению тщеславия богатых киргиз и к обогащению чиновников, отлично умеющих в мутной воде рыбу ловить»; «древнейшая судьба их (племён.— О. С.) покрыта мраком неизвестности»; «дело сарыбагышей пошло в долгий ящик»; «полуграмотные... отправляют религиозные требы, разумеется, с грехом пополам» и многие другие, типа: «дать тягу», «яблоко раздора», «сгореть со стыда», «куда глаза глядят», «на сон грядущий»...

² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 394.

³ Там же. С. 410.

⁴ Там же. С. 423.

В нескольких случаях автор обращается к шекспировскому «быть или не быть».

Еще примеры: «Случалось, в старину, что сильный племенным родством, киргиз, совершив убийство или затаив кровную обиду, не хотел идти на суд. Тогда, по решению родового сейма, оскорбленные и униженные шли на баранту...»⁵ «Духовенство, которому вверило русское правительство наше нравственное воспитание, занималось до тех пор только нравственным нашим растлением, брало взятки, учило ханжеству и вместе с среднеазиатскими выходцами обманывало доверчивый наш народ..., — пишет Ч. Валиханов и, характеризуя всю эту обстановку, заключает: — Во всех отношениях это темное царство»⁶. Совсем нетрудно установить, что «оскорбленные и униженные» восходят к Ф. М. Достоевскому, «темное царство» — к Н. А. Добролюбову.

Разнообразить повествование, создать необходимый речевой колорит автору помогают иноязычные элементы типа: фр. «мадам», «дефиле», англ. «дек», нем. «фортштадт», перс. «индерун», «сипай», кит. «хонтайдзи». В этом ряду немало казахских слов: «байга», «туй» («при мне были в ауле три байги и один туй»), «тулпар» и др. Объясненные попутно, мимоходом, а чаще всего — без перевода и объяснения — читателю подобные слова и выражения знакомы и в детализации не нуждаются, ибо они не осложняют текста. Это и свидетельство лексического богатства автора.

Здесь следует подчеркнуть одно достоинство. Еще в 60-х годах прошлого столетия Ч. Валиханов первым из казахов ввел в состав русской, точнее — научно-публицистической лексики казахские бытовые слова, термины, фразеологические выражения⁷.

Изучение оригинальных произведений ученого в лингвистическом плане дает основание утверждать, что автор мастерски владел словом, обладал высокой речевой культурой. Учась словесному мастерству у выдающихся представителей передовой русской демократической культуры, литературы, Ч. Валиханов сумел, однако, сохранить свой оригинальный стиль. Соответствуя высо-

⁵ Там же. С. 515.

⁶ Там же. С. 519.

⁷ Подробно см.: Султаньяев О. А. Фразеологизмы в публицистике Ч. Валиханова // Известия АН КазССР. Сер. филол. 1977, № 4. С. 11—16.

ким требованиям тогдашней публицистики, передовой журналистики, индивидуальный стиль Ч. Валиханова выделялся и выделяется поныне свежестью, нетрафаретностью слов, сочетаний и выражений («киргизский антик», «дикочаменная матрона», «степные амазонки», «единородный сын», «бранолюбивый дух» и др.) Этому способствуют и оригинальные сравнения и эпитеты, стилизованные повторы и перечислительная интонация, авторские отступления и пейзажные зарисовки, многочисленная терминологическая и бытовая лексика. Каждый из этих элементов несет свою художественно-стилистическую нагрузку, служит целям и задачам автора — веским и нетрафаретным слогом обратить внимание читателя на главную проблему произведения.

ТРАДИЦИИ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ В РАБОТАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

ТВОРЧЕСТВО ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА — ДОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСКОГО НАРОДА

З. А. АХМЕТОВ,
академик АН Казахской ССР

Соотнося творческое наследие Чокана Валиханова с нашим временем, мы исходим из ленинского учения о двух культурах в каждой национальной культуре прошлого, о демократических, социалистических элементах в ней. Прогрессивные идеи Чокана Валиханова, как и Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина, составляют именно демократические, подлинно народные элементы в культуре народа, которые как говорил В. И. Ленин, рождаются условиями жизни трудящихся масс.

Как известно, на формирование мировоззрения Чокана Валиханова оказали глубокое воздействие специфические условия предреформенной России, стоявшей накануне отмены крепостного права. Чокан рано познакомился с идеями, волновавшими русское общество. Чтение журналов «Современник» Н. Г. Чернышевского, «Колокола» А. И. Герцена, статей В. Г. Белинского, тесное общение с петрашевцами, отбывавшими ссылку в Сибири, — все это помогло определить молодому Чокану Валиханову свое место на передовых рубежах просветителя-демократа.

Во многих своих статьях, очерках, путевых заметках и т. д. Валиханов выступает как публицист: для него характерен живой интерес к истории, злободневным вопросам современной социальной жизни народа, раздумья о настоящем и будущем казахского общества. Демократические взгляды казахского просветителя, защита им интересов бедноты нашли яркое выражение, в частности, в «Записке о судебной реформе», в которой он со всей определенностью подчеркивал, что мнение

степных аристократов — султанов, биев и других знатных людей — ни в какой мере не отражает подлинных интересов трудового народа. Чокан Валиханов не уставал повторять, что антинародная политика самодержавия тормозит экономическое развитие и культурный прогресс в степи, насаждая консервативные формы жизни и религиозный обскурантизм. «Мы просим и требуем,— писал он в статье «О мусульманстве в Степи»,— чтобы правительство не покровительствовало религии, враждебной всякому знанию, и не вводило бы насильственно в Степь теологических законов, основанных на страхе и побоях».

Борьба против дурмана ислама, усиленно насаждаемого царизмом, занимала важное место в публицистике ученого. Мысли Валиханова о реакционной сущности ислама как религиозного учения и его пагубном влиянии на социальный прогресс звучат актуально и ныне, когда реакционные круги в некоторых странах Востока всячески стремятся сделать ислам своим идеологическим оружием, усиленно насаждают религиозный фанатизм.

В научных трудах и общественной деятельности Чокана Валиханова, как и в художественном, поэтическом творчестве Абая Кунанбаева, его борьбе за просвещение, в педагогической и творческой деятельности Ибрая Алтынсарина, проявились особенности казахского просветительства как самого передового общественно-исторического движения в Казахстане второй половины XIX в. Казахские просветители высоко ценили роль просвещения и науки в преодолении экономической и культурной отсталости казахского народа, ратовали за приобщение казахов к передовой русской культуре.

Личная дружба Чокана Валиханова с выдающимися деятелями русской культуры и науки, тесное общение с ними в большей мере определили направление и характер его просветительской деятельности и общественно-политических взглядов. Он поддерживал дружеские отношения с учеными-востоковедами Г. Н. Потаниным, И. Березиным, А. В. Васильевым, А. Н. Бекетовым, ссыльным петрашевцем С. Ф. Дуровым и другими. К научным работам Чокана Валиханова проявил интерес также и П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

Ныне всем хорошо известно, что узами многолетней крепкой дружбы был связан с Чоканом Валихановым Федор Михайлович Достоевский. Читая его письма к

Валиханову, мы живо ощущаем, какой глубокой симпатией проникся русский писатель к своему казахскому другу. И сегодня трудно без волнения читать проникновенные слова Достоевского, в которых он говорит о том, каково предназначение Чокана Валиханова как просветителя своего народа, как борца за сближение казахского народа с русским народом.

Чокан Валиханов был первым представителем казахского народа, внесшим большой вклад в отечественное и мировое востоковедение, в изучение Казахстана и Центральной Азии. Тесно сблизившись с прогрессивными представителями интеллигенции России, он стремился раскрыть ей духовное богатство казахов, рассказывать о их нуждах и чаяниях.

Чокан Валиханов мечтал написать фундаментальное исследование по истории Казахстана и Средней Азии. Для этого он неустанно собирал архивный материал, разыскивал и переводил древние восточные рукописи и одним из первых приступил к изучению устного народного творчества кочевых народов, справедливо считая его самым важным источником для реконструкции событий прошлого. Чокан Валиханов настойчиво ведет разработку узловых вопросов истории Казахстана, в частности, этногенеза казахского народа. Современных читателей волнуют гражданская страстность мировосприятия просветителя-демократа, тщательное и разностороннее осмысление важных социальных проблем своей эпохи, поражают живость и меткость его наблюдений и суждений, его ясное представление о предметах, о которых он писал.

Научные труды Ч. Валиханова приоткрывают нам важнейшие страницы истории казахского народа, при этом факты и события даются не обособленно, а в тесных связях с историческим развитием народов Средней Азии и России. И здесь исключительно важно то, что отношения Казахстана и России Чокан Валиханов так же, как и выдающиеся деятели русской науки и культуры, осмысливал с передовых позиций своей эпохи. Чокан Валиханов в том будущем, от которого его отделяло тогда целое столетие, сумел прозорливо увидеть подлинное содружество народов, социальный прогресс и культурное развитие казахского народа, он полагал, что все это станет реальностью благодаря прогрессивному воздействию передовой культуры русского народа.

Видные деятели русской науки и культуры с самого начала активно поддерживали научные поиски Валиханова, достойно оценили его научные заслуги, единодушно отмечали необычайную яркость и разносторонность его таланта как востоковеда и просветителя. Восторженные отзывы получили в научных кругах историко-этнографические материалы, добытые Валихановым в Восточном Туркестане во время его путешествия в Кашгар, и последующие его научные изыскания и публикации.

Характеризуя обширные и разнообразные материалы, собранные Валихановым по истории, географии и этнографии народов Казахстана и Средней Азии, его современники, русские ученые, отмечали: «Для собрания этих материалов Валиханов не щадил ни трудов, ни пожертвований, тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа, изучал среднеазиатские наречия, дорожку ценой скупал древности, с опасностью для жизни проникал в буддийские монастыри и доставал там редкие рукописи». (Из некролога, составленного П. П. Семеновым-Тянь-Шанским и Ф. Р. Остен-Сакеном).

Русские ученые, друзья Валиханова, после его смерти немало потрудились, чтобы собрать и систематизировать его рукописи. Благодаря их усилиям в 1904 г. в Петербурге увидело свет первое собрание его сочинений, осуществленное Русским географическим обществом, которое служит основой для всех дальнейших, в том числе более полных, изданий произведений казахского просветителя. Произведения Валиханова и материалы о нем публиковались также на английском, немецком и французском языках.

Если сегодня значение научной и общественной деятельности Валиханова мы понимаем исторически достоверно и глубоко, представляя его многогранную личность в ее связях с нашей современностью, то в этом велика роль ученых-общественников, писателей и деятелей искусства. С большой теплотой о трудах Чокана Валиханова отзывались советские ученые академики В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович, В. А. Гордлевский, А. Е. Крымский, Л. С. Берг, В. А. Обручев и другие.

Мухтар Ауэзов, автор четырехтомной эпопеи об Абае и его эпохе, который с большой художественной силой раскрыл социальную суть и историческое значение передового общественного движения в Казахстане прошлого века и как ученый глубоко верно оценил роль выдаю-

щихся казахских просветителей, ставил Чокан Валиханова в один ряд с великим Абаем. Выдвинутая и разработанная Мухтаром Ауэзовым в его научных трудах концепция о важной роли русской демократической культуры в развитии казахской общественной мысли и художественной литературы служит основанием для научного осмысления нами исторической роли Чокана Валиханова и значения его деятельности для национальной культуры казахского народа.

Начиная с конца 40-х гг. появляются крупные монографические исследования о жизни и деятельности Валиханова, научную разработку его творческого наследия активно ведут историки, философы, экономисты, правоведы, филологи, географы и другие ученые-обществоведы. Следует здесь особо отметить труды академика АН Казахской ССР А. Х. Маргулана, который десятилетиями собирал и изучал материалы о жизни и деятельности Валиханова, ввел в научный оборот ценные архивные источники.

Исследования советских ученых о Чокане Валиханове, раскрывающие его вклад в разработку истории, этнографии, географии, поэтического искусства народов Казахстана и Центральной Азии, взаимоотношений Казахстана и России, общих проблем востоковедения и т. д., если их брать в совокупности, представляют ныне обширную, разветвленную научную отрасль, которая включает в себя ряд научных направлений.

За советские годы произведения Чокана Валиханова многократно и большим тиражом издавались на русском, казахском языках, а также на языках других народов нашей страны.

В 1962—1971 гг. было подготовлено группой историков под руководством А. Х. Маргулана и издано собрание сочинений Чокана Валиханова в пяти томах. При подготовке этого издания была проведена большая работа по отысканию еще неизвестных рукописей Валиханова и биографических материалов о нем из архивов Москвы, Ленинграда, Омска, Томска, Ташкента и Алматы. В числе этих материалов — письма Валиханова к отцу, письма Хусаина Фаизханова к Валиханову, киргизский текст — отрывок из эпоса «Манас», записанный Валихановым. Графическое наследие Валиханова составило здесь отдельный том.

В художественной литературе и искусстве освещены

многие важные стороны общественной и научной деятельности Чокана Валиханова, показаны глубокие связи его с народом, с народными певцами, дружба с русскими прогрессивными писателями и учеными, изображены также моменты его личной биографии. Вместе с тем писатели, деятели искусства в своих произведениях раскрывают человеческую натуру, внутренний мир ученого-просветителя, словом важные черты его личности.

К юбилею осуществлено новое пятитомное издание сочинений ученого, увидело свет однотомное издание его произведений на казахском языке. В Москве Главной редакцией «Восточной литературы» издательства «Наука» выпущен в свет однотомник избранных произведений Чокана Валиханова, который сделал еще более доступными труды ученого всесоюзному читателю.

Перед учеными-обществоведами стоит задача дальнейшего углубленного изучения рукописного архива Валиханова, отыскания новых еще не выявленных материалов в архивах страны. Есть все основания считать, что еще далеко не полностью собрано эпистолярное наследие Валиханова. Недостаточно изучен Валиханов как источниковед, исследователь древней и средневековой истории, как эпиграфист и нумизмат и т. д. Однако главное заключается о том, чтобы в трудах, новых монографиях ученых-обществоведов глубже и всестороннее раскрывалось общественно-историческое значение деятельности выдающегося ученого-просветителя.

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

А. ДЕРБИСАЛИН,

член-корреспондент АН Казахской ССР

Говоря о высоком общественном, научном, идейно-художественном значении трудов Чокана Валиханова, необходимо отметить, что его сочинения (исследования, статьи, рукописные материалы, воспоминания, путевые заметки и т. д.) можно рассматривать как публицистику.

Одно из таких произведений, например широко известная «Записка о судебной реформе» иллюстрирует позицию автора как человека, смело вторгающегося в общественно-политическую жизнь. В этой работе Чокан Валиханов сделал вывод о том, что казахский народ принял русских как сородичей, добровольно присоединившись к России. Поэтому он желает, чтобы каждая реформа, принятая правительством, способствовала бы развитию общественной жизни, в том числе претворялась бы в жизнь казахского общества и отвечала бы чаяниям народа. «В наше время,— писал он,— самым важным и близким для народа считаются реформы *экономические и социальные*, прямо касающиеся насущных нужд народа... С этой точки зрения полезны только те реформы, которые способствуют улучшению быта человека, и вредны те, которые почему-либо мешают достижению этой цели»¹. Называя только такую реформу, в основе которой лежат законы развития общественной жизни и которая дает хорошие плоды, ученый основательно доказывает, что предлагаемая, например, судебная реформа служит интересам класса эксплуататоров, она составлена для них и по их желанию. Такая реформа сама по себе, считает Ч. Валиханов, противоречит народным стремлениям.

Чокан жил и творил в условиях отсталого, феодального казахского общества. Поэтому в его общественно-политических взглядах наряду с прогрессивными имели место и противоречия. Так, например, он, как и все просветители, преувеличенно понимал общественную роль образования и просвещения. Хотя он неоднократно писал о классовых различиях и неравенстве в обществе, все же не сумел понять роли классовой борьбы, возлагал большие надежды на хорошие реформы, ратовал за то «чтобы оставить суд биев в древней народной форме» и т. д. Та же тенденция наблюдается в его взглядах на религию. В статьях «О мусульманстве в степи», «Следы шаманства у киргизов» Чокан со свойственной публицисту правдивостью доказывает вред от религии развитию общества, описывает корыстное стремление религиозных деятелей. Правда, сам ученый не достиг уровня научного атеизма. О мусульманской религии, распространенной в то время среди казахского народа, и о ее буду-

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 495.

щей роли Чокан открыто писал: «Мусульманство пока не въелось в нашу плоть и кровь. Оно грозит нам разединением народа в будущем»².

Чтобы мусульманская религия отрицательно не повлияла на казахское общество, чтобы избавить казахскую молодежь от бездушно застывших догм этой религии, он предложил открыть повсеместно русские школы вместо религиозных. «Как ни гадка византийщина,— пишет Чокан,— но она все-таки ввела христианство, элемент бесспорно просветительский. Что же может ожидать свежая и восприимчивая киргизская народность от татарского просвещения, кроме мертвой схоластики, способной только тормозить развитие мысли и чувств»³.

Значительными, ценными трудами являются «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «Дневники поездки на Иссык-Куль», «Записки о киргизах», «Очерки Джунгарии», «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи», «Киргизское родословие» и другие исследования, которые впервые знакомят научный мир с бытом и обычаями, традициями и памятниками, языком и религией казахов и близких ему сопредельных народов.

Чокан, кроме двух небольших статей «О формах казахской народной поэзии», «Исторические предания о батырах XVIII в.», не имел специальных литературоведческих исследований. Однако, что интересно отметить, почти все его труды, посвященные тем или другим вопросам жизни, истории, этнографии, насыщены фактами, теоретическими выводами, связанными с литературой, искусством слова, народным творчеством. Велика его заслуга в том, что он, собрав множество образцов устного поэтического творчества казахского и киргизского народов, впервые ввел их в большую науку, сделал их объектами глубоко научного осмысления. Научные наблюдения и выводы, теоретические высказывания Чокана о казахско-киргизских преданиях, легендах, сказках и эпических произведениях положили начало изучению этих двух братских литератур и стали основой, с которой берет свое начало наша сегодняшняя наука о литературе.

² Там же. С. 524.

³ Там же.

Излагая историю казахского народа. Чокан связывает с бытом и культурой степняков русский народ, и посредством ее весь мир. Он говорит не только о возможности, но и о необходимости общественного развития этого народа, как и других, в доказательство этому приводит исключительную способность и мастерство казахского народа к художественному творчеству, особенно искусству слова. «Наш народ,— писал Чокан,— имеет богатую и не лишенную поэтических достоинств, растительную (вероятно, растущую) литературу, более близкую к индо-германскому эпосу, чем к восточным произведениям этого рода»⁴. Здесь он обращает внимание на два момента. Во-первых, отмечает особенности богатства образцов народного творчества, во-вторых, в противовес взглядам буржуазных ученых и славянофилов, которые отрицательно отнеслись к восточной литературе и культуре, говорит о близости казахского эпоса к европейскому. «Я убедился,— сказал просветитель,— что индо-германские мотивы наших киргиз и ногайцев могли быть заимствованы только через сношения со славянским миром, с Русью»⁵.

Чокан искал пути взаимосвязи русской и казахской литератур с более раннего периода. Обнаруживая определенные связи или сходные моменты казахской литературы с другими европейскими, он отмечал, что они возможны лишь через русскую литературу. Подобные выводы он постоянно совершенствовал, дополняя новыми фактами и материалами. Многолетняя русско-казахская литературная связь дала ему возможность рассматривать и решать эту проблему в ключе единства судеб этих народов. «Занимаясь давно собиранием киргизских сказок, мифов, эпических песен и легенд,— утверждает ученый,— я был поражен тождественностью их мотивов с мотивами произведений этого рода народов европейских, особенно славян»⁶.

Чокан также обратил внимание на сходные, общие моменты между казахским эпосом, преданиями, легендами, с одной стороны, туркменскими и киргизскими эпическими произведениями, легендами — с другой. Подобные явления взаимосвязи и заимствования рассматривал он как результат их языковой, культурной близости.

⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 499.

⁵ Там же. С. 401.

⁶ Там же. С. 400.

сти, общности социально-экономической жизни, быта и обычаев и т. д. Связывая с этим задачу науки, он указывал, как в разумной мере можно различить, опознать эти границы.

Интересно отметить, что Чокан хорошо знал литературу многих народов и стран. Весьма примечательно то, что он сумел рассматриваемую литературу изучить в научно-сравнительном плане с более близкими ей по языку, духу литературами и определить между ними общее и частное.

Отмечая особенности поэзии кочевых народов, он сопоставляет арабскую и казахскую поэзию. В первую очередь ученый замечает то, что европейские ученые глубоко ошибаются, считая кочевые народы дикими. С большой убедительностью он пишет, что поэзия степняков заслуживает внимания и изучения. «Склонность к поэзии, особенно к импровизации, отличает все кочевые расы,— писал он... Во всяком случае, поэзия киргиз, как верный очерк жизни, понятий и отношений своего общества, чрезвычайно любопытна и представляет множество занимательных сторон»⁷.

Одним из передовых принципов во взглядах Чокана был историзм. Чокан первым применил этот принцип в исследовании казахской литературы. Рассматривая народные легенды, рассказы, эпосы в единстве с жизнью народа, исследуя их детально, он приходит к выводу о том, что «нет сомнения, что положительные и последовательные сказания киргиз, их образ жизни, обычаи и нравы современные, отражающие быт их предков и при сличении во всем согласные с историческими указаниями, могут иметь значение историческое как ... произведения, вылившиеся из уст всего народа как от лица одного существа, они не лишены как исторического, филологического, так и психологического интереса»⁸. Ученый видит связь времен. Он особо подчеркивает важность некоторых поэтических памятников древности, которые отражают действительность и духовную жизнь народа, дают о них цельные представления, не уступая по достоверности некоторым историческим фактам.

Исторические жыры и легенды, как известно, родились в древние и более поздние времена. Чокан выясняет,

⁷ Там же. С. 390—391.

⁸ Там же. С. 388.

как они сохранились, каким путем дошли до наших дней. Особое внимание обращает на то, что в народной памяти сохранились именно те произведения, которые выражали идеи и мечты трудового народа, в них воспевались имена батыров, которые воевали за родную землю. В народной памяти вымышленного мало, хотя преувеличение роли и действия отдельных батыров имело место. При этом Чокан отмечал, что народные жыры устным путем дошли до наших дней, не подвергаясь большим изменениям, не распавшись на отдельные варианты песен, что это является феноменальным явлением. Главное и — это особенно существенно — что они сохранились почти в первоначальном варианте. Здесь он говорит преимущественно о двух путях сохранения народных песен. Во-первых, в степи стало особенным обычаем, неизменной традицией создавать бесценные поэтические памятники о делах и мужестве народа, воспевать о великих событиях, о подвигах героев. Во-вторых, благодаря уникальной памяти певцов народные песни с поэтической точностью сохранялись и передавались из поколения в поколение.

Чокан хорошо изучил все жанры казахской устной литературы. Среди них он особенно выделял жыры о батырах и лирико-эпические произведения. Еще будучи учеником, он начал собирать образцы устного народного творчества. А, повзрослев, вплотную занялся исследованием. Известны его записи героических и лиро-эпических былин, которые он передал и отправил русским востоковедам. Они до сих пор хранятся в архивных фондах страны. Особенно удивили любителей поэзии произведения знаменитых акынов Шоже и Жанака, записанные молодым ученым.

В 60-х гг. прошлого столетия Валихановым была переписана народная лиро-эпическая поэма «Козы-Корпеш и Баян-Слу». «Я очень люблю и восхищаюсь Аягузом, может быть поэтическая легенда о любви прекрасной Баяны к золотоволосому Козы-Корпеш, действие которой происходило на этой реке, есть немаловажная к тому причина»⁹, — писал Чокан.

Ученый своевременно заметил, что искусство жырау с конца XVIII в. постепенно устаревает, что жырау выполнили свою историческую миссию, уступив место

⁹ Там же. С. 230.

представителям акынской поэзии. «В последние годы моего пребывания в степи джыры почитались уже устарелой формой поэзии... Песня (улен) вошла в употребление в киргизской степи не более 50 лет назад»,¹⁰ — писал Чокан. Здесь он имеет в виду, что на смену 7—8-сложным жырам (о батырах, о мужестве народных героев), которые применялись обычно, появляется тенденция сочинения одиннадцатисложных стихов отдельными поэтами. Этим самым Чокан выявляет акынское творчество как новое явление в поэзии и как яркое проявление индивидуального творчества.

Чокан правдиво показывает роль акынов и жырау в истории общества и литературы. Асан-Кайгы он называет знаменитым кочевым философом и относит его творения к началу индивидуального творчества. Собрал толгау Бухар-жырау и впервые их записал. Чокан первым отметил то, что Бухар-жырау с особым мастерством певца-мудреца вмешивается во внутреннюю и внешнюю политику хана Аблая, оказывая на него большое влияние.

В записях Чокана встречаются фактические материалы об острословии и поэтическом искусстве Татикары-жырау. Сам он не раз встречался, слушал, хорошо знал Жанака, Орынбая, Шоже, Арыстанбая и других крупных акынов айтыса. И исследовав особенности творчества талантливейших импровизаторов, сделал выводы, что акынское творчество заметно возросло за последнее полстолетие.

Первую оценку дал Чокан и творчеству акына Шала. Если до нас дошли отдельные отрывки песен поэта, то Чокан пишет об акыне как об эпическом поэте: «Из преданий о происхождении киргиз замечателен жыр акына... Шала, современника, прадеда моего Аблая. Знающих эту эпопею теперь очень мало. По крайней мере, я до сих пор не имел случая ее слышать»¹¹.

Таким образом, он не только глубоко и всесторонне изучает содержание стихов знаменитого в степи поэта, но и знакомит нас с основными особенностями творчества акынов. Особенно обращает внимание на освещение в стихах истории народа или племени, тонкость и точность поэтического языка. Очень ценны его мысли в

¹⁰ Там же. С. 197—200.

¹¹ Там же. С. 211.

связи с изучением основного содержания творчества Арыстанбая и Нурымбая.

Изучая поэтическое наследие своего народа, Чокан делает попытку теоретически его осмыслить. Его работа «О формах казахской народной поэзии» в этом отношении представляет большой интерес. В ней автор казахскую поэзию делит на пять видов: *жыр, жоктау, калм (дасу), кара улең, улең*. В подтверждение этого к каждому из них приводит убедительные примеры. В конце статьи анализирует некоторые образцы эпоса, хвалебные жыры, жоктау. Этот анализ, разумеется, не является окончательным определением видов и форм поэзии, а лишь стремлением попытаться открыть пути для исследования казахской поэзии в теоретическом плане. Хотя он и пытался классифицировать казахские стихи по формам и видам, но сумел лишь коснуться их содержания и тематики. Статья Чокана о формах казахской поэзии злободневна тем, что она поставила вопрос о необходимости ее теоретического изучения.

Демократ-просветитель Чокан Валиханов хорошо знал литературу и культуру многих народов, историю и географию различных стран, язык и этнографию. О них упоминал постоянно в своих работах, сравнивал, посвящал культуре, литературному наследию других родственных народов свои научные труды. Одним из них является киргизский эпос «Манас». Чокан не только первооткрыватель, первоисследователь «Манаса», но дал впервые глубокую, сугубо научную оценку и по праву поставил его в один ряд знаменитых эпосов мира. Он называет «Манас» энциклопедией искусства и жизни киргизского народа, сравнивает с величественной древней «Илиадой». Ученому импонировало то, что в некоторых отрывках эпоса с любовью описывается дружественная связь киргизского и казахского народов. На русский язык перевел сцену «Смерти хана Кукотая и его поминки». Это удачный пример того, что при переводе надо руководствоваться не только голым интересом к экзотике, а глубоко изучить загадку и красоту языка оригинала, чтобы мастерски изложить ее на другом языке.

Его литературно-публицистическое наследие, как вся его многогранная деятельность, имеет непреходящее значение, составляет первые страницы казахской литературоведческой науки.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ш. К. САТПАЕВА,

член-корреспондент АН Казахской ССР

Одна из важнейших граней жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова — его связь с русской и западноевропейской культурой и литературой. Эта проблема может изучаться в нескольких аспектах, некоторые из них следующие: изучение Валихановым русской и западноевропейской литературы в Омском кадетском корпусе и в последующие годы; взаимоотношения и дружба Чокана Валиханова с деятелями русской литературы и культуры; Валиханов в Петербурге в кругу русских писателей и поэтов; литературная среда Валиханова; обращение Валиханова к русским летописям как к источнику исторических сведений и фактов; Ч. Ч. Валиханов и русская фольклористика 50-х — 60-х гг. XIX в.; явления и факты русской литературы XVIII — и первой половины XIX в. в трудах Валиханова; образцы античной литературы — литературы древней Эллады и Рима в трудах Валиханова; имена и отдельные высказывания писателей западноевропейской литературы в трудах Валиханова; Валиханов в оценке русской дореволюционной печати, образ Валиханова в произведениях русских писателей и т. д.

Свободно ориентируясь в истории развития русской литературы, Ч. Ч. Валиханов мастерски применял ее некоторые образы для раскрытия сути и содержания отдельных явлений и событий исторической и современной ему действительности, для своих научных целей и задач.

Русские летописи, которые являются неотъемлемой, богатой частью древнерусской литературы, были основательно изучены Ч. Ч. Валихановым. Так как исследование летописей составляет обширную и сложную область истории и филологии, то первые опыты обращения ученого к таким источникам ценны. Он писал: «Как ни гадка византийщина, но она все-таки ввела христианство, элемент бесспорно просветительный. Что же может ожидать свежая и восприимчивая киргизская народность от татарского просвещения, кроме мертвой схоластики, способной только тормозить развитие мысли и чувств. Мы должны во что бы то ни стало обойти татар-

ский период, а правительство должно нам в этом помочь. Для него это так же обязательно, как для нас спасение утопающих. Для совершения этого человеколюбивого дела на первый раз следует только снять покровительство над муллами и над идеями ислама и учредить в округах вместо татарских школ русские»¹.

Некоторые аналогии и сравнения, приведенные здесь Валихановым из истории Древней Руси, как известно, связаны с ее взаимоотношениями с соседними странами, с вопросом так называемого «византийского периода» в истории русской культуры и литературы. Ч. Ч. Валиханов, хорошо разбираясь в истории взаимоотношений Руси с другими странами, глубоко вник в их суть и четко определил свое отношение к ним.

Ч. Ч. Валиханов обращался к русским летописям как к источнику достоверных исторических сведений и фактов. В его работах приведены сведения из русских летописей — записей событий относительно истории среднеазиатских и казахского народов. Ученого интересовали в русских былинах отзвуки исторической действительности прошлых веков и сведения в них, связанные с половцами-кыпчаками. Он нашел в Ипатьевской летописи под 1201 г. отражение половецкой песни о траве евшан (полынь), запахом которой половецкий певец Оря вернул с чужбины на родину половецкого хана Отрока. Об этой песне Ч. Ч. Валиханов потом рассказал поэту А. М. Майкову, который впоследствии создал на подсказанный им сюжет поэму «Емшан». В этой же Ипатьевской летописи Ч. Ч. Валиханов нашел и другие следы знакомства летописца с половецким эпосом. Интерес Ч. Ч. Валиханова к русским летописям был перспективным научным направлением.

Еще одно явление, которое заинтересовало Валиханова, это — наличие сходства содержания, мотивов, сюжетов некоторых легенд, преданий ряда народов, в том числе казахского и русского. Он одним из первых в науке применяет сравнительно-историческое изучение фольклора, стремясь установить общие закономерности историко-литературного процесса.

Валиханов нередко проводил типологическое сопоставление сходных фольклорных явлений, наблюдаемых у территориально не связанных между собой и стоящих

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 524.

на разных ступенях культурного развития народов. Хотя он не ставил перед собой цель выявить истоки, корни, объяснить причины этих явлений и держался в стороне от распространенных в то время теорий «заимствований» или самозарождения мотивов и сюжетов, приведенный в его работах материал может оказать определенную помощь в разрешении сложнейших проблем природы поэтического творчества и вопросов исторических связей между культурами различных эпох и народов.

В XVIII в. Ч. Ч. Валиханова больше всего интересовали преобразования Петра Первого и «История государства Российского» в 12-ти томах писателя Н. М. Карамзина, из некоторых он приводит сведения для подтверждения своих мыслей. Интересно и важно также пользование Ч. Ч. Валихановым книгами издания писателя-просветителя Н. И. Новикова и государственного деятеля, дипломата, издателя, мецената графа Н. П. Румянцева.

В трудах и письмах Ч. Ч. Валиханова — множество явлений и фактов из русской литературы XIX в. Это и естественно: она была по времени близка ему; основательно изучен им в бытность в Омском кадетском корпусе дворянский период развития русской литературы XIX в.

С творчеством А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, идеями В. Г. Белинского Ч. Ч. Валиханов знакомился еще в годы учебы в Омском кадетском корпусе. «Общественные идеи достигали нас двумя путями: школьным и нешкольным, — писал Г. Н. Потанин. — Школьными проводниками их были преподаватель русской словесности Ник. Фед. Костылецкий и преподаватель истории Гонсевский. Костылецкий познакомил нас с Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем. На Пушкина он смотрел как на национального гения; он казался ему необыкновенно одаренным человеком. Костылецкий рассказывал о своей встрече с поэтом. Автор «Истории Пугачевского бунта» проезжал через Казань и посетил университет.

Костылецкий познакомил нас со взглядами Белинского на русскую литературу; он весь свой курс о русской литературе составил по критическим статьям Белинского».

Судя по содержанию письма Ф. М. Достоевского к Ч. Ч. Валиханову от 14 декабря 1856 г. из Семипалатин-

ска в Омск, во время их семипалатинских встреч все время говорили о русской литературе, о Пушкине, в частности, о его статье и переводе произведений Джона Теннера. «Так было бы ново, а вы, конечно, знали бы, что писать (например, вроде Джона Теннера в переводе Пушкина, если помните)» — читаем в письме Ф. М. Достоевского к Ч. Ч. Валиханову.

Джон Теннер в переводе Пушкина, о котором писал Ф. М. Достоевский Ч. Валиханову, — весьма известное ценное явление в истории русской и американской литератур. Теннер Джон (1780—1847) — американский писатель. Сын фермера Теннер в возрасте 9 лет был похищен индейцами племени шауни и продан индианке из племени оттава, ставшей его приемной матерью. В 1820 г. в 40 лет Теннер вернулся к белым и стал переводчиком у американских властей. В 1830 г. вышла книга «Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера», записанная с его слов доктором Э. Джеймсон, с предисловием, осуждающим отношение американцев к индейцам. Последние годы жизни Теннер провел в жестокой нищете и был сожжен в своей лачуге белыми соседями.

Русская литература всегда была чутка к страницам истории, облитым потом и кровью, к судьбам народов, поэтому естественно, что трудная жизнь, трагическая судьба Джона Теннера глубоко взволновала А. С. Пушкина, который написал статью «Джон Теннер», в ней поэт отметил реалистическую правдивость в изображении изнанки американской «демократии» во всем «ее отвратительном цинизме», сочувствовал бесправным индейцам, которые в то время уже были полуистреблены. С этой статьей Пушкина и его переводом из Джона Теннера был знаком и Ч. Ч. Валиханов, судя по письму к Ф. М. Достоевскому.

Здесь важно и ценно то, что в далеком от центра провинциальном городе Семипалатинске, спустя лишь девятнадцать лет со дня ухода из жизни гениального русского поэта, два представителя казахской и русской культур вели беседу: в поле духовного интереса казахского ученого и русского писателя был Пушкин. Тогда двадцатилетний Валиханов был увлечен гуманистическими идеями Пушкина.

Образ М. Ю. Лермонтова тоже сопутствовал молодому Ч. Ч. Валиханову. В дневниках есть строки из поэмы «Демон». Интересны суждения Валиханова о Кав-

казе, Тереке, вероятно, написанные под впечатлением кавказского цикла произведений Пушкина и Лермонтова.

Описывая особенности местности и впечатления от них, Ч. Ч. Валиханов пишет: «После однообразных горных видов, беспрестанно торчащих скал, немолчно шумящих ключей, густо заросших цветов этот дивертисмент как-то приятно действует на человека. Все нам надоедает: живем на широкой и гладкой Руси — рвемся на Кавказ, где стоит белоснежный Казбек, хочется видеть Альпы, нужны горы, «столпообразные раины» и «звонко бегущие ключи», а как бросит судьба в такую местность — сначала восхищаешься, потом все это начинает надоедать: и «столпообразные раины» и «звонко бегущие ключи» и опять хочется на свободу, на дол, на ровную степь, где растет береза белая, родная сосна. Там дыхание как-то свободнее и мысли текут шире как-то — привольнее... Все безгранично, как степь — и желания и дела. Угрюмые, дикие виды гор, хотя живописные, как-то заботят, отягачают вас: то вас поражает великолепный водопад, вы как-то усиленно направляетесь мыслями, то какая-нибудь пропасть устрашает вас своей теснотой, громадные скалы, ревушие реки — все как-то сердито, во всем сказочно, и вы настраиваетесь под этими впечатлениями к какой-то лихорадочной деятельности. Вам все чего-то недостает. Нет возможности жить в горах и быть народом веселым, беззаботным.

...Вокруг стоят твердые, угрюмые скалы, внизу нежится, шумит, ревет, ворочает камни какой-нибудь Терек... Совсем другой ландшафт, другая природа окружают степняка...» Далее следует проникновенное поэтическое описание природы степи.

Здесь приведенные Ч. Ч. Валихановым «столпообразные раины», «звонко бегущие ключи» взяты из IV песни части первой «Демона» М. Ю. Лермонтова, где есть такие строки: ...Столпообразные раины, Звонко бегущие ручьи По дну из камней разноцветных И кущи роз, где соловьи Поют красавиц безответных На сладкий голос их любви».

У Ч. Ч. Валиханова вместо «ручьи» употреблены «ключи». «Столпообразные раины» — пирамидальные тополя, употреблены, как у Лермонтова. Известно, что при жизни Лермонтова поэма не печаталась, но получила широкое распространение в множестве списков и копий,

дошла до нас одна из таких копий. Впервые отрывки из «Демона» опубликованы в «Отечественных записках» в 1842 г., в номере 6 по списку, собственноручно изготовленному В. Г. Белинским, публикация проходила с большими цензурами трудностями². Полностью «Демон» был напечатан в 1856—1857 гг. в Карлсруэ и в Берлине, а в России — в 1860 г. в собрании сочинений Лермонтова под редакцией Дудышкина.

Выходит (по времени упоминания Ч. Ч. Валихановым строк из «Демона»), он мог знать эту поэму либо по одному из списков, вероятно, дошедших до Омска или Семипалатинска, или мог читать отрывки из этого произведения, опубликованные в «Отечественных записках» за 1842 г. Полного издания «Демона» в Собрании сочинений Лермонтова 1860 г. в то время, когда Ч. Ч. Валиханов вел дневник со страницами из поэмы, у него не могло быть в распоряжении. Таким образом, Ч. Ч. Валиханов еще до приезда в Петербург интересовался творчеством М. Ю. Лермонтова.

О знании казахским ученым творений великого русского поэта также свидетельствуют написанные его рукой строчки из популярного стихотворения Лермонтова «Ветка Палестины». В большой работе «Записки о киргизах», начало которой относится к маю—июню 1856 г., на полях написаны из «Ветки Палестины» такие слова: «Когда листы твои сплетали, Салима бедные сыны...» Салим — это Иерусалим. Стихотворение «Ветка Палестины» Лермонтова впервые опубликовано в 1839 г. в «Отечественных записках», затем в сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова». По всей вероятности, Валиханов знал это стихотворение по этим изданиям.

В одной из записей Ч. Ч. Валиханова приведено имя Гоголя с его «Ревизором» и образами Городничего, Добчинского и Бобчинского. Есть отдельные суждения Ч. Ч. Валиханова о таких литературных течениях, как славянофильство и западничество, «натуральная школа», «почвенники».

Приведя множество фактов и явлений из русской литературы в качестве аналогий, метафор, сравнений, Ч. Ч. Валиханов расширил горизонты казахской общественной и художественной мысли, обогатил ее новыми

² Вацуро В. Э. К цензурной истории «Демона»// Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979. С. 410—414.

образами и приемами. Ч. Ч. Валиханов первый проложил путь к освоению казахами богатства русской литературы, будущему плодотворному взаимообщению культуры двух народов.

Вхождение в духовную жизнь и восприятие казахом бессмертных образов античной литературы — еще одна существенная нить и форма связей казахского народа с мировой литературой.

Поэтому, естественно, что и в страницы трудов Ч. Ч. Валиханова вкрапляются традиционные легенды, образы и формы, заимствованные из античной литературы, входят имена наиболее крупных ее представителей.

Мифы о похищении Европы Зевсом, Юпитере, мифы о Марсе, Сатурне, циклопе Полифеме, Гомере, эпоса «Илиада» и «Одиссея», легенды о «Нимфродовском столпотворении», «Вавилонском пленении», «Яблоке раздора», амазонке, химере, «предания, собранные по слухам Геродотом», ода Горация к Лигурину, взаимоотношения между патрициями и плебеями, падение Рима, рапсоды — вот далеко не полный перечень явлений из истории античной литературы, которые встречаются в трудах Ч. Ч. Валиханова. Каждое из этих явлений, образов древнегреческой и древнеримской литературы, органически входя в труды Ч. Ч. Валиханова, приобретало новое значение и смысл, функцию и нагрузку.

Свободно ориентировался Ч. Ч. Валиханов в западноевропейской литературе. Суждения о революциях в Европе, «Песнь о Роланде», неоднократное употребление крылатых слов «быть или не быть» из «Гамлета» Шекспира, приведенные Валихановым высказывания из книги «Герон, почитание героев и героизм в истории» Томаса Карлейля, имена Гете, Диккенса, Жорж Санд, братьев Шлегелей, Гердера, Канта, Бюффона, Милля, Бокля, Бостона, Адольфа Шлагинтвейта и многих других наиболее крупных представителей западноевропейской научной общественной и литературной мысли в трудах Ч. Ч. Валиханова — все это свидетельствует о высокой культуре первого казахского ученого.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАЗАХСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Р. Б. БЕРДИБАЕВ,

доктор филологических наук (Алма-Ата)

В многогранном научном наследии Ч. Валиханова его труды, посвященные казахскому устному народному творчеству, занимают значительное место. Ученый в течение всей жизни огромное внимание уделял как собиранию, так и изучению жанров казахского фольклора. Ч. Валиханов первым записал крупнейшие памятники эпического творчества и оставил интересные исследования по многим проблемам устно-поэтического искусства, введя их в орбиту фольклористической науки.

Его мысли и суждения как фольклориста сконцентрированы в специальных исследованиях о казахском народном творчестве. А отдельные его замечания и высказывания о тех или иных фактах казахского фольклора содержатся почти во всех научных трудах. Так, мысли о природе, эволюции фольклорных жанров или произведений можно встретить в его дневниках, отчетах о поездке в Семиречье, Киргизию, Кульджу, Кашгарию, письмах... Богатство привлекаемых им фактов, степень научной разработки в них важнейших аспектов устного народного творчества позволяет считать Ч. Валиханова основоположником дореволюционной казахской фольклористики.

В том, что Ч. Валиханов стал крупнейшим фольклористом, немаловажную роль сыграла среда, где прошли его детские и отроческие годы. Правнук знаменитого хана Аблая — Чокан — с самого раннего детства вдоволь был наслышан преданиями и легендами, касающимися истории казахского народа в целом, своих аристократических предков в частности. Дело в том, что во времена Чокана Валиханова были еще свежи воспоминания и предания об исторических событиях и деятелях XVIII в., когда казахский народ вел борьбу против джунгаров, нанеших бесчисленные бедствия. В сознание народа первая половина XVIII в. вошла как время «великого бедствия» — «актабан шубырынды».

В борьбе казахов за свободу и независимость отли-

чились многие батыры. Об этих событиях недавнего прошлого, когда решалась судьба казахского народа, Чокан мог слышать много интересных фактов от своей мудрой бабушки Айганым, умного и грамотного отца Чингиса и многочисленных родственников, сохранивших предания о деянии хана Аблая и его сподвижников.

Ч. Валиханов в детские годы рос в ауле, где частыми гостями были известные в округе народные композиторы и певцы, домбристы и сказители. В трудах ученого мы встречаем имена таких известных акынов, как Жумагул, Жанак, Орынбай, Арыстанбай, Шоже, Нурымбай. От них молодой Чокан слышал и исторические песни, и народную лирику, и эпические сказания, своеобразно отражающие историю казахского народа. Кокчетауская земля, где прошли детские годы Чокана, вообще славилась певцами, акынами и сказителями. В устном творчестве отразились оценки событий прошлого, чаяния и надежды народные. Если Ч. Валиханов о генеалогии казахов и своего рода слышал от ближайших родственников, то акыны и сказители по-своему художественно поведали о них в песнях и дастанах.

Чокан Валиханов в годы учебы в Омском кадетском корпусе, по свидетельству его ближайшего друга Г. Н. Потанина, упорно готовился стать исследователем Казахской степи, Средней Азии и Восточного Туркестана. Для того, чтобы понять современное ему состояние жизни народов этого региона, он стремился глубоко и основательно изучать их прошлое: его интересовали и история, и этнография, и фольклор, и язык. Следовательно, обращение Ч. Валиханова к фольклору как одному из источников, помогающих понять историю народа, было вполне естественным и целенаправленным. Вот как он понимал значение исторических преданий: «Если исторические сказания Гомера и предания, собранные по слухам Геродотом, имеют сколько-нибудь достоинство историческое, если всякое искаженное, баснословное предание имеет в основании своем происшествие и истину, то, нет сомнения, что положительные и последовательные сказания казахов, их образ жизни, обычаи и нравы современные, отражающие быт их предков и при сличении во всем согласные с историческими указаниями, могут иметь значение историческое»¹.

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 388.

Таким образом, Ч. Валиханов искренне верил в познавательную роль устного народного творчества. Выполняя как офицер царской армии специальные, часто очень трудные задания, Ч. Валиханов никогда не оставался равнодушным к поэтическому и духовному богатству народа. Его собирательская и исследовательская деятельность преследовала цель: через народное творчество найти какие-то нити забытых или исчезнувших страниц жизни своего народа. Самое главное то, что он видел в устном народном творчестве оптимистические идеалы народа о свободной и счастливой жизни. Не менее важной задачей для себя Чокан считал ознакомить передовую русскую общественность с богатством народного творчества. В одном из своих трудов он повторяет свою мысль о том, что фольклор художественно отражает наиболее существенные стороны народной жизни: «Во всяком случае поэзия казахов как верный очерк жизни понятий и отношений своего общества чрезвычайно любопытна и представляет множество занимательных сторон»².

Факты свидетельствуют о том, что в большинстве случаев деятельность Ч. Валиханова как собирателя и исследователя фольклора шла параллельно. Например, он, говоря об исторических преданиях, касающихся времен Ногайской Орды, одновременно высказывает свои суждения о степени отражения в них конкретных, определенных событий. То же самое мы видим относительно киргизского эпоса «Манас». Во время своей поездки в Киргизию в 1856 г. он записал одну из самых интересных глав этого эпического сказания. Ч. Валиханов перевел на русский язык отрывок и дал емкую характеристику эпоса.

Благодаря записи Чокана дошел до нашего времени текст одного из лучших вариантов казахского лиро-эпоса «Козы-Корпеш — Баян-Слу». Известно, что эта запись сделана по поручению учителя Н. Ф. Костылецкого, который в свою очередь переслал ее профессору И. Н. Березину. Вариант «Козы-Корпеш — Баян-Слу» ценен еще тем, что в нем сохранилось много архаических черт эпоса. Чуть позже казахский ученый записал еще один вариант этого романтического сказания, являющегося,

² Там же. С. 390.

по словам Г. Н. Потанина, одним из замечательных образцов мирового эпического творчества.

Только этих фактов было бы достаточно для того, чтобы имя Валиханова осталось в истории фольклористики. Но Чокан записал и ряд эпических сказаний, среди которых были «Ер Қокше» и «Едиге».

Интересна история записи эпоса «Едиге». Первый список его сделан отцом Чокана — Чингисом Валихановым от акына Жумагула, другой вариант записан от акына Арыстанбая. Известно, что у Валихановых был и третий список этого поэтического памятника. Чингис и Чокан Валихановы из этих трех записей составили сводный вариант эпоса, который был издан П. М. Мелиоранским в 1905 г. в Петербурге под названием «Сказание об Едиге и Токтамыше». Крупнейший советский ученый, академик В. М. Жирмунский называл вариант «Едиге», записанный Ч. Валихановым, наиболее полным и художественно совершенным из вариантов, имеющихся у ряда тюркоязычных народов³.

Ч. Валихановым записаны мифы, легенды и предания, исторические песни, пословицы и поговорки, поэтические состязания и др. Среди них песни знаменитого Бухар-жырау (XVIII в.), посвященные Аблаю. К числу исторических песен относится также «Песнь об Аблае», песни об Ураке и Кара-батыре, повествующие о событиях прошедших веков.

Несомненный интерес представляет его труд «Исторические предания о батырах XVIII века», где излагается содержание преданий, связанных с именами героев-батыров (Богембай, Кабанбай, Жанибек, Жанатай, Сырымбет, Малайсары, Байгозы, Баян, Елшибек). Эти предания, записанные свыше века тому назад Ч. Валихановым, дают ценнейшие сведения о героическом времени, являются летописью не только побед, но и тяжких неудач и поражений. Исторические предания воскресают не зафиксированные историей моменты событий прошлого.

В статье под названием «Аблай», написанной Чоканом для энциклопедии, использованы предания, устно сохранившиеся среди народа. Много сведений из истории казахского и киргизского народов содержат исследования «Предания и легенды большой киргиз-кайсацкой орды», «Киргизское родословие».

³ См.: Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. М., 1984.

Ч. Валиханова интересовал фольклор казахов, киргизов, уйгуров, каракалпаков, алтайцев, монголов, бурят, якутов и др. В его трудах встречаются важные наблюдения о фольклоре каждого из этих народов.

Многие жанры казахского фольклора Ч. Валиханов впервые подверг научному анализу. В работе «О формах казахской народной поэзии» сделана классификация жанров казахского устного поэтического искусства. Ученый убедительно доказывает жанровые свойства эпического сказания *джир*, останавливается на характеристике таких форм народной поэзии, как *джилау* (*жоктау*.— Р. Б.), *каим*, *кара улен*. Такая классификация казахской народной поэзии была в свое время достижением в деле изучения фольклора.

В трудах Ч. Валиханова запечатлены сведения об известных акынах Центрального Казахстана, которые являлись и импровизаторами, и сказителями. Ученый высказывает мысль о постепенном ослаблении традиции эпического сказительства и тенденции расцвета акынской импровизаторской поэзии, способной откликнуться на современные духовные потребности народа.

Отличительной чертой исследования Ч. Валиханова по фольклору является то, что он делает сравнительный анализ аналогичных явлений словесного искусства разных народов, стремится раскрыть закономерности, сближающие их. Ученый обнаруживает осведомленность в народном творчестве как восточных, так и западных стран. Он свободно оперирует фактами древнегреческой мифологии и эпоса, трудами Геродота, Платона, Птолемея, отмечает распространенность образа Циклопа и среди фольклора тюрко-монгольских племен. Во многих случаях Ч. Валиханов опирается на примеры русского фольклора, русской фольклористической науки. В «Заметках по истории южно-сибирских племен» он приводит предания о переселении саха (якутов) с юга на север под предводительством Эллая и Омогая, называет некоторые героические сказания — Олонхо. Он восхищается искусством кашгарских певцов и танцоров («Очерки Джунгарии»).

Ученый обращает внимание на обилие легенд и преданий почти у всех кочевых племен. «Любовь к старине,— пишет он,— и богатство преданий, составляют достояние кочевых народов Северной и Средней Азии. Предания сохраняются свято или в виде родовых воспо-

минаний в памяти старейшин, как например юридические предания и генеалогические, или в форме эпоса передаются из рода в род особым сословием певцов»⁴.

Многие исследования Ч. Валиханова отличаются историко-этнографическим подходом к изучению явлений устной поэзии тюрко-монгольских народов. Мифология, легенды и предания, генеалогия народов раскрываются в тесной связи с бытом, обычаями и верованиями их.

Фольклористические исследования составляют одну из самых ярких сторон наследия Ч. Валиханова.

⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 418.

ВАЛИХАНОВСКИЕ СТРАНИЦЫ «КОЛОКОЛА»

Ш. Е. ВАЛИХАНОВ
(Алма-Ата)

Академик В. А. Обручев, описывая дружбу юных мечтателей Потанина и Валиханова, писал, что Чокан еще в годы учебы в кадетском корпусе «пытался пробудить в нем (т. е. в Потанине, — Ш. В.) отрицательное отношение к Николаю и критическое отношение к царизму вообще»¹.

В силу многих обстоятельств, даже в легальных изданиях, Ч. Ч. Валиханову приходилось скрывать свое имя. На отдельные зашифрованные политические высказывания впервые обратил внимание профессор С. Я. Булатов.² Для нас представляет огромный интерес сотрудничество Валиханова вместе со своим другом Потаниным в журнале «Колокол» А. И. Герцена, издававшегося в Лондоне.

К освоению научного наследия Ч. Ч. Валиханова пока мы относимся не совсем рачительно. Еще много белых пятен остается в его биографии, научной и общественной деятельности, на что в свое время справедливо указывал академик АН Казахской ССР А. Х. Маргулан.

¹ Обручев В. А. Путешествие Потанина. М., 1953. С. 11—16.

² Вестник АН КазССР. Алма-Ата. 1965.

Данная работа является одной из попыток хоть в какой-то степени восполнить этот пробел.

В 1860, 1862, 1863 гг. в листах № 72, № 131, № 109 «Колокола» были опубликованы статьи: «К характеристике Сибири», «Из Сибири» (отрывки из писем к издателю) и «Тобольское дело». Внимательное изучение этих статей показывает, что к ним приложена рука Ч. Ч. Валиханова. Четко выраженная индивидуальность стиля, особенности словоупотребления и построения фраз, образность речи, анализируемые факты и события, наконец, выводы, сделанные автором, убеждают нас в правильности нашего предположения. Нас даже не смущает тот факт, когда в статье «Из Сибири», делается ссылка на статью «господина Валиханова», вышедшей в легальной печати, ибо пишущий заранее знает, что шеф жандармов — князь Долгорукий ... примет все меры к отысканию автора».

В рассматриваемых статьях приведены веские аргументы, разоблачающие злоупотребления и произвол царской администрации, взяточничество и казнокрадство, дается меткая характеристика плеяды царских сатрапов. «Десять лет управлял Западной Сибирью генерал Горчаков, — читаем мы, — злой, надменный, самлюбивый. Он окружил себя бездельниками, которые бичевали страну доносами и шпионством». Характеристика генерала Гасфорта несколько мягче: «Это наружно доброе существо после Горчакова — то же, что Федор после Ивана Грозного». Далее в статье описывается, как Гасфорта мучили успехи генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурского: при получении известия о присвоении Муравьеву графского достоинства он три дня не выходит из дома, ходит из угла в угол, бормоча вполголоса «граф Амурский».

Кто мог услышать слова, произнесенные вполголоса? Безусловно, человек из окружения генерал-губернатора. Кроме Валиханова, у него было почти немецкое окружение. Чокан принадлежал к свите Гасфорта, часто дежурил в доме генерал-губернатора, принимал посетителей и в дни дежурства обедал у него.

В статье «К характеристике Сибири» как итог суждений о немецких правителях Сибири: Гасфорте, Бэкмане, Дюгамеле — приводятся слова Мусы Чорманова о том, что он «впервые увидел умного немца только в Москве, в лице молодого человека, увлекавшего его приятным

разговором во время коронации Александра». Муса Чорманов — родной дядя Чокана Валиханова. Коли речь идет о факте пятилетней давности (коронация происходила в 1855 г.), приводимое острое слово Мусы могло сохраниться только через семейные предания, чем, по-видимому, и воспользовался Ч. Ч. Валиханов.

Теперь приведем примеры, свидетельствующие об идентичности мыслей и отдельных фраз в анализируемых статьях «Колокола» и в легальных статьях ученого. Для удобства сопоставления статьи «Колокола» назовем просто «Колоколом», а легальные произведения ученого — «Валихановым».

«Колокол»:

«Неужели двадцатилетнее иго генерал-губернатора Западной Сибири и их главных правителей не кончилось?»

Валиханов: «Скажите, ради бога, неужели этот господин... будет терзать степь?» «...Законы у нас на Руси пока еще пишутся не для генералов» «Дай бог, чтобы старый год пожрал, как сатурн, своих чад Дюгамеля и проч...»

«Колокол»: «В этом отдаленном крае гласность еще нужнее».

Валиханов: «а ты дай этому побольше гласности, расскажи всем нашим друзьям, пусть разойдется по городу».

В статье «Колокола» имеет место употребление тюркизмов «хан», «паша» для названия сибирских администраторов.

Интересно и то, что на страницах «Колокола» подняты те же вопросы, которые освещены в какой-то мере в легальных статьях Валиханова. Кое-какие его суждения, только намеченные, легко обозначенные, не договоренные по цензурным соображениям, в «Колоколе» более развернуты и доведены до ясности.

В «Записке о судебной реформе» Ч. Ч. Валиханов пишет: «Об административной реформе пока еще нет речи, и потому мы не будем затрагивать этот, по многим причинам, щекотливый для нас предмет. Административный вопрос для нас, казахов, имеет слишком большой интерес, чтоб говорить о нем вскользь». В «Колоколе»: «...Очень полезно было бы взамен двух существующих больших частей Сибири разделить ее на три. Иначе, нет возможности, например, Иртышскому генерал-губерна-

тору управлять с успехом страной, которая больше Европы или омским властям ведать Алтаем березовых остояков и дикокаменных киргизов. Вообще степи было бы полезно соединить под одно управление». Очень интересна мысль Валиханова о повсеместном осуществлении выборной системы должностных лиц: «Самый капитальный недостаток Оренбургского степного управления,— пишет Валиханов в статье о судебной реформе,— конечно, заключается в том, что ордынские чиновники назначаются там не по выборам народа, а по усмотрению пограничного начальства». Развивая эту мысль, «Колокол» настоятельно требует «выборных властей по всем судебным и хозяйственным управлениям, выборных не из дворян, а из той же массы податных свободных сословий, которые там обитают».

В статье Ч. Валиханова о судебной реформе и в «Колоколе» говорится о тягостности кибиточного сбора напротив «ясака», платимого по числу скота.

Несмотря на то, что прибавочный лист к первому десятилетию «Колокола» вышел 1 августа 1867 г., т. е. через два года после смерти Ч. Ч. Валиханова, чокановские мысли и здесь пробивают себе дорогу: «Колокол» бьет тревогу, спрашивая, чего должны ждать казахи от правительства? Будут ли заводиться школы, или станут хлопотать о мечетях? Станут ли утверждать адат, шариат или же введут нечто в роде гасфортовской религии — смеси ислама и протестанства... Останутся ли по-прежнему приказы... и канцелярии? «Колокол» утверждает, что канцелярии с продажным чиновничеством — язва степи — всегда будут ненавистны народу.

Ч. Ч. Валиханов свои демократические убеждения в высшем аристократическом кругу высказывал довольно резко и метко. «На майском параде,— пишет Г. Н. Потанин,— стоявший возле него какой-то молодой князь, которого толкнул какой-то серый кафтан, сказал: «Что это не почистят публику?» Чокан быстро заметил ему: «А вы читали, как Разин чистил публику?» Тогда только что вышла статья Костомарова. Сейчас известно нам, что имел в виду Валиханов под «чисткой Разина». В указанном труде Костомарова пишется, что Степан Разин заранее извещал, что «идет истребить бояр, дворян, приказных людей, искоренить всякое чиновничество и власть, установить по всей Руси так, чтоб всяк всякому был равен».

Когда Валиханов находился в отряде полковника Черняева, который в своем среднеазиатском походе, как писали на страницах «Колокола», не всегда руководствовался гуманными целями, Валиханов рьяно боролся за мирные переговоры с местными жителями. Офицеры штаба Черняева не соглашались на это. Известный художник, друг — некоторых декабристов, М. С. Знаменский оставил дневник об этом походе, к сожалению, частично уничтоженный. Даже небольшой отрывок из этого дневника дает нам представление о полемике Валиханова с окружением Черняева.

Когда кто-то сказал, что «хорошо было бы Байтыка и других подобных ему господ вместо всяких ухаживаний за ними, нагайками сечь и розгами драть следует», ответ Валиханова был следующий: «Разумеется, против этого взгляда на вещи спорить нельзя, он существует у многих еще, например, у плантаторов. Но я должен заметить, что у казахов телесного наказания не существует и не существовало» Вопрос об уничтожении телесных наказаний не раз поднимали русские революционные демократы. Н. Г. Чернышевский кулачное право, нашедшее себе «свободный доступ в Сенат», сравнивал с законом Линча плантаторов. «Русский солдат, русский мужик только тогда свободно вздохнет и разовьется во всю ширь своей силы, когда его перестанут бить», — писал А. И. Герцен, предлагал уничтожить это зло, как крепостное состояние.

Судьба казахской степи волновала лучшие умы России. Среди них был друг Чокана публицист Н. М. Ядринцев. Он писал, что «духовное развитие инородцев является «естественным человеческим их правом», «вопрос остро стоит о спасении многих инородческих рас». Среди многих публицистических работ Н. М. Ядринцева Владимир Ильич Ленин, видимо, имел в виду и вышеприведенные высказывания, когда он в 1918 г. сказал сыну Н. М. Ядринцева, работавшему в газете «Правда»: «Я высоко ценю деятельность вашего покойного отца и рад, что Вы работаете в нашей газете».³ Можно предполагать (и это требует более глубокого исследования), что Ч. Валиханову импонировали идеи о свободе, которые провозглашали его революционно настроенные друзья (как, например, Н. М. Ядринцев),

³ Цит. по: Советская печать, 1958, № 4. С. 6.

и, думается, глубоко выношенным является его мнение, что «истина, как бы она ни была светла, не может изгнать самых неверных заблуждений, когда она освещена временем»⁴, что для «правильного роста и развития народа прежде всего необходимы: свобода и знание»⁵. Мы разделяем мнение академика Н. Н. Федосеева, утверждающего, что «Валиханов был связан с революционно настроенной частью русской интеллигенции, хорошо знаком с «Современником» Чернышевского и «Колоколом» Герцена. Это оказало сильное влияние на развитие его материалистических взглядов и освободительных идей»⁶.

Многое еще в исследованиях, связанных с жизнью и деятельностью Ч. Ч. Валиханова, требует тщательного изучения. Но бесспорно, что это был человек, носивший в своем сердце тревогу за судьбу своего народа, искренне желавший ему счастья.

⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 5. С. 133.

⁵ Там же. Т. 1. С. 64.

⁶ Федосеев Н. Н. Навеки вместе. М., 1982. С. 9.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ О ЖАНРОВЫХ ФОРМАХ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

С. Н. НЕГИМОВ,

кандидат филологических наук

Выдающийся казахский ученый Чокан Валиханов одним из первых высказал мысль о необходимости использования памятников устного поэтического творчества в качестве источника изучения традиционного мировоззрения казахского народа. Эта мысль, продемонстрированная во многих публикациях ученого, получила свое более глубокое теоретическое и источниковедческое обоснование в работе «О формах казахской народной поэзии»¹. Небольшое по своему объему исследование примечательно еще и тем, что в нем ученый убедительно доказывает несостоятельность утвердившегося в официальной науке мнения: якобы казахская народная поэзия

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 196.

своей традиционно сложившейся жанровой структуры не имеет.

Детальное знание материала, опыт исследователя, умение четко улавливать ключевые моменты устной поэтической культуры казахов, тонкий художественный вкус — все это присуще небольшой по объему, но весьма содержательной работе о жанровых формах казахской народной поэзии. Главное ее достоинство — последовательный историзм, которым проникнуты и другие исследования ученого. Именно историческая и теоретическая основа придает работе логическую завершенность. Примечательно, что автор со свойственной ему методологической чуткостью впервые обратил внимание на историческую обусловленность жанрового, рифмического и содержательного оформления традиционного стихотворного наследия кочевников.

Правомерность этой мысли подтверждается результатами современного литературоведения. Известный исследователь казахского стихосложения академик З. Ахметов считает: «Жанровые формы в большей мере связаны с разным аспектом изображения, с характером жизненных ситуаций. Это — наряду со сказками и легендами, пословицами и загадками — героический и социально-бытовой эпос, поэтические состязания, а также различные лирические, бытовые и обрядовые песни...»² При этом, как это явствует из контекста работы Чокана Валиханова, развитие традиционной поэтической культуры казахов происходило по двум линиям: эволюция социального содержания, возникновение на определенном историческом этапе новых тем, образов, сюжетов, которым опосредствуется рождение в жанровом отношении более совершенных произведений; жанровое и идейно-художественное, содержательное развитие устного народного творчества базируется на принципе преемственности (преобразование и переосмысление произведений предыдущих этапов происходит под корректирующим воздействием социокультурной динамики).

Наиболее ранней, традиционно укоренившейся в кочевой среде жанровой формой стихотворчества казахов ученый по праву считает жыр (джир), типологическими образцами которого являются широко распространенные в народе многочисленные варианты эпических про-

² Ахметов З. Казахское стихосложение. Алма-Ата, 1964. С. 189.

изведений. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в лексической структуре эпических произведений XIV—XV вв., какими являются знаменитые «Едыге», «Урак-Мамай» и т. п., «нет ни одного персидского и арабского слова»³.

В силу исторических обстоятельств как объективного, так и конъюнктурного порядка *джир* еще в то время, когда Казахстан активно был включен в орбиту социально-экономического, политического и культурного влияния Российской империи, выходил из массового поэтического употребления. «Форма джиров, как и самый кобыз, осталась теперь только достоянием баксы,— писал в этой связи Чокан,— они только еще сохраняют эту форму стихов, употребляя ее при заклинании джинов». Речитативный характер, т. е. содержательно-текстуальная и песенно-музыкальная сопряженность исполнения джира, является одной из наиболее отличительных черт этой жанровой формы народного стихотворчества.

Следующие, этнографически более близкие две формы традиционной народной поэзии казахов,— *жоктау* (надгробная песнь) и *каим*, который существует в виде поэтических состязаний во время свадьбы и других культовых отправлений. Правда, ученый не идентифицирует типологические черты и особенности этих традиционных жанровых форм устного поэтического творчества. Зато в работе достаточно четко выявлены их наиболее характерные этнографические атрибуты, что само по себе имеет немаловажное значение в изучении этнической истории народа, в особенности традиционной фольклорной культуры казахов.

Удивительную тонкость Чокан проявляет и при характеристике другой жанровой формы казахской народной поэзии — *улена (олен)*, выдающимися сочинителями и исполнителями которого были в ту пору знаменитый Орынбай и слепой певец Шоже. «Форму улена певцы употребляют также для импровизации как самую удобную и к которой они теперь как бы более привыкли,— подчеркивает Чокан,— известная поэма Козы-Корпеш и Баян-Сулу пересказаны мне знаменитым Джанаком в форме улена». В качестве одной из главных черт рифмической структуры этого жанра ученый отмечает его

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 197.

силлабический характер: «Улен состоит из четырех стихов, два первые и четвертый суть силлабические, кончающиеся на одну рифму, третий не рифмуется».

При этом инструментальное исполнение олена, т. е. в сопровождении какого-либо инструмента, чаще всего домбры и кобызы, придает этому относительно новому жанру необычайный эстетический колорит и является наиболее широко распространенной формой передачи поэтического опыта народа.

Особую наблюдательность проявляет ученый и при изучении отдельных культурных лексем и социальных категорий, содержащихся в многочисленных образцах народной поэзии, что чрезвычайно важно в определении ее идейно-художественного содержания и социальной направленности.

Таково вкратце основное содержание этой, к сожалению, далеко не в полном виде дошедшей до нас работы. Даже из неполной характеристики явственно видны необычайная широта научных интересов Ч. Ч. Валиханова, его дарование исследователя.

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА КАК ЛИТЕРАТОРА И ПУБЛИЦИСТА

С. К. УТЕНИЯЗОВ

(Алма-Ата)

Известно, что литературные вкусы Чокана Валиханова определились довольно рано — с детства он был знаком с фольклором, а позже, обучаясь в Омском кадетском корпусе, много читал произведений русской и западноевропейской литературы.¹ Постоянно выписывал журнал «Современник». Валиханова привлекала научная литература, особенно по востоковедению.

Чтение обогатило духовный мир Чокана Валиханова, развило в нем способность к глубокому анализу, к критическому мышлению.

¹ Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана. М., 1956. С. 242.

Благоприятной средой оказалось и общество в Омске. Это был круг образованной, читающей публики. Чокан был принят в доме местных интеллигентов Капустиных². Вот что об этом периоде вспоминал Г. Н. Потанин: «В гостиной Екатерины Ивановны собирався цвет Омской интеллигенции: молодые офицеры Генерального штаба, чиновники Главного управления, окончившие высшую школу, друзья сына Капустина Семена Яковлевича, и художники как например офицер Генерального штаба — Померанцев, политический ссыльный, петрашевец Дуров. Если через город Омск проезжал какой-нибудь ученый путешественник или профессор, как например П. П. Семенов, он непременно попадал в гостиную Екатерины Ивановны. Словом, здесь собиравлось замечательное, образованное и либеральное общество. Здесь читали и поклонялись Чарльзу Диккенсу, с жадностью глотали переводы из Гейне и декламировали его стихотворения. У журнала «Современник» было обыкновение в январской книжке на обложке печатать о литературных новинках, которые будут помещены в грядущем году, и сердца в доме Капустиных замирали от ожидания и вопроса, что-то расскажет в своей новой повести Тургенев? Этот дом имел большое влияние на образование общественного мнения в Омске. Я не был приглашен к Капустиным, но все-таки дыхание их дома чувствовал на себе, тем более что между ним и мной связующим звеном являлся Чокан, который поочередно обедал то у Капустиных, то у Гутковского»³.

Многие стихи Пушкина и Лермонтова Чокан знал наизусть. Об этом свидетельствуют цитаты в его научных трудах и путевых записках. Например, отрывок из поэмы «Демон» Лермонтова: (Столпообразные раины, Звонко-бегущие ручьи...) Чокан цитирует в работе «Западный край Китайской империи и город Кульджа»⁴. В 1856 г. Ф. М. Достоевский в своем письме советует Чокану, чтобы он написал статью о степи и о степном быте. «...Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а вы, конечно, знали бы, что

² Потанин Г. Н. Биографические сведения о Ч. Валиханове // Записки ИРГО. Спб., 1904. Т. 29. С. 18.

³ Потанин Г. Н. Омский кружок и новые веяния // Сибирская жизнь. 1913. № 62.

⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 2. С. 12.

писать (например, вроде Джона Теннера в переводе Пушкина, если помните)»⁵.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский, человек поэтической души, следил за успехами русской и западноевропейской литературы, знакомил Чокана с новостями и всякими течениями литературы. Он был сторонником Белинского, дружил с петрашевцами, ссыльным Дуровым и др. С первых дней знакомства между Семеновым и Валихановым завязалась дружба. Общими были и научные, и литературные интересы. По мнению крупнейшего исследователя М. И. Фетисова, «сближало их именно то, что оба они преклонялись перед авторитетом Белинского, оба прошли гуманную школу русской литературы. Их роднила любовь к родной стране, жажда ее социального прогресса, новаторские дерзания в ее познании»⁶.

Чокан охотно изучал труды Семенова, в своих научных статьях часто на него ссылался. Он всегда восхищался живописным и богатым языком своего учителя.

Чокан Валиханов во многих своих работах выступает как публицист, затрагивая злободневные вопросы жизни Казахской степи. Публицистична, например, его работа «О формах казахской народной поэзии», многие путевые записки и дневники. Как автор Ч. Валиханов наблюдателен, эрудирован. Его дневники, в частности, по стилю изложения приближаются к художественному очерку.

Демократически настроенные офицеры генерального штаба, военные писатели (Д. И. Романовский, А. И. Макшеев, А. К. Гейнс, Н. Г. Залесов и др.) оказывали внимание Чокану. Об этом пишет А. Х. Маргулан следующее: «Д. И. Романовский был близким другом Чокана в Петербурге, вместе они работали в ученом комитете генерального штаба и вместе разрабатывали некоторые вопросы истории Средней Азии...»⁷ Д. И. Романовский, как известно, занимал должность редактора газеты «Русский инвалид», в которой и опубликовал многие статьи Ч. Валиханова.

По свидетельству Г. Н. Потанина, Чокан с малых лет мечтал быть полезным и сделать много для будущего своего народа: например, написать историю казахского

⁵ Письмо Ф. М. Достоевского Ч. Валиханову // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 89—90.

⁶ Фетисов М. И. Литературные связи... С. 324.

⁷ Маргулан А. Х. Ч. Валиханов по отзывам русских и западноевропейских ученых // Вестник АН КазССР. 1966. № 10.

народа и народов Средней Азии, составить сборник сказок и песен, составить собрание народных обычаев или описать быт казахов. «Все-таки частные задачи не могли удовлетворить такую натуру, как Чокан. Настоящее признание его было сделаться казахским публицистом или литератором, пишущим для казахских читателей, а жизнь хотела из него сделать ученого-ориенталиста или русского литератора, пишущего о казахах»⁸.

Казахский ученый в своем письме к А. Н. Майкову от 6 декабря 1862 г. сообщает о желании работать корреспондентом газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и напечатать казахские сказки и свои исследования⁹. Его переписка с крупнейшим литератором и поэтом А. Н. Майковым позволяет уточнить содержание и характер, вообще уровень научно-литературной деятельности Ч. Валиханова. Например, вот что ему из Петербурга А. Н. Майков отвечает (10 февраля 1863 г.): «...Если б Вы, любезнейший друг, знали, какую радость доставили Вы мне, когда, вынудив из конверта иероглифическую рукопись, я узнал, что это от Вас письмо.— Вы бы, верно, писали мне и больше и чаще. Мы немного провели времени вместе, но я так полюбил Вас... У меня в семействе вспоминают Вас часто, не только жена, но и дети. Из всего этого Вы видите, конечно, что об Вас у нас только одна фраза: что он там у себя делает? и отчего бы ему не основаться в Петербурге... ведь Вы, собственно говоря, ученый, не знаю, что Вы можете сделать у себя, но для себя и для Европы несказанно много! а уж об России и говорить нечего!...»

Далее он просит Чокана сообщить свое мнение о его поэме «Три смерти» после того, как опубликует ее. И отвечает на просьбу Чокана: «...Вы поручаете мне хлопоты о Ваших трудах. 1. Корш просит сказать, что с распростертыми объятиями встретит все, что Вы доставите; 2. О сказках редакторы предлагают вопрос — в каком у Вас виде? в виде обработанных статей или *in cudio*. Во всяком случае присылайте мне все, что у Вас есть, и уж будьте уверены, я буду хлопотать как о своих собственных вещах»¹⁰. (Здесь Корш Валентин Федорович (1828—1893)— редактор газеты «Санкт-Пе-

⁸ Потанин Г. Н. Биографические сведения... С. 34.

⁹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 65—68.

¹⁰ Письмо А. Н. Майкова к Ч. Валиханову // Ежегодник рукописного отдела пушкинского дома. 1975. С. 115—118.

тербургские ведомости», либеральный журналист, лично знал Ч. Валиханова и относился к нему доброжелательно).

По определению Г. Н. Потанина, «если б Чокан имел в казахском народе читающую среду, он мог бы стать гением своего народа и положить начало литературному возрождению своих единоплеменников»¹¹.

Мечта Г. Н. Потанина и самого Чокана исполнилась только после победы Великой Октябрьской Социалистической революции. Труды первого казахского ученого вошли в золотой фонд отечественной науки.

РИСУНКИ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

М. Г. ГАБИТОВА
(Алма-Ата)

Чокан Чингисович Валиханов, первый казахский просветитель, ученый и путешественник XIX в., является и первым казахским художником-рисовальщиком, создавшим многочисленные реалистические рисунки. Оценивая художественное наследие Чокана Валиханова, необходимо иметь в виду, что он был прежде всего ученым-исследователем. Занятия изобразительным искусством были лишь одной из сторон разнообразной деятельности Валиханова, подчиненной главному — его научным интересам.

В Чокане Валиханове счастливо сочетались качества талантливого ученого и одаренного художника. Такое совмещение накладывало определенный отпечаток на художественное творчество Ч. Валиханова, обуславливая некоторые его своеобразные черты.

Большая часть произведений Валиханова была исполнена им во время путешествий. Это — точные, меткие по наблюдательности зарисовки всего наиболее примечательного и значительного, что привлекало его внимание прежде всего как этнографа и историка. Поэтому стремление к достоверности, предельной точности и правдивости составляет одну из самых характерных черт.

¹¹ Потанин Г. Н. Биографические сведения... С. 34.

Его рисунки имеют большую познавательную ценность для истории и этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Графические работы Ч. Валиханова исполнены с вдохновением, в них чувствуется глубокое знание жизни, ярко выражены демократические симпатии художника. Лучшие рисунки Ч. Валиханова являются подлинными произведениями реалистического искусства.

Любовь к изобразительному искусству у Чокана появилась рано, и этому в большой мере способствовали приезжавшие в аул отца топографы и художники. Лучший друг Валиханова Г. Н. Потанин вспоминал, что уже при поступлении в Омский кадетский корпус Чокан «любил рисовать карандашом. Дабшинский показывал картинку, нарисованную Чоканом уже в Омске; русский город поразил мальчика и он изобразил карандашом один из городских видов»¹.

В кадетском корпусе, много и упорно занимаясь языками, историей, литературой, географией, Чокан не оставлял и рисование.

Художественная одаренность Ч. Валиханова, его склонность к изобразительному искусству получили в Омске плодотворную почву для развития. В этом отношении ему во многом помог учитель рисования Померанцев. Чокан часто бывал на квартире учителя, которая, по словам Г. Н. Потанина, «была настоящей мастерской художника, да и сам хозяин был художественная симпатичная натура»². Несомненно, что Померанцев оказал большое влияние на художественное развитие Чокана.

Обычно летние каникулы Валиханов проводил в ауле отца. Сохранились ранние рисунки Валиханова, датированные им самим 1850-ым годом, которые, по-видимому, и сделаны им в летний период.

«Пейзаж с верстовым столбом». На нем изображена степь с растущими кое-где чахлыми деревьями и раскинувшимися у дороги палатками военного лагеря. Вдали, у горизонта, виднеются тесно стоящие домики небольшого поселка. Лошадь, запряженная в телегу, стоит у дерева, понуро опустив голову. Полосатый верстовой столб, четко выделяясь на фоне неба, еще резче подчеркивает унылое однообразие выжженной солнцем бескрайней степи. Немногими смелыми параллельно поло-

¹ Валиханов Ч. Сочинения. Спб., 1904. С. 4.

² Там же. С. 12—13.

женными штрихами художник дает почувствовать глубину степного пространства. С большой точностью найдено соотношение: широко расстилающаяся степь и высокий купол неба. Большая наблюдательность чувствуется в этом беглом наброске, в котором Валиханов верно сумел передать своеобразие казахского степного пейзажа.

В другом наброске «Срымбет» Чокан изобразил усадьбу своей бабушки Айганым. Избрав высокую и отдаленную позиции, художник сумел в своей зарисовке показать большое пространство. Он изобразил не только усадьбу, раскинувшуюся у подножия горы, но и степь, уходящую вдаль. Общий вид местности дан беглыми карандашными линиями, более тщательно прорисованы строения деревянных домов, мечети, юрт. Пейзаж оживлен фигурами людей, занятых своими повседневными делами. В целом набросок, несмотря на свою беглость, дает живое представление о тех местах, куда Чокан часто приезжал на отдых.

В 1856 г. Валиханов отправился в первое свое путешествие вместе с экспедицией Хоментовского. Целью была съемка земель в окрестностях оз. Иссык-Куль. На протяжении пути экспедиции Валиханов делал зарисовки, которые свидетельствуют о широте и разнообразии его научных интересов. Исполненные во время путешествий, в трудных дорожных условиях, эти рисунки, часто беглые и незаконченные, обладают ценнейшим качеством — достоверностью.

Они прекрасно иллюстрируют дневники путешествий молодого ученого. Например, проезжая через Аягуз, он записал в дневнике: «Я очень люблю и восхищаюсь Аягузом, может быть, поэтическая легенда о любви прекрасной Баян к золотоволосому Козы-Корпешу, действие которой происходило на этой реке, есть немаловажная к тому причина... Мы хорошо изучили эту поэму и потому хотим непременно осмотреть и их могилу»³. Здесь же Валиханов зарисовал и «Каменные изваяния», сделанные неизвестным народным мастером, которые, по-видимому, изображают героев широко распространенной в казахском народе поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». Легкий контурный рисунок выразительно передает монументальные, изваянные из камня фигуры, в грубоватые формы которых народный ваятель вложил

³ Архив АН СССР. Ф. 23. Оп. 1. № 2. С. 4..

большое теплое чувство. Рисунок Валиханова точно передает и следы повреждений на этих статуях (трещины, изъязны).

Стремление Валиханова передать в рисунках описание отдельных местностей, лежащих на пути экспедиции, связано с его интересами как путешественника. Подъезжая к Аксу, он записал в дневнике: «С Аксу мы увидели снежные верхи Алатауских гор. Дальняя синева этих гор пестрела высоко, соединяясь с облаками. Местами верхи выходили из-за туч — выходящее солнце разливало на них багрово-блестящий свет. Красота удивительная!»⁴. Иллюстрацией к записи может служить акварельный рисунок «*Вершины Алатауских гор*», на котором изображены тающая в дымке дальняя цепь гор и резко очерченные величественные хребты на переднем плане. Благодаря умелому композиционному и цветовому решению, художник сумел передать в рисунке прозрачность воздуха, столь характерную для горного пейзажа.

Стремясь всесторонне познакомиться с изучаемой им страной, Валиханов, в частности, проявлял большой интерес к животному миру. Им сделан прекрасный рисунок карандашом «*Семейство джейранов*». С большой теплотой и трогательностью изобразил художник спокойно отдыхающего детеныша. Возле него стоит грациозная, с маленькой красивой головкой и тонкими стройными ножками, самка. Она оберегает покой детеныша, поэтому вся ее фигурка выражает пугливую настороженность. Фигуры обоих животных выполнены мягкой, легкой светотенью. Анималистический рисунок свидетельствует о большой чуткости Валиханова к передаче характера животных, их повадок.

Большой интерес и ценность представляют исполненные Ч. Валихановым в Джунгарии портреты представителей киргизской феодальной знати. Так, например, в «*Портрете Сартая*» он изобразил киргиза средних лет в полосатой широкой шубе и узорчатой тюбетейке. Его лицо с крупными массивными чертами, резкими морщинами на лбу и щеках выражает твердость, энергию характера. И в испытующем взгляде умных зорких глаз и в настороженной позе чувствуются внутреннее напря-

⁴ Там же. С. 9—10.

жение и сила. Сартай видится человеком деятельным, привыкшим повелевать и властвовать.

Валиханов побывал в ауле первого, по его словам, киргизского богача, верховного манаса рода бугу — Буранбая. Он оставил описание племени бугу и нарисовал портрет самого Буранбая. На этом портрете Буранбай предстает человеком спокойным, благообразным. Однако сквозь кажущееся добродушие и мягкость проступают черты хитрого и умного человека, знающего себе цену. Это чувствуется по выражению сощуренных глаз и по плотно сжатым тонким губам. В портретах Валиханов проявил себя художником, умеющим постичь внутренний мир человека во всей его сложности и противоречивости.

В том же 1856 г. Валиханов был командирован в Кульджу как официальный представитель русского правительства по торговым делам. Здесь сделано несколько зарисовок, в том числе *«Аудиенция у китайского сановника»*, в которой изображены за большим овальным столом китайские и русские представители, по-видимому, обсуждающие какой-то договор. Возможно, что в одном из сидящих офицеров Валиханов изобразил и себя.

Ко времени пребывания Ч. Валиханова в Кульдже относится также рисунок *«Курильщики опиума»*. Как и в других своих зарисовках жанровых сцен, Ч. Валиханов в этом рисунке едва наметил окружающую персонажей обстановку. Однако само расположение фигур, их позы, жесты полны необычайной живости, что и придает всей композиции большую естественность и убедительность. Рисунок исполнен легким штрихом.

Чокан Валиханов, по словам П. П. Семенова-Тян-Шанского, был прекрасным знатоком казахского быта, обычаев и культуры, теплая дружба связывала его с простым казахским народом. В одном из писем к А. Майкову от 6 декабря 1862 г. он писал: «С пролетариатом степным я в большой дружбе и скоро сходимся». О глубоком знании казахской народной жизни, о зоркой наблюдательности Ч. Валиханова свидетельствует исполненный им рисунок *«Казахи Большой орды»*. Поставив задачей показать разнообразие типов казахов, Валиханов нарисовал их в естественной, непринужденной для них обстановке: спокойно сидят аксакалы, юноша разливает кумыс в пиалы, мальчики в остроко-

нечных шапках присели с краю группы. Рисунок отличается лаконичностью изобразительных средств, легкими контурными линиями выразительно передан замысел. Чокан просто и убедительно скомпоновал всю группу, запечатлел подмеченные позы, жесты и связал фигуры переднего и заднего плана. Поэтому вся изображенная сцена отличается большой жизненной убедительностью и конкретностью.

В некоторых жанровых зарисовках художник изображает жизнь казахских женщин. Так, например, в рисунке *«Казашки в юрте»* он показал женщин, занимающихся обычной для них работой: шитьем, пряжей.

В шестидесятые годы Валихановым была исполнена целая серия рисуночных портретов. В одном из них Валиханов изобразил своего большого друга Г. Н. Потанина. Легкий контурный рисунок передает умное, энергичное лицо этого выдающегося русского путешественника и этнографа, человека с пытливыми, смело смотрящими глазами. Портрет выполнен с удивительной теплотой и симпатией. Простыми приемами изображения достигнуто убедительное портретное сходство, верно раскрыт характер человека.

К числу наиболее значительных работ Ч. Валиханова принадлежит рисуночный портрет одного из его родственников. На листе в фас изображена полуфигура мужчины средних лет в черной верхней одежде, из-под которой виднеется клетчатый халат и белая с отложным воротничком рубашка. В его скромном облике, в сосредоточенном лице с высоким лбом, в задумчивых глазах угадывается человек интеллигентный, вдумчивый.

Значение художественного наследия Чокана Валиханова в истории культуры Казахстана особенно велико потому, что Ч. Валиханов исполнял свои рисунки в то время, когда в творчестве казахского народа преобладало орнаментально-декоративное искусство. Его рисунки — первая, по сути дела, страница в истории станковой реалистической живописи казахов.

БИОГРАФЫ О ЧОКАНЕ ВАЛИХАНОВЕ

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ,

кандидат исторических наук (Ленинград)

Общеизвестны тесные связи Чокана Валиханова с представителями петербургского востоковедения, прежде всего это близкое знакомство с выдающимся историком Востока Василием Васильевичем Григорьевым, который хорошо знал положение дел в Казахской степи и немало способствовал вступлению в общественную жизнь казахского просветителя Ибрая Алтынсарина. Через 12 лет после встреч с Чоканом В. В. Григорьев завершит историко-географический труд о Восточном Туркестане, не утративший значения и по сей день. Весь раздел, посвященный Кашгарию середины XIX в., написан В. В. Григорьевым главным образом на основании отчета и, надо думать, устных сообщений Чокана Валиханова. А через 44 года после поездки Чокана Валиханова в Петербург ближайший ученик В. В. Григорьева, востоковед Николай Иванович Веселовский станет не только биографом Чокана, но и первым издателем собрания его сочинений (Петербург, 1904).

Именно здесь пришла к Чокану слава выдающегося ученого, впервые осветившего как бы изнутри духовную жизнь казахов, киргизов и уйгуров, их повседневный быт и нелегкие исторические судьбы. В ленинградских архивах Географического общества хранится значительная часть научного наследия Ч. Валиханова. В Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР находятся персидские и тюркские рукописи, вывезенные Чоканом из Кашгара.

Те связи между востоковедами Ленинграда и Казахстана, начало которым положил Чокан, в послереволюционные годы стали нормой научной жизни. Теперешнее поколение казахстанских историков-востоковедов, тюркологов в своей исследовательской работе не порывает с традициями, сложившимися более ста лет назад.

Личность Чокана столь незаурядна, что побуждало

многих самых выдающихся деятелей русской культуры и науки говорить о нем с неподдельным восхищением, в немалой степени граничившим с самым искренним изумлением — ведь Чокан своим существованием, своим обликом, своей талантливостью и остроумием, образованностью, многогранностью интересов и возможностей очевидным образом опровергал бытовавшие тогда наивные стереотипы восприятия «диких детей степи».

Прежде всего Чокана выделяло мужество, именно мужество, а не лихая храбрость кавалерийского офицера, сознательное и осознанное мужество в самых острых жизненных ситуациях. А таких ситуаций во время кашгарского путешествия у Чокана было более чем достаточно. Само решение — проникнуть в Кашгар, в смутный Кашгар 50-х гг. прошлого века, где как раз тогда бесследно исчез (Чокан узнал: был зарезан) немецкий путешественник Адольф Шлагинтвейт, откуда приходили вести одна тревожнее другой — требовало от путешественника незаурядного мужества. Недаром при подготовке экспедиции Чокана планировался и второй вариант, предусматривавший сбор сведений о Кашгарии без проникновения туда. Действительность оправдала опасения — Чокан не раз был на краю гибели, и понадобилась вся сила его характера, чтобы выдержать тяжчайшие испытания, не сломаться, не выдать себя.

Другое присущее Чокану качество, которого, казалось бы, трудно было ожидать в этом блестящем и весьма светском офицере, — высокая целеустремленность во всем, что касалось дела его жизни — открытия для науки малоизвестного мира Внутренней Азии. С редким упорством, не щадя себя (а Чокан знал о своем страшном недуге — чахотке), Ч. Валиханов изо дня в день собирает и фиксирует материал, ставший подлинным научным открытием, готовит этот материал для будущих публикаций. И все это в самых экстремальных условиях, не делая никаких скидок на то, что называют объективными обстоятельствами.

С целеустремленностью связаны и другие особенности характера Чокана — требовательность к себе, серьезное, ответственнейшее отношение к порученному делу. Характерный эпизод. Вернувшись из путешествия в Кашгар и едва оправившись от изнурительных лишений, едва ослабив постоянное психологическое напряжение, Чокан вовсе и не помышлял, несмотря на понуждения

начальства, сразу же мчатся в Петербург, где его ждали слава и заслуженные награды. Более чем на полгода Чокан задерживается в Омске. Почему? Тому были две причины. Первая и главная — иметь возможность сосредоточиться на письменном изложении, подробнейшем и продуманном, результатов своего путешествия в Кашгар. Он написал не официальный отчет для начальства, не канцелярскую бумагу, а дал подлинно научное историко-географическое описание края, это был вдохновенно изложенный, почти публицистичный рассказ о политической ситуации в стране, подробный анализ экономики Джунгарии и детальная характеристика караванных маршрутов. Пока вся работа не была закончена полностью, Чокан и не помышлял об ожидающем его успехе, работа была для него бесконечно важнее «карьерных» соображений.

И другое обстоятельство — Чокан знал взрывоопасную силу собранной им информации. За двадцать лет до него, при таинственных обстоятельствах в Петербурге погиб вернувшийся из Афганистана Виткевич, а его дневник исчез. За восемнадцать лет до путешествия Чокана был убит один из исследователей Семиречья Иван Кириллов, а материалы руководителя этой экспедиции Г. Карелина были украдены. Поэтому отчет Валиханова был переписан еще раз, а второй экземпляр отправлен в Петербург с фельдъегерем. Были приняты все меры, чтобы предохранить отчет от возможных случайностей.

Подчеркнем продуманность и предусмотрительность в действиях Чокана, когда это касалось дела, ведь в литературе о нем существовала тенденция, в которой отчасти повинен и сам Чокан, — изображать его хотя и талантливым, но не собранным человеком. Ничего подобного в его служебных делах, в его научном творчестве заметить нельзя. Предельная ответственность и требовательность к себе были характерными чертами этого, в общем-то, очень молодого человека.

Мужество, целеустремленность, высочайшая ответственность за порученное дело — эти черты не являются, конечно, монополией какой-либо одной социальной группы или какой-либо одной нации. Но они в высокой степени присущи лучшим представителям казахского народа. А Чокан Валиханов был одним из самых достойных сынов своего народа.

О ЧЕМ СООБЩАЮТ ЗАМЕТКИ И СТАТЬИ БИБЛИОФИЛОВ

В. С. ПОЗНАНСКИЙ,

доктор исторических наук (Новосибирск)

Явно преждевременный уход из жизни 30-летнего Чокана Валиханова поверг в глубокую печаль передовых людей России и в первую очередь тех, кто вместе с ним раздвигал горизонты науки. Отклики же на эту весть (когда коллеги попытались обобщить, что успел сделать за свой короткий век ученый) помогли увековечению памяти Ч. Валиханова и послужили основанием для поиска материалов его научного наследия, а затем и публикации его произведений.

Как известно, впервые издание Сочинений Чокана Валиханова было осуществлено в 1904 г. в виде отдельного (29-го) тома «Записок Русского географического общества» под редакцией Н. И. Веселовского. Мы с благодарностью вспоминаем и Веселовского, и всех тех, кто внес свой вклад в сохранение не только для современников, но и на все времена всего, что связано с жизнью и деятельностью выдающегося казахского ученого.

Первый некролог написал П. П. Семенов-Тянь-Шанский в 1865 г. Он начинался словами: «В минувшем году смерть похитила еще в цвете лет нашего сочлена Чокана Чингисовича Валиханова». Как отмечал А. Н. Пыпин, в дальнейшем биографы Валиханова составляли его жизнеописания «на основании сообщений П. П. Семенова». Это, однако, не говорит о том, что не были оригинальными, привносящими много нового, сравнительно с названным материалом, другие сообщения. Обилием фактов, рассуждений отличалась статья, вышедшая в далеком Иркутске в газете «Сибирский Вестник» 17 февраля 1866 г. «Чокан Чингисович Валиханов». Автор — брошенный в тюремный застенки демократ и ученый Н. М. Ядринцев, который от имени болеющих душой за судьбы Сибири, к которой он, Г. Н. Потанин и другие относили и Казахстан, писал: «Прошлой осенью в Запильском крае умер киргизский султан Ч. Ч. Валиханов, известный своими смелыми путешествиями в Кашгар, город Западного Китая. Наука обязана ему единственными географическими сведениями об этой части Сред-

ней Азии... Это был киргизский Доржи Банзаров. В особенности он много обещал сделать по истории своего народа, который он любил. Им очень много было собрано материалов по киргизской мифологии и устной поэзии, а также исторических преданий о прошедших временах...»

Газетные статьи и заметки брались на учет библиофилами. Благодаря им материалы собирались вместе, становились достоянием ученых историков тех времен и дошли до наших дней. Так, переписавший статью Ядринцева Константин Павлович Альбицкий сделал выписку со страницы 544-й мало кому теперь известного Русского энциклопедического словаря И. Н. Березина, издания 1873—1876 гг.: «Валиханов Чокан Чингисович, ориенталист, родом из киргизских султанов, находился в военной службе, путешествовал по Средней Азии (в Кашгар) в очень опасное время, вывез много интересных сведений, которые обнародовал в «Записках Географического общества» (Очерки Джунгарии, 1861 г.). Умер в молодых летах от чахотки»¹. После уточнений и дополнений эта справка попала потом в известный энциклопедический словарь «Гранат».

Библиофил Петр Александрович Ефремов собирал газетные заметки о видных деятелях культуры в России. Вырезки комплектовались по алфавиту. В папке на букву «В» за 1865—1894 гг. имеется следующая заметка — вырезка из газеты, название которой пока не удалось установить, но с датой «25 февраля 1885 г.», и с указанием «№ 3232»: «По словам «Восточного Обозрения», известному путешественнику в Кашгар киргизскому тюре Чокану Валиханову будет поставлен на могиле его, близ ст. Куянкузской (между Копалом и Верным), памятник в виде мраморной плиты. Надписи сделаны по-русски и по-киргизски: 1) Здесь покоится прах штаб-ротмистра Чокана Чингисовича Валиханова, скончавшегося в 1865 году; 2) По желанию Туркестанского генерал-губернатора, генерал-адъютанта фон-Кауфмана, во внимание ученых заслуг Валиханова положен сей памятник генерал-лейтенантом Колпаковским в 1880 году. Памятник этот будет скоро доставлен на место погребения Валиханова. Покойный был выдаю-

¹ ЦГАЛИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

щейся личностью по талантам и образованию среди киргизов»².

Речь идет в приведенном документе об известном в те годы факте: генерал-губернатор К. П. Кауфман в 1871 г. проездом свернул от почтовой станции Алтын-Эмель к могиле Чокана Валиханова и там обещал за свой счет сделать памятник. Чтобы не ронять престиж своего предшественника, занялся этим вопросом генерал Колпаковский. Поехавший летом 1898 г. к месту захоронения выдающегося ученого ориенталист Н. Н. Пантусов в следующем, 1899 г., в Ташкенте опубликовал статью «Могила Чокана Валиханова». Наряду с описанием археологических и этнографических исследований, которые Пантусов проводил в Казахстане и Средней Азии, эта статья была положительно встречена учеными-востоковедами. Здесь же следует отметить, что текст надписей на памятнике Чокану Валиханову, которые зафиксировал ученый, слово в слово совпали со сказанным в газетной заметке 1885 г.

Есть основание предполагать, что данные библиофилов использовал при подготовке статьи о Чокане Валиханове в 5-й том (книга 9-я) Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, вышедшего в 1891 г., известный ученый Г. Грум-Гржимайло.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ В ПЕТЕРБУРГЕ

*А. Р. САТАЕВ,
писатель (Алма-Ата)*

Передовая Россия в лице Чокана Валиханова увидела интересное явление в истории востоковедения и ориенталистики. Особенно был удивлен Петербург: и сановный, и чиновный, и вельможный аплодировал молодому казахскому султану с экзотической степи. Демократичный Петербург, Петербург Чернышевского и Добролюбова, в лице Чокана Валиханова увидел и своего единомышленника.

Чокан приехал в Петербург в начале марта 1860 г.

² ЦГАЛИ. Ф. 191. Оп. 2. Д. 129. Л. 24.

Он остановился в гостинице Демута, в квартире № 1. Известная с начала XIX в. эта гостиница находилась на Набережной Мойки. Здесь в 1811, 1827—1831 гг. жил А. С. Пушкин; здесь же проживали родители и знакомые великого поэта. О том, что Чокан жил в гостинице Демута, узнаем из письма канцелярии Министерства иностранных дел доктору Лилиенбергу: «Милостивый государь Иван Иванович! Приехавший в С.-Петербург по делам службы поручик Валиханов, состоящий при генерал-губернаторе Западной Сибири, нуждается в медицинском пособии, а так как он не имеет здесь знакомых, то я поручаю его Вашему особенному попечению. Поручик Валиханов лично известен господину министру иностранных дел как полезный по службе офицер, и Иван Матвеевич особенно поручает его Вам.

Поручик Валиханов остановился в гостинице Демута, № 1 14 марта 1860 г., № 981».

Для биографии Чокана Валиханова в этой записочке ценны сведения: «Он лично знаком господину министру иностранных дел» (министром иностранных дел России в это время был А. М. Горчаков), «и Иван Матвеевич особенно поручает его Вам» (при исследовании Иваном Матвеевичем оказался товарищ, т. е. по современному, заместитель министра иностранных дел России граф И. М. Толстой).

За 120 лет здание гостиницы претерпело неоднократные реконструкции, реставрации, перестройки. До Октябрьской революции здесь размещалась гостиница «Медведь». Во времена Чокана Валиханова это был трехэтажный дом, только к концу прошлого века начались достройки и возведение еще двух этажей.

В рассказе «Станционный смотритель» А. С. Пушкин ротмистра Минского, который похищает у смотрителя дочь Дуню, помещает в Демутовском трактире. Так что пушкинское описание demuтового жителя поможет представить обстановку жизни в этой гостинице.

С Набережной Мойки связано одно из интересных событий в жизни Чокана Валиханова. Дом А. С. Пушкина на Мойке, 12, тоже имеет прямое отношение к пребыванию Чокана Валиханова в Петербурге.

Действительно, в извещении Русского географического общества от 4 мая 1860 г. написано, что члены императорского Русского географического общества «приглашаются в обыкновенное собрание общества,

имеющее быть сегодня, в среду 4 мая, в 7 1/2 часа пополудни в квартире общества, близ Пневческого моста, в доме Утина, бывшем Пушиных. В этом собрании действительный член Валиханов сообщает и свои заметки о путешествии в Малую Бухарию. Кроме того, почетный член общества К. М. Бэр, председательствующий в отделении этнографии, сообщит некоторые сведения по поводу вопроса о древнейших обитателях Европы».

Прежде всего, несколько слов о том, кто такой Карл Бэр, который, по сообщению «Русского инвалида», 4 мая 1860 г. вместе с Чоканом делал доклад о древнейших обитателях Европы.

Карл Бэр — академик, естествоиспытатель. Путешествовал по Кавказу, астраханским степям и Каспийскому морю, проводил исследования на полуострове Бузачи, был в форте Новопетровском. Авторитетному ученому с мировым именем исполнилось 68 лет, когда он выступал на заседании Русского географического общества вместе с Чоканом Валихановым. Суровый и педантичный ученый благожелательно отнесся к молодому казахскому ученому. Карл Бэр познакомил Чокана со старшим хранителем Эрмитажа, членом археологической комиссии, библиотекарем I отделения Библиотеки Петербургской Академии Аристом Аристовичем Куником, известным зоологом, географом и этнографом Леопольдом Ивановичем Шренком и многими другими.

По приглашению председателя отделения этнографии Русского географического общества Карла Бэра Чокан Валиханов 16 марта 1861 г. выступил с интересным сообщением о словесности кочевых народов. Чокан обратил внимание ученых на необходимость изучения древней словесности кочевых народов, обитающих в России. Он приводил примеры тесной связи казахского и русского языков, их взаимного влияния и обогащения. На этом заседании ученые Петербурга во главе с академиком Карлом Бэром благодарили Чокана Валиханова за интересное сообщение и предложили ему написать статью для сборника Географического общества.

На Набережной Мойки есть еще одно место, связанное с именем Чокана Валиханова.

Во второй половине XIX в. в Петербурге очень популярными были вечера и концерты с участием артистов и писателей, устраиваемые Литературным фондом, или «Обществом для пособия нуждающимся литераторам и

ученым», созданным в 1859 г. по инициативе Н. Г. Чернышевского и других деятелей журнала «Современник». В 1860 г. председателем Общества был известный ученый, географ, хорошо знавший Чокана — Егор Петрович Ковалевский. Да и петербургские друзья казахского ученого (А. Майков, В. Курочкин, братья Достоевские), видимо, рекомендовали в члены литфонда Чокана Валиханова. Огромный интерес представляет письмо Председателя общества помощи нуждающимся литераторам и ученым Ч. Ч. Валиханову от 2 ноября 1860 г. В нем говорится, что «в собрании общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, бывшем 30 числа октября, по предложению комитета общества, избраны Вы, милостивый государь, членом одного. Имея честь Вас о том уведомить, покорнейше прошу определить количество жертвуемых денег, а также по взносу оных получить от казначая Общества надлежащую квитанцию.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении, и таковой же преданности. Е. Ковалевский».

В архивных документах имеются квитанции об уплате взносов Ч. Валихановым в кассу этого Общества. Одна из квитанций датирована «апрель 4 дня, 1861 г.»

Литературный фонд устраивал вечера и спектакли в пользу нуждающихся студентов, литераторов, в пользу воскресных и вечерних школ, иногда собирал средства и для сосланных революционеров. Литературные вечера и спектакли устраивались в зале «Пассажа», а также в зале домовладелицы М. Ф. Руадзе на Набережной Мойки, вблизи Полицейского моста (ныне дом № 61).

Нет сомнения, на вечерах и спектаклях, устраиваемых в этих залах, по приглашению своих товарищей часто бывал и Чокан. Сегодня в этом доме № 61 размещен главный корпус Ленинградского электротехнического института связи имени профессора М. А. Бонч-Бруевича.

Чокан часто бывал в доме по улице Гороховой (нынешняя улица Дзержинского, 18), где размещалось училище глухонемых. Угол этого здания выходил на Набережную Мойки, значит, дом был по соседству с гостиницей Демута, где остановился казахский ученый.

Еще в 1855 г. отец Чокана Чингис привез в Петербург своего сына Абулмакыжана для определения его в

училище глухонемых. И вот почти через пять лет братья встретились в Петербурге. Об этом узнаем из письма Чокана родителям: «По приезде в Петербург я сразу дал знать ему через работника. Когда я вернулся домой, то Макежан уже сидел у меня на квартире; он с первого взгляда узнал меня. Говорит: «Обличье твое позабыл». Он вполне здоров, ничем не болеет».

Впоследствии Абулмакежан Валиханов успешно закончил училище и стал мастером художественно-декоративного ремесла. По рассказам потомков, Абулмакежан сделал несколько интересных сундуков с национальными узорами и своеобразными тайниками. Некоторые из них дошли до нас. Например, у заслуженного архитектора Казахской ССР Ш. И. Валиханова имеются образцы узоров и художественные изделия его родного деда.

Если перейти Певческий мост по направлению к Дворцовой площади, то перед нами предстанет восточный корпус Генерального штаба военного министерства России, окна которого выходят опять-таки на Набережную Мойки. В этом корпусе были размещены и департаменты Министерства иностранных дел России. Ч. Валиханов ходил в это здание на службу, выполнял подготовительные работы по составлению топографических карт окраин России. Через кавалерийское отделение Департамента Генерального штаба он получал письма и оказии из Степного края, от родственников и сослуживцев. А в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Чокан совмещал службу с мая 1860 г. Директором Азиатского департамента был Е. П. Ковалевский. Он знал Чокана и как ученого, и как подающего надежды литератора. Такому высокому мнению о литературных способностях казахского султана способствовали отлично написанные отчеты о поездках на Иссык-Куль, Кульджу и Кашгарию, а также частичные публикации в печатных органах Петербурга. Здесь его познакомили с литераторами, государственными деятелями. Н. П. Игнатьев, известный дипломат, недавно вернувшийся из Хивы, делился с Чоканом своими впечатлениями от поездки.

Улицы, дома и квартиры в Петербурге, в которых бывал Ч. Валиханов,— это пока не разработанная тема. Поэтому мы ограничимся вышеизложенными фактами.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И МИРЗА КАЗЕМ-БЕК

В. М. КУЛИЕВ

(Баку)

Впервые они увиделись в 1860 г. в Санкт-Петербурге. «После приезда в Петербург тотчас же Чокан перезнакомился с ориенталистами — был у Березина, Мирзы Казем-Бека, Васильева»¹, — пишет школьный товарищ Чокана по Омскому кадетскому корпусу, впоследствии известный историк и этнограф Г. Н. Потанин. «Кроме Григорьева, Чокан общался в Петербурге с известными востоковедами — Мирзой Казем-Беком, Галсоном Гомбоевым, В. В. Вельяминовым-Зерновым»², — утверждает современный исследователь И. Стрелкова.

Итак, первая встреча «патриарха русского востоковедения» (И. Н. Березин), выдающегося азербайджанского ученого, профессора восточных языков Казанского и Петербургского университетов Мирзы Казем-Бека (1802—1870) с талантливым сыном казахского народа, («как блестящий метеор, промелькнувший над нивой востоковедения»³) Чоканом Валихановым (1835—1865) произошла в столице русской империи. Где они могли встретиться? Может быть, в университете, куда на востоковедческий факультет в одно время хотел поступать Чокан Валиханов? Может быть, на заседании Русского географического общества, членами которого являлись они оба и где 4 мая 1860 г., после знаменитой Кашгарской экспедиции, с интереснейшим докладом выступил казахский просветитель? Эта встреча вполне могла произойти и на балах, устроенных петербургскими аристократами... Сейчас это трудно установить, но не это главное. Главное они нашли друг друга — эти два Мухаммеда — Мухаммед Ханафия (Чокан) Валиханов и Мухаммед Али Мирза Казем-Бек («весьма развитый азиатец» и «азиатец с европейским мышлением», как их тогда неофициально называли).

Эта встреча могла бы состояться и раньше. И не в северной столице, а в самом Омске, где обучался Чокан.

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 301.

² Стрелкова И. Чокан Валиханов. М., 1983. С. 198.

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. с. 79.

Приказом министерства иностранных дел в начале 1825 г. находившийся в Астрахани Мирза Казем-Бек был определен «на службу к Омскому Азиатскому училищу»⁴ преподавателем восточных языков. Правда, в то время Чокан еще не родился на свет, однако если бы Мирза Казем-Бек тогда попал в Омск, несомненно, он впоследствии стал бы его учителем в буквальном и переносном смысле этого слова. Однако случилось так, что «состоящий при Омском Восточном училище Мирза Казем-Бек, находясь в Казани, изъявил желание продолжать службу в тамошнем университете, потому из ведомства Иностранных дел вовсе уволился, определен согласно его желанию, по распоряжению г. Министра народного просвещения в упомянутый Казанский университет лектором восточных языков»⁵. Таким образом, отправляющийся в далекий Омск молодой азербайджанец стал сначала лектором, а потом профессором и создателем востоковедческой школы в Казани — втором университетском городе России. Хоть он и не попал в Омск, однако и здесь, в Казани, образовались у него тесные связи с казахами, с казахской общественной средой.

В 1826 г. в город прибыл почетный попечитель Казанского университета, молодой казахский дворянин, хан Букеевской Орды Джангир Букеев. К приезду высококочтимого хана тщательно готовились — университетская типография в срочном порядке выпустила книгу ректора университета, профессора К. А. Фукса «Пребывание в Казани киргизского хана Джеан Гира»⁶.

Был устроен большой прием, и в числе других преподавателей университета Мирза Казем-Бек также был представлен хану, и, как следовало ожидать, это знакомство двух молодых и просвещенных людей в дальнейшем переросло в дружбу. Профессор университета и просвещенный хан долгие годы переписывались и неоднократно встречались. В донесении Мирзы Казем-Бека к попечителю Казанского учебного округа Н. М. Мусину-Пушкину от 22 февраля 1844 г. читаем: «Хан Джангир, владелец Букеевой Орды, во время своего приезда через Казань в конце прошлого января убедительно просил

⁴ ЦГА КазССР. Ф. 338. Оп. 1. Д. 459. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Фукс К. А. Пребывание в Казани киргизского хана Джеан Гира. Казань, университетская типография, 1828.

меня издать в свет весьма важную между мусульманами книгу под названием «Мюхтесерюль-викгает» («Сокращенное законоведение»), которая считается во всех мусульманских школах как классическое сочинение. Желая исполнить волю хана Джангира, столь усердного покровителя просвещения между мусульман и стремящегося с похвальным тщанием к его распространению между своими киргизами, я с готовностью принял предложение Его Превосходительства»⁷.

В конце 1844 г. вышла книга «Мюхтесерюль-викгает» Мирзы Казем-Бека, посвященная Джангир-хану. Издание было полностью финансировано казахским ханом. В степи с большим одобрением приняли этот нужный труд. Сам Джангир-хан в своем письме от 18 октября 1844 г. писал Мирзе Казем-Беку: «Труд Ваш так отчетлив, так во всех отношениях хорош, что кроме отличного отзыва о его исполнении, остается по всей справедливости принести Вам глубочайшую за него признательность»⁸. А в письме от 28 февраля 1845 г. он сообщал о спорах, вызванных этой книгой среди казахских ученых-теологов: «Издание Ваше чрезвычайно заинтересовало отчетливостью текста и обилием объяснений мулл при ставке моей. Изучая его со всем вниманием и отдавая ему ту же справедливость, какую выражал я Вам в письмах моих, они сделали некоторые замечания свои по некоторым предметам. Всегда поощряя их рвения к ученым занятиям и в мысли, что мнения и объяснения проясняют дело, препровождаю на Ваше рассмотрение эти замечания»⁹. Эта заинтересованность была связана, прежде всего, с прикладным характером книги, так как она являлась практическим руководством в судебных разбирательствах казахов-мусульман.

Мирза Казем-Бек был страстным пропагандистом светского, университетского образования среди мусульманской молодежи России. Он неоднократно выступал со специальными «приглашениями» или «призывами» с целью привлечь представителей тюркоязычных народов в русские университеты. В Казанском университете у Мирзы Казем-Бека учились также студенты-казахи, впервые получившие европейское образование — Иса Бикмаев и Уразгаей Курбанаков. Их подготовил в 1-й

⁷ ЦГА ТАССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5595. Л. 1.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 4.

Казанской гимназии для поступления в университет выдающийся татарский просветитель Ибрагим Халфин. В 1828 г. они стали студентами Казанского университета по восточной словесности, где основные занятия по турецкому, персидскому и арабскому языкам вел Мирза Казем-Бек. В своем донесении в отделение словесных наук университета от 4 марта 1830 г. Мирза Казем-Бек, говоря об учебе студентов-казахов, писал: «По требованию одного отделения я испытал слушателей Гурбанова (так написана фамилия Мирзой Казем-Бек, — В. К.) и Бикмаева, честь имею донести, что познание первого в татарском языке очень хорошие, а в арабском и персидском языках хорошие, познание второго в татарском хорошие, а в арабском и персидском посредственные»¹⁰.

К сожалению, Уразгалею Курбанову не удалось закончить полный университетский курс. В 1831 г. по болезни он был отчислен из университета и отправлен в Омск. А второй студент-казак Иса Бикмаев продолжил учебу и в конечном счете «приобрел во время своего пребывания в университете: в татарском языке отличные, в персидском языке очень хорошие, а в арабском хорошие сведения»¹¹.

После окончания университета Иса Бикмаев работал переводчиком, затем преподавателем, стремясь везде и всюду дарить людям все то хорошее и доброе, чему его научил Казанский университет и Мирза Казем-Бек. Известна попытка Исы Бикмаева в создании школ для «киргизских» детей в Оренбурге. Не знаем, увенчалась ли успехом инициатива молодого казахского просветителя, однако известен другой факт: ученик Мирзы Казем-Бека по Казанскому университету Салихджан Кукляшев, преподававший восточные языки в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, одновременно был и учителем в школе для «киргизских» детей при пограничной комиссии, которая открылась в 1850 г. В числе учащихся этой школы был Ибрагим Алтынсарин, впоследствии известный казахский просветитель, который наряду с Чоканом Валихановым и Абаем Кунанбаевым подготовил почву просветительского движения среди казахов. Хоть Мирза Казем-Бек сам не преподавал

¹⁰ ЦГА ТАССР. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 175. Л. 5.

¹¹ ЦГА ТАССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5595. Л. 101.

Ибрагиму Алтынсарину, однако преемственность его просветительских идей отразилась и в деятельности последнего.

Да и среди преподавателей Чокана Валиханова были бывшие студенты Мирзы Казем-Бека. Он как педагог мог бы гордиться своими питомцами. Неслучайно знаменитый востоковед, близкий друг Чокана, профессор В. В. Григорьев, писал о нем, что «...никто из профессоров восточных языков в России не имел удовольствия видеть, стольких учеников своих деятелями на том и на другом (научном и педагогическом. — В. К.) поприще»¹². Татарский язык в Кадетском корпусе, где учился Чокан, преподавал выпускник Казанского университета Ташмамед Сейфуллин, о котором высоко отзывался Мирза Казем-Бек как о блестящем знатоке восточных языков. До 1865 г. в Омске жил, работал и преподавал в Кадетском корпусе другой питомец Мирзы Казем-Бека по Казанскому университету — Н. Ф. Костылецкий. Отлично владевший арабским, персидским и турецким языками, с детства знавший казахский, Н. Ф. Костылецкий был человеком демократических взглядов и талантливым педагогом. Именно у него научился Чокан азам востоковедения. Читая лекции по русской литературе, Н. Ф. Костылецкий не забывал знакомить кадетов — в основном жителей Востока — с богатым культурным наследием народов Востока. «К великой удаче для кадета Валиханова, — пишет Стрелкова, — один учитель открывал Чокану имена Пушкина и Низами, Гоголя и Фирдоуси, один учитель наставлял его в русской литературе и формировал из него образованного востоковеда»¹³.

Благодаря Н. Ф. Костылецкому Чокан, еще будучи в Омске, познакомился с другим талантливым учеником Мирзы Казем-Бека, тогда уже молодым профессором Казанского университета, И. Н. Березиным. В начале 50-х годов последний был всецело занят изданием «Библиотеки восточных историков». Эти книги, подготовленные в Казани под непосредственным руководством Мирзы Казем-Бека, через Н. Ф. Костылецкого попали и в руки 16-летнего Чокана. Узнав от него о феноменальных способностях казахского юноши,

¹² Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 102.

¹³ Стрелкова И. Чокан Валиханов. М., 1983. С. 40.

И. Н. Березин не преминул воспользоваться возможностью и обратился к нему с просьбой о толковании непонятных слов из «Ярлыка Ордынского хана Тохтамыша к польскому королю Ягелло».

Расшифровкой этого «Ярлыка» занимались такие выдающиеся ориенталисты, как академик Х. Д. Френ, Я. И. Шмидт, О. М. Ковалевский, Мирза Казем-Бек, И. Гаммер-Пургшталл, И. Н. Березин и другие. Статья молодого Чокана «Заметки при чтении книги проф. И. Н. Березина «Ханские ярлыки»¹⁴ делает честь его автору. В самом деле, невозможно не удивляться неограниченной эрудиции и способностям ученика кадетского корпуса. И это в далеком Омске. И без всякой специальной подготовки.

Статья показывает, что Чокан еще в 16-летнем возрасте был знаком с некоторыми научными трудами Мирзы Казем-Бека. В частности, в данной статье он дает сравнительный анализ транскрипции азербайджанского ученого, а также И. Н. Березина с текстом «Ярлыка», написанном на древнетюркском языке уйгурскими письменами. Примечательно, что Чокан, годившийся в сыновья этим исследователям, выступает как справедливое жюри в их разночтениях, последовательно и целеустремленно старается выявить научные истины и тем самым помочь университетским востоковедам. Примечательно и то, что некоторые слова, неправильно прочитанные И. Н. Березиным, исправлены Чоканом.

Работая над переводом «Ярлыка», Чокан скрупулезно изучил «Родословную тюрок» Абулгази-хана, сделал обширные выписки из «Сборника летописей» Жалаири, известного казахского историка. Иначе говоря, сотрудничество с казанскими востоковедами-учениками и последователями Мирзы Казем-Бека благотворно сказалось на всестороннем развитии молодого Чокана.

Позже, во время путешествия по Кашгарии Чокан познакомился с еще одним воспитанником азербайджанского ученого — впоследствии известным талантливым синологом И. И. Захаровым. В университете он занимался восточными языками, а попав в пограничные с Китаем районы империи, увлекся китайским языком. Впервые от него узнал Чокан о работе русской духовной миссии в Китае, о замечательном востоковеде Отце Иакинфе

¹⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1968. Т. 4. С. 104—114.

(Н. Я. Бичурине), о которых Мирза Казем-Бек опубликовал на страницах журнала «Современник» статью «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине»¹⁵.

Путешествуя по Кашгарии, Чокан первым среди русских востоковедов в условиях прямого контакта познакомился с языком, жизнью и бытом малоизученного тюркоязычного народа — уйгуров. Правда, о них в России впервые написал Ю. Клапрот обширную статью «О языке и письменности уйгур», указав, что они тюркоязычные. Об уйгурах говорилось в «Записках о Монголии» (1828 г.) Отца Иакинфа. Однако он ошибочно называл уйгуров-хорху монголами по происхождению. Эту ошибку исправил Мирза Казем-Бек в своем обширном историко-этимологическом труде «Исследование об уйгурах», опубликованном в 1841 г.¹⁶

На основе трудов П. Карпини, Г. Рубрука, А. Ремюза и других, а также многочисленных арабо-персо и тюркоязычных источников и китайских хроник Мирза Казем-Бек выявил истину о национальном и языковом происхождении, о состоянии литературы и историческом прошлом уйгуров. Большая часть этих данных была известна Чокану. «Внимание Чокана привлекли отдохавшие под деревом люди,— пишет И. Стрелкова.— Ему пояснили, что это уйгуры, которых китайцы называют таранчи. Чокан читал про уйгуров у Отца Иакинфа, у Мирзы Казем-Бека, у Абея Ремюза»¹⁷. И он своими научными наблюдениями способствовал развитию уйгуроведения, тогда еще находившегося в зародышевом состоянии.

Вот эти два наблюдения Мирзы Казем-Бека и Чокана хорошо показывают, как они оба точно установили характерные особенности духовной жизни уйгуров. «Уйгуры имели одно преимущество перед прочими: беспрестанные сношения с соседственными народами, делавшие их более образованными»¹⁸,— пишет Мирза Казем-Бек. Чокан, как бы продолжая эту мысль, замечает: «Нельзя не радоваться победам этой нации (т. е.

¹⁵ Мирза Казем-Бек. Труды членов русской духовной миссии в Пекине. «Современник», № 3, 4.

¹⁶ Мирза Казем-Бек. Исследование об уйгурах. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1841. Ч. 41.

¹⁷ Стрелкова И. Там же. С. 119.

¹⁸ Мирза Казем-Бек. Исследование об уйгурах. С. 37.

уйгуров.— В. К.) над предрассудками ислама и особенно способностям, с которыми они усваивают все иностранное»¹⁹.

Чокан, в отличие от вышеназванных востоковедов, включая и Мирзу Казем-Бека, был в живом контакте с уйгурами, жил среди них, практически изучал их быт, язык, экономику, культуру, социальные и правовые институты. В этом смысле исследования Чокана в области уйгуроведения как бы продолжали и дополняли труд Мирзы Казем-Бека. Говоря о капитальном сочинении Чокана «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов Китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии)» академик А. Х. Маргулан справедливо пишет, что «...это был первый труд, посвященный истории, географии и социальному строю народов Восточного Туркестана, написанный с учетом достижений современной Валиханову науки. По охвату материалов, а также по широте и глубине их анализа, работа эта являлась крупным вкладом в отечественную науку»²⁰. Следует отметить и то, что Чокан Валиханов впервые среди уйгуроведов составил словарь уйгурского языка.

Прожив более года в Петербурге, он часто бывал на востоковедческом факультете. Правда, университетское образование больше не привлекало его, он понимал, что не меньше знает иных дипломированных профессоров и вообще казенное отношение к науке некоторых петербургских ориенталистов порядком разочаровало его. Однако год, проведенный в Петербурге, еще теснее сблизил Чокана с петербургскими востоковедами, в особенности с Мирзой Казем-Беком и его питомцем — известным татарским просветителем и ученым Хусайном Фаизхановым. Хусайна Мирза Казем-Бек приметил еще в Казани, в медресе Шигабедина Марджани, и впоследствии став деканом востоковедческого факультета Петербургского университета, он пригласил его в столицу²¹. Нетрудно предположить, о чем говорили, мечтали и думали в северной столице эти представители трех тюркоязычных народов — азербайджанец Мирза Казем-Бек, казах Чокан Валиханов и татарин Хусайн Фаизханов.

¹⁹ Валиханов Ч. Ч. Избр. произв. Алма-Ата, 1957. С. 414.

²⁰ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 51.

²¹ Усманов М. А. Заветная мечта Хусайна Фаизханова. Казань, 1981. С. 7.

Между Чоканом и Хусаином, почти ровесниками, вскоре возникло духовное родство и, уезжая из Петербурга, Чокан взял больного татарского ученого в казахские степи на лечение кумысом. Представляет интерес письмо Хусаина Фаизханова к Чокану от 7 апреля 1864 г., где он перечисляя университетских востоковедов, сообщает об упорной работе Мирзы Казем-Бека над книгой «Шерауль-ислам», о студенческих волнениях, об идее издания газеты на татарском языке в Казани, о словаре казахского языка Ильминского, о превосходных фольклорных записях Чокана Валиханова и т. д.²² Это письмо ясно показывает, что Чокан, находясь далеко от столицы, в казахских степях, постоянно интересовался работой востоковедческого факультета и отдельных выдающихся ориенталистов, в том числе и Мирзы Казем-Бека.

И Мирза Казем-Бек, и Чокан Валиханов были просветителями. Они искали путь спасения тюркоязычных народов от вековой отсталости и фанатизма в просвещении, в приобщении к европейской цивилизации. Однако, ни Мирза Казем-Бек, ни Чокан Валиханов не были сторонниками слепого подражания достигнутой многовековым трудом других народов культуры. Они старались, чтобы их народы, не теряя своего национального своеобразия, поднялись на более высокую ступень общественного развития. Вот почему оба они резко критиковали исламский фанатизм и с большой надеждой смотрели на Россию Ломоносовых и Пушкиных. Чокан дружил с гениальным русским писателем Ф. М. Достоевским и петрашевцем С. Ф. Дуровым. Мирзу Казем-Бека хорошо знали А. С. Пушкин и В. М. Жуковский, Л. Н. Толстой и Н. Г. Чернышевский, наряду с передовыми представителями русской литературно-общественной мысли он сотрудничал в «Современнике», страстным читателем которого являлся Чокан. И Мирза Казем-Бек, и Чокан Валиханов искренно верили в цивилизаторскую миссию прогрессивных сил России в судьбе восточных народов. «Общность изучения Востока налагается на нас высокою задачею цивилизации,— писал Мирза Казем-Бек,— Россия будучи поставлена историею, природою и всемирными экономическими интересами в такие близкие отношения к Востоку, должна преимущественно

²² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 108.

перед другими странами нести на своих могучих плечах великое дело просвещения восточных народов. Многие века заставляли Россию породниться с Востоком... одни и те же светлые дни и дни невзгод вложили одну и ту же думу в сердца русских и восточных людей, которых в России многие миллионы и которые, таким образом будучи связаны жизнью с Россией, связаны в то же время происхождением, историческими преданиями и многочисленными взаимными интересами»²³...

Чокан Валиханов, как бы продолжая и конкретизируя эту мысль. Мирзы Казем-Бека, писал: «Мы (т. е. казахи.— В. К.) связаны с русскими историческим и даже кровным родством. Судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданское развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности в таких решительных вопросах, которые формируются в шекспировское «быть или не быть». Отсутствие разумного самозащиты и всякого рода пассивность обязывает правительство в отношении нас быть чрезвычайно внимательными и крайне осторожными»²⁴. В этих словах явно слышны нотки патриотизма, любовь к Востоку вообще и к конкретным восточным народам.

И Мирза Казем-Бек и Чокан Валиханов самой большой преградой на пути просвещения восточных народов считали исламскую религию. «Татары (т. е. фанатичные мусульмане.— В. К.) отвергают поэзию, историю, математику, философию и все естественные науки, считая их искушениями для слабого человеческого ума и ограничиваются одной мусульманской схоластикой и казуистикой»²⁵,— писал Чокан Валиханов, метко изображая истинное лицо ортодоксального мусульманского духовенства. Мирза Казем-Бек тоже с присущей ему логичностью и последовательностью обличал вредные тенденции ислама: «Представители веры магометанской,— писал он,— запрещали и запрещают иметь какое-либо сношение с неверными, учиться их языкам и следовать по стопам их; ибо думают, что делами и умом их управ-

²³ Мирза Казем-Бек. Необходимое объяснение//Северная пчела, 1860. № 4.

²⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 499.

²⁵ Там же. С. 499.

ляет сатана. Вот главные данные, на коих основаны предания пророка и на которых так долго держится фанатизм»²⁶.

Оба они считали необходимым нанести сокрушительные удары по исламскому фанатизму, на котором возвышались пропагандируемые религиозными деятелями ограниченность и невежественность. «Магомет все современные ему космогонические, медицинские и другие предания и предрассудки ввел в свое учение как догмат и тем самым остановил движение опытных наук»²⁷, — писал Чокан Валиханов, указывая на первооснову невежества и фанатизма у отсталых слоев мусульманских народов. А Мирза Казем-Бек обращает внимание на идеологическую ориентацию подобной тенденции в истории и учении ислама. «Не столько учение Мухаммеда, — пишет он, — сколько политика как самого его, так и его преемников поддерживала общее невежество самих арабов и покоренных ими народов; они инстинктивно знали, что фанатизм без невежества не может сделать больших чудес»²⁸. «Фанатизм, — далее продолжал ученый, — это горячка духа, которая приводит в ярость человека или сословие, которое оно заражает. Эта ярость страшна для других, но не менее того изнурительна для одержимых болезнью. Но чем больной необразованнее, грубее, тем страшнее его ярость»²⁹.

Вся просветительская деятельность Мирзы Казем-Бека и Чокана Валиханова была направлена на исцеление этой страшной болезни, которая постепенно разрушала нравственные устои народной жизни, создавая благоприятные почвы для дикости и всяких первобытных побуждений. И своей практической деятельностью они помогали народу. В одно время Чокан даже хотел стать волостным султаном, чтобы иметь больше возможности помочь родному народу. Однако он скоро понял, что это будет ограниченная и временная подмога. Надо служить народу пером, умом. И он написал блестящую «Записку о судебной реформе»³⁰ для того, чтобы хоть в

²⁶ *Мирза Казем-Бек*. О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии // Журнал Министерства Народного Просвещения, 1836. Ч. 11. С. 268.

²⁷ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 1. С. 520.

²⁸ *Мирза Казем-Бек*. Баб и бабиды. Спб., 1865. С. 160.

²⁹ Там же. С. 161.

³⁰ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 1. С. 516—525.

какой-то степени защитить бедного «киргиза» в судах. Той же цели служат заметки Мирзы Казем-Бека «Об устройстве судебного быта мусульман Закавказья»³¹. С той же целью Мирза Казем-Бек издал с обширными комментариями вышеназванную книгу «Мюхтесерюль-викгаёт» по просьбе казахского хана Джангира Букеева. Именно в этих целях Мирза Казем-Бек издал книгу «Шерауль-Ислам, или законы мусульман шиитского вероисповедания»³² в двух объемистых книгах. Изучая основы мусульманской юриспруденции, ни Мирза Казем-Бек, ни Чокан Валиханов не старались придать этим трудам чисто исследовательский тон, напротив, они хотели, чтобы эти работы сыграли практическую роль в юридической защите бесправных людей.

«Какого можно ожидать возрождения от ислама?» — задавался вопросом Чокан Валиханов. И сам же отвечал на этот вопрос категорически отрицательно: «Никакого»³³. Подобными мыслями жил и Мирза Казем-Бек: «Когда просветится Восток? Неужели Запад не в состоянии сделать благой переворот в нем? Неужели ислам останется постоянной преградой цивилизации?» — спрашивал он. И сам же отвечал вполне ясно и определенно на свои несколько патетические вопросы: «Запад своей политикой не может восстановить просвещения в Азии. Преобразователи страны должны родиться в самой стране»³⁴.

Несомненно, и Мирза Казем-Бек, и Чокан Валиханов были такими преобразователями в истории своих национальных культур.

³¹ ЦГИА ГрузССР. Ф. 9, Оп. 1. Д. 1276.

³² Шерауль-Ислам, или законы мусульман шиитского вероисповедания.

³³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 520.

³⁴ Мирза Казем-Бек. Баб и бабиды. Спб., 1865. С. 1.

ДОКУМЕНТЫ ЦГА КАЗАХСКОЙ ССР КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Э. Ж. ВАЛИХАНОВ
(Алма-Ата)

Поиск архива Ч. Ч. Валиханова и документов о нем начался сразу же после смерти ученого. Известно, что многие ценные документы, в том числе и научное наследие Ч. Ч. Валиханова, сохранились в архивах К. К. Гутковского, Г. А. Колпаковского, Г. Н. Потанина и других ученых, писателей и краеведов.

Первые же публикации этих документов относятся к концу XIX — началу XX в.

В силу того, что архивы формируются по административному признаку, документы о Ч. Ч. Валиханове находятся в самых различных архивохранилищах страны. Те же из них, которые есть в Центральном государственном архиве Казахской ССР, представляют собой один из многих крупных массивов архивной информации о жизни, научной и общественной деятельности казахского ученого.

Документы ЦГА Казахской ССР о нем можно условно разделить на несколько видов.

1. Материалы семейной биографии великого ученого. Это документы о предках Ч. Ч. Валиханова, о многочисленных родственниках со стороны отца и матери.

2. Материалы служебной биографии Ч. Ч. Валиханова.

3. Материалы его научной биографии.

4. Личные автографы ученого.

5. Письменные источники, касающиеся служебного окружения.

Документы ЦГА Казахской ССР о семейной биографии Ч. Ч. Валиханова весьма значительны. Надо отметить, в первую очередь, касающиеся и деда, и бабушки Чокана. В архиве сохранилось всего несколько документов о хане Вали, согласно которым о нем можно говорить как о последователе хана Аблая, своего отца. Документы явно свидетельствуют и о его верноподданических чувствах к России¹.

Весьма противоречивы и многочисленны документы, характеризующие деятельность некоторых близких род-

¹ ЦГА Казахской ССР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 218. Ф. 338. Оп. 1. Д. 364. Л. 30—31.

ственников Чингиса Валиевича. В документах о Чингисе находим сведения о том, что один из самых видных деятелей степи не раз поощрялся со стороны администрации.

Хотелось бы остановиться на датировке смерти Чингиса Валиханова. Отец Чокана прожил долгую жизнь, намного пережив своего одаренного сына. Сегодня мы можем с уверенностью констатировать, что Чингис прожил более 90 лет, умер он уже после 1901 г., об этом свидетельствует личная подпись Чингиса под документом с датировкой «1901 год»².

Из близких родственников Ч. Ч. Валиханова документы характеризуют определенным образом и дядю ученого по матери — Мусу Чорманова, известного бия. О нем складывается впечатление как о незаурядной личности, оказавшей определенное влияние на Чокана. В архиве есть сведения и о Мақыжане Валиханове, младшем брате Чокана³.

Таким образом, документы семейной биографии Ч. Ч. Валиханова создают пеструю картину политической, социальной и культурной жизни того времени, оказавшей большое влияние на формирование личности Чокана.

Материалы служебной биографии Ч. Ч. Валиханова в архиве представлены скупо. Есть два документа о производстве его в корнеты и приказ о назначении Чокана в 6-й казачий полк. Среди материалов о сооружении памятника на месте захоронения ученого — решение об этом, которое было в свое время принято туркестанским генерал-губернатором (однако проволоочки оттянули его сооружение до 1881 г.), чертеж проекта памятника, а также некоторые другие документы в связи с его сооружением⁴.

Материалы научной биографии Ч. Ч. Валиханова более обширны и характерны. Так, часть из них характеризует занятия Чокана с архивными документами. Сохранились рапорты и распоряжения, из которых явствует, что уже в 18—19-летнем возрасте Чокан серьезно работал по вопросам истории казахов. И в последующем

² Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 143. Л. 21—27.

³ Там же. Ф. 374. Оп. 1. Д. 943. Л. 1—13.

⁴ Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 40421.

обращение к первоисточникам было постоянным в творческом поиске ученого⁵.

Часть документов относится к подготовительной работе по составлению материалов судебной реформы⁶.

Автографы Ч. Ч. Валиханова, хранящиеся в архиве,— это золотой фонд, к сожалению, его эпистолярное наследие невелико, но по письмам можно составить о нем мнение как о хорошем военном специалисте, знатоке казахского обычного права, талантливом публицисте и, наконец, интересной личности. Последнее письмо датируется 19-м февраля 1865 г., а менее чем через 2 месяца Чокана уже не стало.

Хотелось бы обратить внимание на те признаки скоротечной чахотки, которые характерно описывает сам автор. На наш взгляд, причиной смерти ученого стала как раз эта болезнь, а не какие-либо другие причины. Весьма впечатляющ почерк последнего письма с расползанием букв, что весьма характерно для слабеющего организма. Причем, это, пожалуй, единственные подлинные автографы Чокана, находящиеся в Казахстане. Они хорошо сохранены. Письма передают своеобразие почерка Чокана.

Многочисленна группа документов, характеризующих сослуживцев Ч. Ч. Валиханова и тех лиц, кто в той или иной степени общался с ним в разные годы.

Формулярные списки, прошения, разбирательства, порой и судебные дела, а кроме того, и переводы на место службы, награды и пр. и пр.— все это вместе взятое создает ту пеструю картину жизни, в которой ежедневно и ежечасно вращался Чокан Валиханов.

Таким образом, архивные документы ЦГА КазССР о Чокане Валиханове многообразны, обладают разносторонней ценной информацией.

⁵ Там же. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1412. Л. 188—189, 236, 237. Д. 1579. Л. 56.

⁶ Там же. Ф. 345. Оп. 1. Д. 807. Л. 1—89.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
Введение	6

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО

С. Л. Тихвинский. Слово о Чокане Валиханове	20
Н. Е. Бекмаханова. Чокан Валиханов и русская культура	24
Х. А. Аргынбаев. Общественная деятельность Чокана Валиханова	32
Б. А. Литвинский. Чокан Валиханов — исследователь Центральной Азии	38
Э. М. Мурзаев. Географическое наследие Чокана Валиханова	45
В. П. Курyleв. Чокан Валиханов-этнограф	52
И. И. Стрелкова. Горячий патриот своего народа	61

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

М. Т. Иовчук, А. Х. Касымжанов. Истоки просветительства Чокана Валиханова	65
Г. А. Ашуров. О методологических вопросах становления просветительства в общественной мысли народов Средней Азии и Казахстана	72
✓ М. С. Бурабаев. Преемственность прогрессивных идей Н. Г. Чернышевского во взглядах Ч. Ч. Валиханова	79
О. С. Сегизбаев. Вклад Чокана Валиханова в домарковский атеизм и философский материализм	87
✓ С. Ф. Ударцев. Связи Чокана Валиханова с русской революционно-демократической эмиграцией	89
Ж. М. Абдилдин, М. С. Орынбеков. Идея общественного прогресса в наследии Ч. Ч. Валиханова	92
✓ Д. Кабдиев. Влияние русских революционных демократов на экономические воззрения Чокана Валиханова	103
М. К. Илюсизов. Экономические вопросы в работах Чокана Валиханова	109
Н. Д. Джандильдин, С. К. Сатыбекова. Концепция культуры в мировоззрении Чокана Валиханова	112

<i>Р. Е. Джуншеев.</i> Проблема человека в творчестве Чокана Валиханова	123
<i>А. Д. Сухов.</i> Ч. Валиханов — религиовед и критик религии	126
<i>Г. С. Сапаралиев.</i> О правовых взглядах Ч. Ч. Валиханова	129
<i>А. Н. Таукелев.</i> Чокан Валиханов о понятии барымты	139

ВОПРОСЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ТРУДАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

<i>Р. Б. Сулейменов.</i> Основоположник востоковедения в Казахстане	141
<i>Б. А. Ахмедов.</i> Чокан Валиханов об истории Средней Азии	147
<i>А. С. Садыков.</i> Исследователь истории и культуры киргизского народа	153
<i>И. Б. Молдобаев.</i> Изучение истории духовной культуры киргизского народа	158
<i>Р. Кыдырбаева.</i> Значение работ Чокана Валиханова для развития киргизской фольклористики	164
<i>Г. М. Исхаков.</i> Вопросы этнической истории уйгуров в исследованиях Чокана Валиханова	171
<i>Г. С. Садвакасов, Г. М. Исхаков.</i> Чокан Валиханов-уйгуровед	173
<i>К. Ш. Хафизова.</i> Чокан Валиханов о китайских грамотах	179
<i>Ю. С. Худяков.</i> Чокан Валиханов о военном искусстве средневековых кочевников Азии	185

ВКЛАД ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА В ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

✓ <i>И. В. Ерофеева.</i> Проблемы истории присоединения Казахстана к России в научном наследии Ч. Ч. Валиханова	192
<i>Н. Э. Масанов.</i> Чокан Валиханов об этногенезе казахского народа	197
<i>Н. А. Алимбаев.</i> Теоретическая оценка работ Чокана Валиханова по этнической культуре казахов	199
<i>О. И. Исмагулов.</i> Некоторые вопросы исторической антропологии в работах Чокана Валиханова	203
<i>М. С. Муканов.</i> Труды Чокана Валиханова в исследованиях А. Х. Маргулана	208

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

<i>Т. П. Матвеева.</i> Документы Чокана Валиханова в собрании архива Географического общества СССР	214
<i>А. С. Бейсенова.</i> Чокан Валиханов — путешественник и географ	219
<i>М. Ж. Жапбасбаев.</i> Исследователь природы Тянь-Шаня и Семиречья	223

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА В ТРУДАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

<i>А. Т. Қайдаров, Ш. Ш. Сарыбаев.</i> Обращение языковедов к работам Чокана Валиханова	229
---	-----

Т. Джанузаков. Вопросы ономастики в трудах Ч. Ч. Валиханова	237
О. А. Султаньяев. Из наблюдений за языком и стилем публицистических произведений Ч. Валиханова	244

ТРАДИЦИИ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ В РАБОТАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

З. А. Ахметов. Творчество Чокана Валиханова — достояние национальной культуры казахского народа	249
А. Дербисалин. Литературно-публицистическая деятельность Чокана Валиханова	254
Ш. К. Сатпаева. Чокан Валиханов и русская литература	262
Р. Б. Бердибаев. Чокан Валиханов — исследователь казахского фольклора	269
Ш. Е. Валиханов. Валихановские страницы «Колокола»	274
С. Н. Негимов. Чокан Валиханов о жанровых формах казахской народной поэзии	279
С. К. Утенизов. Влияние русской литературы на формирование Чокана Валиханова как литератора и публициста	282
М. Г. Габитова. Рисунки Чокана Валиханова	286

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

С. Г. Кляшторный. Биографы о Чокане Валиханове	292
В. С. Познанский. О чем сообщают заметки и статьи библиофилов	295
А. Р. Сатаев. Чокан Валиханов в Петербурге	297
В. М. Кулиев. Чокан Валиханов и Мирза Казем-Бек	302
Э. Ж. Валиханов. Документы ЦГА Казахской ССР как источник по изучению жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова	314

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(Сборник материалов Всесоюзной научной
конференции, посвященной 150-летию
со дня рождения Ч. Ч. Валиханова)

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории и этнографии имени Ч. Ч. Валиханова
Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: академик АН КазССР С. З. Зиманов,
доктор ист. наук В. З. Галиев

Зав. редакцией Л. И. Дробжева
Редактор А. Е. Орловская
Художественный редактор В. М. Грущак
Оформление художника А. И. Постовита
Технический редактор Л. Ю. Уляницкая
Корректор К. И. Касымжанова

ИБ № 2154. Сборник научных статей.

Сдано в набор 26.10.87. Подписано в печать 18.01.88. УГ12010.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. п. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 16,8. Уч.-изд. л. 17,56.
Тираж 2100. Заказ 218. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР
480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
480021, Алма-Ата, ул. Шевченко, 28